ИСТОРИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

2022, Том 5, №1

Подписано к публикации: 10.01.2022

Главный редактор журнала

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Аккиева Светлана Исмаиловна (РФ, г. Нальчик) – доктор исторических наук

Акмурзаева Зухра Магомедаминовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор

Бойко Владимир Сергеевич (РФ, г. Барнаул) – доктор исторических наук, доцент

Бруз Владимир Виленович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент,

Быстренко Валентинова Ивановна (РФ, г. Новосибирск) – доктор исторических наук, профессор

Галиева Зайраш Идрисовна (Кыргызстан, Бишкек)– доктор исторических наук, профессор

Гарсаев Лейчий Магамедович (РФ, г. Грозный) – доктор исторических наук, профессор,

Гашимов Рамис Рамазанович (РФ, г. Дербент) – кандидат исторических наук, доцент

Головашина Оксана Владимировна (РФ, г. Тамбов) – кандидат исторических наук, доцент

Исакиева Зулай Сулимовна (РФ, г. Грозный) – кандидат исторических наук, доцент

Купченко Константин Владимирович (РФ, Смоленск) – кандидат исторических наук, доцент

Макарчук Сергей Владимирович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, профессор,

Мещеряков Константин Евгеньевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор исторических наук, доцент,

Мусаева Салихат Ибрагимовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор

Непомнящий Андрей Анатольевич (Респ. Крым, г. Симферополь) – доктор исторических наук, профессор

Пузыня Николай Николаевич (РФ, г. Иркутск) – доктор исторических наук, доцент

Сафин Фаиль Габдуллович (РФ, г. Уфа) – доктор исторических наук, профессор,

Сефербеков Руслан Ибрагимович (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук

Столярова Гузель Рафаиловна (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор,

Терехов Олег Эдуардович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, доцент,

Тонких Владимир Алексеевич (РФ, г. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор

Фурсов Владимир Николаевич (РФ, Р. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор

Худолеев Алексей Николаевич (РФ, г. Новокузнецк) – доктор исторических наук, доцент

Чайка Евгений Александрович (РФ, г. Славянск-на-Кубани) – кандидат исторических наук, доцент

Шаяхметова Венера Рюзальевна (РФ, г. Пермь) – кандидат исторических наук, доцент

Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук

Ярцев Сергей Владимирович (РФ, г. Тула) – доктор исторических наук, доцент

«Исторический бюллетень» включен в список ВАК с 25.12.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru)
Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-78050 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-5685 (online)

E-mail: historical@dgpu-journals.ru
Сайт: http://hb-journal.ru
© Исторический бюллетень, 2022

Содержание

Амочаев П.А.
АРТИЛЛЕРИЯ НИЗОВОГО КОРПУСА 7-11

Ильясов Л.М.
К ВОПРОСУ ОБ ИДЕЙНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ СВОЕОБРАЗИИ НАРТСКОГО ЭПОСА ЧЕЧЕНЦЕВ 12-18

Танасов И.Д.
РАЗВИТИЕ ЧАСТНЫХ КРЕДИТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ГОДЫ НЭПА НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОГО ОБЩЕСТВА ВЗАИМНОГО КРЕДИТА 19-22

Япи Жоэлле Роланд
ОЦЕНКА АФРИКАНЦАМИ СОВЕТСКОЙ ПОМОЩИ В 1950-Х – 1980-Х ГГ. 23-29

Моисеев А.Н.
ФОРМИРОВАНИЕ И БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ В ПОВОЛЖЬЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918-1920 гг.) 30-35

Романова О.Н.
КОНСТРУКТИВИЗМ ПО-СОВЕТСКИ: НОВЫЕ СМЫСЛЫ И ЦЕННОСТИ 1920-Х ГОДОВ 36-38

Третьякова Н.В.
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XXI ВЕКЕ 39-43

Гусейнов Г.-Р.А.-К.
О ПОЗДНЕЗОЛОТООРДЫНСКОМ ИНСТИТУТЕ КАРАЧИ-БЕКОВ В ИСТОРИИ КУМЫКСКОГО ГОСУДАРСТВА 44-47

Иванов А.М., Купченко К.В., Федоскин Н.Н., Ягнешко М.В.
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ К НАЧАЛУ РАДИКАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 1990-Х ГОДОВ 48-55

Новиков М.С.
ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЛЕГКИЕ БРОНЕАВТОМОБИЛИ: МЕЖДУ ДВУХ ВОЙН, МЕЖДУ ДВУХ КОНЦЕПЦИЙ 56-62

Скопа В.А.
ИЗ ИСТОРИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО УЧЕТА В СИБИРИ В 1919-1920 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ) 63-66

Шувалов Е.Г.
ЭПИДЕМИИ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XV-XVII ВВ. И МЕТОДЫ БОРЬБЫ С НЕДУГОМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ 67-70

Бабаджанова К.М., Скорых Д.Н., Белоглазов А.В.
ГЕРМАНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ (2014-2020 гг.) 71-78

Колпаков П.А.
ОЦЕНКА ПРОЕКТОВ ЧАСТНЫХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ КАК МЕХАНИЗМ ПОЛИЦЕЙСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОТРАСЛИ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА II 79-86

Никитин Д.С.
АНГЛО-ИНДИЙЦЫ НАЧАЛА XX В. В ВОСПРИЯТИИ ИНДИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ (НА ПРИМЕРЕ АУРОБИНДО ГХОША И ГАЗЕТЫ «КАРМАЙОГИН») 87-90

Астанина Е.А., Цуканов С.С.
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РСФСР В 1937 Г. 91-96

Куликова Т.Н., Ершова Т.В.
ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ МОСКОВСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ 97-101

Шамситдинов Р.Р.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИОГРАФИИ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА В УЗБЕКИСТАНЕ (1937-1938 гг.) 102-107

Ильясов Л.М.
К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (ЭНЕОЛИТ, РАННЯЯ БРОНЗА) 108-114

Новиков С.В.
ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СУВЕРЕННОЙ РОССИИ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ РОССИЙСКОГО ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ (1990-1995) 115-124

Скопа В.А.
ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИЕМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПЕРЕПИСЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 Г.) 125-129

Ушкалов С.В., Захарова Л.И., Абовян Е.Н.
РОЛЬ КОМАНДНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОСТАВА КРАСНОЙ АРМИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ 130-135

Егоров А.М., Никитина Н.П., Егоров И.А.
ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ КАДРОВОГО СОСТАВА ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 136-140

Новиков М.С.
ТЯЖЕЛЫЙ БРОНЕАВТОМОБИЛЬ ДЛЯ РАЗВЕДКИ, ДОЗОРА И СВЯЗИ – НЕ РЕАЛИЗОВАННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ БРОНЕТЕХНИКИ 141-147

Юрченко Е.С.
БОРЬБА АМЕРИКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ЗА РЕАЛИЗАЦИЮ СОГЛАШЕНИЙ ПО ЗАПАДНЫМ ГРАНИЦАМ ПОЛЬШИ В 1920 Г. 148-154

Contents

Amochaev P.A.
ARTILLERY OF THE LOWLAND CORPS 7-11

Ilyasov L.M.
ON THE ISSUE OF THE IDEOLOGICAL AND STYLISTIC ORIGINALITY OF THE NART EPIC OF THE CHECHENS 12-18

Tanasov I.D.
THE DEVELOPMENT OF PRIVATE LOAN ORGANIZATIONS DURING NEP BASED ON THE EXAMPLE OF PENZA MUTUAL LOAN SOCIETY 19-22

Yapi Joelle Roland
AFRICANS' ASSESSMENT OF SOVIET AID IN THE 1950S-1980S 23-29

Moiseev A.N.
THE FORMATION AND COMBAT ACTIVITIES OF INTERNATIONAL UNITS OF THE RED ARMY IN THE VOLGA REGION DURING THE CIVIL WAR (1918-1920) 30-35

Romanova O.N.
IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF CONSTRUCTIVISM: HISTORICAL AND CULTURAL ASPECTS 36-38

Tretyakova N.V.
GENERAL CHARACTERISTICS OF THE STAGES OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS IN THE XXI CENTURY 39-43

Guseinov G.-R. A.-K.
ABOUT LATE GOLD-HORDE INSTITUTE OF KARACHI-BEKS IN THE HISTORY OF THE KUMYK STATE 44-47

Ivanov A.M., Kupchenko K.V., Fedoskin N.N., Yagneshko M.V.
SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF SMOLENSK REGION TO THE BEGINNING OF RADICAL AND ECONOMIC TRANSFORMATIONS OF THE 1990S 48-55

Novikov M.S.
NATIONAL LIGHT ARMORED CARS: BETWEEN TWO WARS, BETWEEN TWO CONCEPTS 56-62

Skopa V.A.
FROM THE HISTORY OF AGRICULTURAL STATISTICAL ACCOUNTING IN SIBERIA IN 1919-1920 (BASED ON MATERIALS FROM THE SIBERIAN STATISTICAL OFFICE) 63-66

Shuvalov E.G.
EPIDEMICS IN THE MOSCOW STATE AND METHODS OF DISEASE CONTROL THROUGH THE PRISM OF SOCIAL WORLDVIEW 67-70

Babajanova K.M., Skorykh D.N., Beloglazov A.V.
GERMAN-RUSSIAN RELATIONS: SECURITY ISSUES (2014-2020) 71-78

Kolpakov P.A.
EVALUATION OF PRIVATE RAILWAY PROJECTS AS A MECHANISM FOR POLICING THE ECONOMIC SECURITY OF THE INDUSTRY DURING THE REIGN OF ALEXANDER II 79-86

Nikitin D.S.
ANGLO-INDIANS OF THE EARLY XX CENTURY IN THE PERCEPTION OF INDIAN REVOLUTIONARIES (AUROBINDO GHOSH AND THE «KARMAYOGIN» NEWSPAPER) 87-90

Astanina E.A., Tsukanov S.S.
MILITARY AND POLITICAL EDUCATION OF YOUTH IN THE FAR EAST OF THE RSFSR IN 1937 91-96

Kulikova T.N., Ershova T.V.
HOUSING CONDITIONS OF MOSCOW STUDENTS AT THE END OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES 97-101

Shamsitdinov R.R.
SOME ASPECTS OF THE HISTORIOGRAPHY OF THE GREAT TERROR IN UZBEKISTAN (1937-1938) 102-107

Ilyasov L.M.
ON THE QUESTION OF THE TRANSFORMATION OF FUNERAL RITES IN THE NORTH CAUCASUS (ENEOLITHIC, EARLY BRONZE AGE) 108-114

Novikov S.V.
POLITICAL ORDER, GOVERNMENT AND ECONOMIC SYSTEM OF SOVEREIGN RUSSIA IN THE PROGRAM DOCUMENTS OF THE RUSSIAN CHRISTIAN-DEMOCRATIC MOVEMENT (1990-1995) 115-124

Skopa V.A.
ORGANIZATIONAL METHODS AND MECHANISMS FOR CONDUCTING CENSUSES IN THE RUSSIAN EMPIRE (BASED ON THE MATERIALS OF THE ALL-RUSSIAN POPULATION CENSUS OF 1897) 125-129

Ushkalov S.V., Zakharova L.I., Abovyan E.N.
THE ROLE OF THE COMMAND AND POLITICAL COMPOSITION OF THE RED ARMY IN THE ORGANIZATION OF THE PARTISAN MOVEMENT 130-135

Egorov A.M., Nikitina N.P., Egorov I.A.
PREREQUISITES OF FORMATION AND PECULIARITIES OF PERSONNEL OF ZEMSKY SELF-GOVERNMENT IN THE RUSSIAN EMPIRE 136-140

Novikov M.S.
HEAVY ARMORED CAR FOR INTELLIGENCE, PATROL AND COMMUNICATIONS - NOT IMPLEMENTED WAY OF DEVELOPMENT OF SOVIET ARMORED VEHICLES 141-147

Yurchenko E.S.
THE STRUGGLE OF AMERICAN DIPLOMACY FOR THE IMPLEMENTATION OF AGREEMENTS ON THE WESTERN BORDERS OF POLAND IN 1920 148-154

Амочаев П.А., преподаватель,
Санкт-Петербургская академия управления
городской средой, градостроительства и печати

АРТИЛЛЕРИЯ НИЗОВОГО КОРПУСА

Аннотация: в статье освещены проблемы обеспечения артиллерией войск Низового корпуса русской армии в 1722-1735 годах. С этой целью, автор, используя ранее неопубликованные источники, рассматривает вопросы связанные с численностью и качеством личного состава артиллерии, количеством и состоянием её материальной части и её боевой путь. Научная новизна работы заключается в том, что автор вводит в оборот новые конкретные данные, позволяющее более объективно взглянуть на проблемы развития русской армии в XVIII столетии. Приведённые данные позволили автору сделать вывод, что правительство осознавало важность решаемых корпусом задач, но не оказывало ему достаточной поддержи, что существенно осложняло не только боевую деятельность, но и быт, как нижних чинов, так и командного состава корпуса.

Ключевые слова: история артиллерии, русская артиллерия, артиллерия Петра I, Низовой корпус, Персидский корпус, крепость Святого Креста

Боевой путь Низового корпуса – один из кратких эпизодов в истории отечественных вооружённых сил, после которого минуло уже без малого два столетия. За это время он неоднократно становился объектом исследования и его деятельность была освещена с разных сторон множеством отечественных исследователей, однако и сегодня наши знания об этом уникальном воинском соединении трудно назвать исчерпывающими.

Наименование «Низового» или «Персидского» корпуса получило воинское соединение сформированное Петром I для завоевания прикаспийских провинций в 1722 году. После окончания экспедиции войска корпуса были размещены во вновь завоёванных провинциях в качестве гарнизонных частей. После возврата провинций Персидскому шаху в 1735 году, корпус был расформирован. Часть полков была раскассирована, а часть продолжила свой боевой путь в качестве штатных полков регулярной русской армии. За недолгий период своего существования войска корпуса подверглись множеству серьёзных испытаний и обогатили отечественные вооружённые силы уникальным опытом. Не удивительно, что интерес к истории корпуса не ослабевает до сих пор.

Несмотря на то, что в ходе эвакуации корпуса большая часть его документации была утеряна, сохранились отчёты корпусного командования Военной коллегии. Кроме того, некоторые из офицеров корпуса оставили письменные воспоминания об этом периоде службы. Опираясь на эти источники, отечественные исследователи попытались воспроизвести историю корпуса. Впервые научному осмыслению Каспийский поход и войска, принимавшие в нём участие, подверглись уже в конце XVIII века [1]. Но эти работы носили скорее описательный характер. Исследователей XIX века, таких как Д.П. Бутурлин [2], С.М. Соловьёв [3] или В.В. Комаров [4], более интересовали боевые подвиги корпуса и роль в них отдельных личностей. Советские историки, например Е.С. Зевакин [5] или В.П. Лысцов [6], рассматривали историю корпуса с политической и дипломатической точек зрения. Наконец, современные историки – И.В. Курукин [7] и Н.Д. Чекулаев [8] – увидели, в этом эпизоде истории, первые шаги на длинном и сложном пути становления отношений между Россией и народами Кавказа. Тем не менее, даже после такого подробного исследования истории корпуса, в ней остаётся немало белых пятен. Одним из них является артиллерийское обеспечение корпуса.

Численность и структура пехотных и кавалерийских подразделений корпуса описана в отечественной исторической литературе достаточно подробно. Эти данные легко реконструируются по материалам Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), где хранятся документы Военной коллегии. Самым полным исследованием на данную тему, на сегодняшний день, является монография И.В. Курукина «Персидский поход Петра Великого» [9], в которой автор скрупулёзно описал воинские части, принимавшие участие в походе и ставшие основой корпуса. При этом, автор с большой точностью воспроизводит численность пехоты и кавалерии, но об артиллерии упоминает лишь вскользь. Причина такого неравномерного освещения в том, что автор использовал лишь центральные архивы, игнорируя тот факт, что в XVIII столетии русская артиллерия пользовалась некоторой автономией и управлялась собственным штабом – Главной артиллерией. Канцелярия Главной артиллерии располагалась в Санкт-Петербурге и сегодня её документация хранится в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных

войск и войск связи (ВИМАИВиВС). Некоторые документы корпуса удалось обнаружить Н.Д. Чекулаеву в архивах республики Дагестан. Данная статья является попыткой реконструировать состав артиллерии Низового корпуса опираясь на материалы архива Артиллерийского музея и некоторые ранее опубликованные данные. С этой целью будут рассмотрены личный состав, материальная часть и боевая деятельность артиллеристов корпуса.

Согласно отчёту, присланному в Главную артиллерию начальником артиллерии Низового корпуса майором И. Гарбером в 1723 году, личный состав корпусной артиллерии был разделён на пять команд [10, Л. 8]. Самой многочисленной была Астраханская команда, в состав которой, кроме самого И. Гарбера, входили: лейтенант Самойла Линдзей, два штык-юнкера (младший офицерский чин в артиллерии, равный прапорщику), два капрала, два ефрейтора, пять бомбардиров, десять гандлангеров (нижние чины бомбардирской роты, помощники бомбардиров), четырнадцать канониров и двадцать четыре фузилера. Из инженерных чинов в команде были два кондуктора (нижний чин инженерной роты, равный сержанту) и шесть минеров. Хозяйственными делами команды ведали цейхвартер (заведующий цейхгаузом – оружейным складом) с цейхшребером (писарь в цейхгаузе) и комиссар (казначей) с двумя писарями. Имелся в команде и собственный цирюльник [10, Л. 8 об]. Всего семьдесят пять человек.

Вторая команда была расквартирована в крепости Святого Креста, на реке Сулак. Командовал командой капитан-лейтенант Никифор Невельской, в подчинении у которого находились сержант, два капрала, два бомбардира, два гандлангера, четырнадцать канониров, двадцать семь фузилеров, пять кондукторов и писарь [10, Л. 9]. Всего пятьдесят пять человек.

Третья команда находилась в Дербенте и состояла из штык-юнкера, сержанта, капрала, шести гандлангеров, четырех канониров и трех фузилеров [10, Л. 10]. Всего шестнадцать человек.

Четвёртая команда располагалась в Баку. Здесь службу несли штык-юнкер, сержант, капрал, ефрейтор, семь гандлангеров, пять канониров, четыре фузилера и кондуктор [10, Л. 10 об]. Всего двадцать один человек.

Наконец, пятая команда была размещена в Гилянской провинции. В состав команды входили: штык-юнкер, сержант, капрал, ефрейтор, пять гандлангеров, пять канониров, тринадцать фузилеров, а также инженерный капитан-лейтенант Людвиг Далонсон и трое кондукторов [10, Л. 11]. Всего тридцать один человек.

Таким образом, общее число артиллеристов Низового корпуса составляло 198 человек. Это количество можно было бы считать достаточным, но высокая смертность, из-за болезней и частых стычек с местным населением, приводила к постоянному дефициту кадров. Офицеры постоянно жаловались на нехватку людей. Например, в июле 1728 года командир артиллерии в Гилянской провинции, штык-юнкер Алексей Головачёв, писал майору Гарберу: «Ещё ж вас, государя своего, покорно прошу повелеть прислать из Астрахани к нам хотя человека два или три добрых людей из рядовых, чтоб можно было кому поверить пороховые казематы» [11, Л. 218]. Ситуацию ухудшало и то, что, из-за суровых условий, власти рассматривали службу в Низовом корпусе, как вид наказания, отправляя на службу туда провинившихся. Так, некоего капрала Волоцкого Военная Коллегия приговорила: «прогнать шпицрутены через полк три раза и написать в солдаты, для определения в службу, послать его в Гилян» [11, Л. 212]. Инженерных кондукторов Н. Желтухина и К. Корсакова отправили в Низовой корпус под караулом, за их «буйство» и «упущения по службе» [9, С. 179]. Тот же Головачёв жаловался: «Истинно, государь, положиться стало не на кого, а которые при мне имеются и на тех положится со страхом, понеже весьма упрямые и своевольные люди и от браги не воздержаны» [11, Л. 218]. Военной коллегии приходилось постоянно расширять контингент артиллеристов корпуса. Только в Гилянской провинции, за пять лет пребывания русского гарнизона, число артиллерийских служителей выросло с тридцати одного человека до шестидесяти четырёх [11, Л. 224].

Материальная часть корпусной артиллерии состояла, большей частью, из орудий, доставшихся России в качестве трофеев. Орудиями российского производства оснащались изначально лишь гарнизоны Астрахани и крепости Святого Креста.

Согласно рапорту И. Гарбера от 21 декабря 1723 года, в Астрахани находилось две пудовые медные гаубицы, одна пяти пудовая и четыре двух пудовые медные мортиры, семь медных петард [12, Л. 1 об], две двадцати четырёхпудовых, шесть восемнадцатифунтовых, двенадцать двенадцатифунтовых и три трёхфунтовых медных пушки, три восемнадцатифунтовых, четыре восьмифунтовых и восемнадцать шестифунтовых чугунных пушек [12, Л. 2]. Всего шестьдесят два орудия.

Крепость Святого Креста поначалу располагала лишь чугунными пушками: двенадцать восемнадцатифунтовых, тридцать девять двенадцатифунтовых, одна восьмифунтовая, восемь шестифунтовых, четырнадцать четырёхфунтовых и пять трёх-

фунтовых [12, Л. 2]. Всего семьдесят девять орудий.

Дербентский гарнизон имел на вооружении в основном старые персидские, часто не годные к использованию, орудия. Наибольшую часть составляли полуфунтовые, не годные к стрельбе, чугунные пушки. Таковых насчитывалось 162 штуки [12, Л. 2]. В 1733 году 158 из них были отправлены в крепость Святого Креста [8, с. 87]. Можно предположить, что правительство планировало отправить их на переплавку. Также в Дербенте находились: одна сорока восьмифунтовая, одна трёхфунтовая, две двухфунтовые, две полутора фунтовые и одиннадцать фунтовых медных персидских пушек. Калибр некоторых трофейных орудий оказался не сопоставим с принятым в Российской империи, поэтому артиллеристы вынуждены были вспомнить единицы измерения принятые в допетровской России – лоты (одна тридцать вторая фунта). Одна пушка оказалась тридцатилотовая, три двадцати восьмилотовые и одна тринадцатилотовая. Из чугунных орудий в Дербенте имелись шесть восемнадцатифунтовых, восемь двенадцатифунтовых, семнадцать восьмифунтовых и девять шестифунтовых пушек [12, Л. 2]. В феврале 1723 года царь приказал вывезти из города все медные пушки и заменить их двадцатью железными. В мае 1725 года комендант Дербента отрапортовал, что медные пушки вывезены, а в город доставлены двадцать восемь железных пушек, а в июле того же года к ним прибавилось две мортиры [8, с. 87]. Таким образом, к концу периода пребывания в Дербенте русского гарнизона в нём насчитывалось семьдесят одно чугунное и железное орудие.

Гарнизон Баку располагал одной девятилотовой и тремя четырёхлотовыми чугунными персидскими пушками. Из медных персидских орудий в городе находились одна тридцати шестифунтовая, одна двадцати четырёхфунтовая, одна двухфунтовая и восемь двадцати четырёхлотовых пушек. Кроме того, имелось шесть шестифунтовых медных мортир, четыре двенадцатифунтовых, восемь восьмифунтовых, восемнадцать шестифунтовых, две пятифунтовых, восемь трёхфунтовых и четыре двухфунтовые чугунные пушки [12, Л. 2]. Всего шестьдесят пять орудий.

Наконец, гарнизонная артиллерия Гилянской провинции в 1723 году состояла из шести шестифунтовых медных мортир, двух трёхфунтовых персидских медных пушек, шестифунтового дробовика, пятнадцати шестифунтовых, одной пятифунтовой и двадцати восьми трёхфунтовых чугунных пушек [12, Л. 2]. Однако, по докладам 1728 года, там находилось уже три двухпудовые чугунные мортиры, десять медных шестифунтовых мортир и столько же чугунных; а также четыре восьмифунтовых, тридцать пять шестифунтовых и тридцать одна трёхфунтовая пушка [11, Л. 224]. То есть за пять лет артиллерия Гилянской провинции увеличилась с пятидесяти трёх до девяносто трёх орудий.

Высокая насыщенность Низового корпуса артиллерией, в значительной степени, нивелировалась низким качеством орудий, но правительство Российской империи проявило понимание важности стоящих перед корпусом задач и стремилось повышать боеспособность корпусной артиллерии постепенно пополняя её и заменяя негодные к использованию орудия более новыми.

Сведения о боевой деятельности артиллеристов Низового корпуса крайне отрывочны. Основными видами деятельности являлись несение караулов и огневая поддержка войск гарнизона при нападении врага, а случалось это нередко. Например в сентябре 1723 года горцы трое суток осаждали укрепление на реке Рубаса (близ Дербента) [7, с. 23]. Гарнизон выстоял, но в ходе осады разорвало пушку и обрушилась стена, что наглядно характеризует качество материальной части корпусной артиллерии.

Участвовали артиллеристы и в походах, которые части корпуса предпринимали для усмирения повстанцев. В сентябре 1725 года генерал-майор Г.С. Кропотов был направлен из крепости Святого Креста в карательную экспедицию в горы, с одиннадцатью тысячами солдат, среди которых были и артиллеристы; во всяком случае, в составленном, по итогам экспедиции, журнале упоминается об использовании в походе двух пушек [9, с. 151]. Другой поход был предпринят в декабре 1730 года, во главе с полковником Н. Ступишиным, в рапорте которого упомянут канонир погибший в бою при деревне Тигу (в Гилянской провинции) [9, с. 189].

Чтобы получить объективное представлении о службе артиллериста Низового корпуса можно привести выдержку из рапорта сержанта Бахметьева: «И в том же 1723 году командирован я из Астрахани в Гилян в крепость Рящи и был во онои крепости год, а из онои крепости отправлен был на штурм при трех пушках да при трех мартирах штифунтовых под крепость Сахман и по взятье Сахмана послан был в местечко Кескер. А по рибытии в Кескер был в нем восемь месяцев, к которому более трех месяцов от бесурманов были жестокие приступы непрестанно. И от того пребывали в великом непокоистве и в неусыпных трудах и по отбытии оттудова штык-юнкера Львова в Астрахань взят паки в Рящи, к которой были от бесурманов також непристанные приступы, в чем был при пушках неотлучно и без помянутого

штык-юнкера имел всякие отправлении, как при артиллерии в припасех, так и в надзирании артиллериских служителеи над шестью крепостьми» [13, Л. 446]. Из приведённого текста можно заключить, что боевая деятельность артиллеристов корпуса была насыщена и разнообразна. Непривычный климат и постоянные набеги горцев делали жизнь артиллерийских служителей нелёгкой, но правительство не считало особые условия службы достаточным основанием для предоставления служителям корпуса особого статуса. За свои тяготы и лишения солдаты корпуса не получали ни повышенного жалования ни усиленного пайка.

В заключение можно отметить, что артиллеристы Низового корпуса вынуждены были выполнять боевую задачу в тяжёлых условиях: низкое качество материальной части, суровые климатические условия, постоянные боестолкновения. Правительство стремилось расширять численность личного состава, но его качество было невысоко. Единственная реальная помощь, которую получали артиллеристы от правительства – это постепенная замена устаревшей трофейной материальной части.

Литература

1. Туманский Ф.О. Описание похода государя Петра Великого к лежащим при Каспийском море персидским провинциям // Российский магазин. СПб., 1793. Ч. 3. С. 45 – 76.

2. Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1823. Т. 4. Ч. 2. 266 с.

3. Соловьёв С.М. Пётр Великий на Каспийском море // Вестник Европы. 1868. № 3. С. 163 – 202.

4. Комаров В.В. Персидская война 1722-1725 гг. М., 1867. 68 с.

5. Зевакин Е.С. Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII в. // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1927. № 5. С. 123 – 133.

6. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I: 1722-1723. М., 1951. 248 с.

7. Курукин И.В. На пути в Индию. Персидский поход 1722-1723 гг. М., 2015. 64 с.

8. Чекулаев Н.Д. Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722-1735 гг.). Махачкала, 2008. 222 с.

9. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722-1735). М., 2010. 381 с.

10. Архив ВИМАИВиВС Ф. 2. Оп. 4. Д. 27.

11. Архив ВИМАИВиВС Ф. 2. Оп. 6. Д. 10.

12. Архив ВИМАИВиВС Ф. 2. Оп. 4. Д. 34.

13. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 3. Д. 86.

References

1. Tumanskij F.O. Opisanie pohoda gosudarya Petra Velikogo k lezhashchim pri Kaspijskom more persidskim provinciyam. Rossijskij magazin. SPb., 1793. CH. 3. S. 45 – 76.

2. Buturlin D.P. Voennaya istoriya pohodov rossiyan v XVIII stoletii. SPb., 1823. T. 4. CH. 2. 266 s.

3. Solov'yov S.M. Pyotr Velikij na Kaspijskom more. Vestnik Evropy. 1868. № 3. S. 163 – 202.

4. Komarov V.V. Persidskaya vojna 1722-1725 gg. M., 1867. 68 s.

5. Zevakin E.S. Prikaspijskie provincii v epohu russkoj okkupacii XVIII v. Izvestiya obshchestva obsledovaniya i izucheniya Azerbajdzhana. Baku, 1927. № 5. S. 123 – 133.

6. Lyscov V.P. Persidskij pohod Petra I: 1722-1723. M., 1951. 248 s.

7. Kurukin I.V. Na puti v Indiyu. Persidskij pohod 1722-1723 gg. M., 2015. 64 s.

8. CHekulaev N.D. Rossijskie vojska v Dagestane v kontekste kavkazskoj politiki Rossii (1722-1735 gg.). Mahachkala, 2008. 222 s.

9. Kurukin I.V. Persidskij pohod Petra Velikogo. Nizovoj korpus na beregah Kaspiya (1722-1735). M., 2010. 381 s.

10. Arhiv VIMAIViVS F. 2. Op. 4. D. 27.

11. Arhiv VIMAIViVS F. 2. Op. 6. D. 10.

12. Arhiv VIMAIViVS F. 2. Op. 4. D. 34.

13. Arhiv VIMAIViVS. F. 2. Op. 3. D. 86.

Amochaev P.A., Lecturer,
St. Petersburg Academy of Urban
Management, Planning and Printing

ARTILLERY OF THE LOWLAND CORPS

Abstract: the article highlights the problems of providing artillery of the Lowland Corps of the Russian army in 1722-1735. To this purpose, the author, using previously unpublished sources, examines issues related to the number and quality of artillery personnel, the quantity and condition of its material and its combat activity. The scientific novelty of the work is in the fact that the author introduces new concrete data into circulation, that allow to look at the problems of the development of the Russian army in the XVIII century more objective. These data allowed the author to conclude that the government was aware of the importance of the tasks executed by the corps, but it did not provide it with enough support, that significantly complicated as combat activities, as the life of both the lower ranks and the command staff of the corps.

Keywords: history of artillery, Russian artillery, artillery of Peter I, Lowland corps, Persian corps, fortress of the Holy Cross

Ильясов Л.М., кандидат филологических наук,
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕЙНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ СВОЕОБРАЗИИ НАРТСКОГО ЭПОСА ЧЕЧЕНЦЕВ

Аннотация: статья посвящена идейно-стилистическому своеобразию нартского эпоса чеченцев, который несмотря на национальную специфику и фрагментарность отдельных сюжетов, связанную с поздней записью эпических сказаний, органично вписывается в общую канву кавказской эпической системы. Автор связывает героев эпоса «нарт-орстхойцев» с воинской кастой, которая существовала у чеченцев в течение нескольких веков, вплоть до Позднего Средневековья, и была разгромлена, когда ее представители, злоупотребляя своими полномочиями и военным превосходством, стали грабить своих соплеменников и, в конце концов, превратились в шайку жестоких разбойников. В нартских сказаниях чеченцев присутствует переосмысление системы нравственных ценностей, зачатки которого появляются и в эпосе других народов Кавказа. Нартский эпос чеченцев можно разделить на три цикла, каждый из которых отражает определенный исторический период в жизни чеченского народа. Несмотря на своеобразие национальных эпических повествований, можно предположить, что изначально нартский эпос зарождается одновременно в среде нескольких автохтонных народов региона, так как при всех типологических совпадениях с эпическими системами иранских, индоевропейских, тюркских народов, он остается чисто кавказским культурным феноменом.

Ключевые слова: Северный Кавказ, чеченцы, нартский эпос, нарты, нарт-орстхоевцы

Существенная особенность нартского эпоса состоит в том, что, являясь созданием многих народов, он имеет, как общие (единое именование эпических героев нартами, общие имена центральных героев и связанные с ними сюжеты), так и индивидуальные черты [2, с. 15-16]. В кавказоведении около двух столетий продолжаются острые дискуссии об истоках северокавказского нартского эпоса, о месте его возникновения, об уровне его аутентичности и степени древности в эпических системах различных народов региона [5].

Актуальными эти проблемы остаются и для исследователей нартского эпоса чеченцев, который при всей своей специфике органично вписывается в общую канву северокавказской эпической системы.

Впервые два чеченских нартских сказания были опубликованы в 1872 г. в статье «Чеченское племя» русским офицером У. Лаудаевым, чеченцем по происхождению. В работе, которая отличается крайне негативным и пренебрежительным отношением автора к истории и культуре своего народа, не указаны ни информаторы, ни место, где были записаны эти сказания [15].

Первые записи нартского эпоса чеченцев были сделаны А. Греном в 1897 г. и чеченским просветителем Т. Эльдархановым в 1900 г. [4, 19]. Ингушские сказания о нартах были записаны в горных селениях Джейрахского ущелья в 1868-1871 гг. Ч. Ахриевым, а через двадцать лет у тех же сказителей – Б. Далгатом.

Регулярная запись и систематическое исследование чеченского фольклора, и в частности, нартского эпоса начинаются в 60-х гг. XX в. К этому времени были забыты и утрачены целые пласты устного народного творчества чеченцев – мифологии, космогонии, эпоса. Об угрозе исчезновения нартского эпоса народов Северного Кавказа еще в конце XIX в. писал В.Ф. Миллер. Французский ученый Ж. Дюмезиль отмечал, что до середины XIX в. нартский эпос передавался из поколения в поколение профессиональными сказителями, а позднее сказания о нартах «продолжали жить, хранимые лишь ненадежной памятью немногих стариков» [13, с. 29].

По мнению У.Б. Далгат, для эпоса характерны два состояния фрагментарности: первичное, связанное с разрозненным и самостоятельным существованием отдельных сюжетов и мотивов до их объединения в циклы; вторичное, обусловленное известной степенью его деформации на поздней ступени бытования [6, с. 108].

Фрагментарность чеченского нартского эпоса, в котором отсутствуют некоторые общекавказские сюжеты, определяется прежде всего поздней записью и отсутствием системной работы по сбору фольклорных материалов на всей территории Чечни. Например, в центральной части Аргунского ущелья сохранились топонимы, связанные с именами героев нартского эпоса. К северу от селения Гухой, на гребне высокого хребта стоит огромная одинокая скала, расколотая на две части. Согласно преданию, ее разрубил Соска Солса, проверяя остроту своего меча [20, с. 47]. Однако, за исключением нескольких случайно записанных сказа-

ний, здесь не проводилась регулярная запись произведений устного народного творчества.

Но и в этих условиях в нартском эпосе чеченцев сохранились архаические мотивы, восходящие ко времени зарождения эпоса, и появились новые герои, связанные с недавними историческими событиями. И что не менее важно, в нартских сказаниях чеченцев до нашего времени дошли ключевые сюжеты, объясняющие наиболее важные события в жизни нартов, когда в эпосе других северокавказских народов они не всегда понятны. Например, в осетинской версии эпоса нарты уходят из жизни, вступив в конфликт с небесными силами, обрекая себя тем самым на неизбежную гибель. В.И. Абаев явно идеализировал выбор нартов в осетинском эпосе, когда писал, что они «предпочли вечную славу вечной жизни» [1, с. 203] – на самом деле у них не было выбора в преддверии голодной смерти.

В чеченском сказании нарты погибают добровольно, раскаявшись в своих деяниях, приведших к исчезновению благодати на земле.

Вплоть до 90-х гг. XX в. фольклор чеченцев и ингушей рассматривался как единое целое, что, по мнению исследователей, проявляется не только в общности сюжетной линии, но и стилистики [16, с. 4]. Обособление ингушей как самостоятельного этноса началось сравнительно поздно, в XV-XVI вв., а завершилось в конце XIX вв. Совершенно очевидно, что к этому времени уже существовали многие жанры устного народного творчества, в том числе и нартский эпос. Поэтому нарт-орстхойские сказания чеченцев и ингушей можно рассматривать как феномен, который сформировался в еще единой культурной системе. Многие чеченские сказания записывались фольклористами на ингушском языке и позже идентифицировались как ингушские [8, с. 482].

Нартские сказания чеченцев и ингушей, при полном совпадении основного ядра и пантеона героев, сюжетных линий и ценностной шкалы, имеют и определенные различия, которые можно объяснить переосмыслением и вытеснением древних сюжетов, а также расхождением исторических судеб в Позднем Средневековье. Кроме того, в западных районах в силу бытования языческих верований вплоть до второй половины XIX в. культурная почва для сохранения древних эпических сказаний была более благоприятной.

Нартский эпос вайнахов (чеченцев и ингушей) называется нарт-орстхойским, так как его герои называются в одних случаях нартами, в других – нарт-орстхойцами.

Среди фольклористов многие годы идет дискуссия о соотношении понятий «нарт» и «орстхой» в вайнахском эпосе. Одни исследователи считают, что понятия «нарт», «орстхоец» и «нарт-орстхоец» равнозначны [16, с. 34], другие утверждают, что нарты и орстхойцы (орхустойцы) не только не имеют никакого отношения друг к другу, но и выступают как враги [9, с. 400].

В чеченской версии эпоса нет противопоставления нартов и орстхойцев, в сказаниях они часто выступают и просто как нарты [8, с. 311]. В сказаниях чеченцев практически редко употребляются отдельно термины «орхустой/орстхой/арштхой», что, возможно, связано с тем, что они, в отличие от ингушей, не относили героев эпоса к субэтнической группе «арштхой – орстхой». Использование же терминов «нарты» и «нарт-орстхой» чаще всего связано с хронологией.

Принято считать, что орстхойцами (орстхой) чеченцы называли жителей предгорий, от чеченского «арц/арс» – «предгорья, невысокие, лесистые горы». Но нельзя исключать и того, что слово «арц» в чеченском языке могло обозначать первоначально «крепость, укрепление» (ср. лат. arx, arcis – крепость, заимств. из этрусского языка). В этом случае становится понятным чеченское идиоматическое выражение «Орцах довла! – Спасайтесь!» в значении «Укройтесь в крепости!», а понятие «орстхой/арстхой» можно трактовать как «защитники крепости или служилые люди». Слово «нарт» в чеченском языке вплоть до последнего времени употреблялось в значении «богатырь, человек огромной физической силы и мужества» и не несло никакой негативной окраски, сравнение с нартом было для мужчины очень лестным.

Попытку А.О. Мальсагова возвести термин «орстхой/арштхой» к чеченскому «аре – равнина, плоскость» [16, с. 24] вряд ли можно считать удачной, так как в чеченском языке есть слово «аренхой – жители равнины», при этом гласная *-а* в слове «аре» ни в каких позициях не чередуется с *-о*, в отличие от «арц // орц-».

Нарт-орстхойцы, согласно чеченским преданиям, составляли отряды профессиональных воинов, в обязанности которых входили защита страны от вторжения иноземцев, охрана границ и дорог.

Важная роль этой воинской касты, по мнению исследователей, проявлялась в географии ее расселения: вдоль границ, возле горных проходов, на стратегических возвышенностях, при дорогах, переправах через реки. Например, на восточной окраине Чечни было построено укрепление Хой, в Майсте, на границе с Грузией – крепость Васеркел, на юге Аргунского ущелья – Цой-Педе, в ущелье Фортанги – укрепление Эги-чож.

Как свидетельствуют археологические данные, предгорные долины вдоль берегов рек (Терек, Сунжа), а также северные склоны Черных гор, которые имеют протяженность с запада на восток,

буквально усеяны сторожевыми городищами, визуально связанными между собой. Эти укрепленные земляным валом и рвом поселения большей частью располагались на возвышенных местах и использовались для несения караульной службы небольшими вооруженными отрядами. Практически все городища были уничтожены во время монголо-татарского нашествия, что подтверждается следами пожаров и одновременного прекращения их функционирования. Выявленные на этих городищах верхние культурные пласты указывают на их отношение к аланской культуре, подтверждая таким образом связь поздних слоев нартского эпоса с аланской эпохой [17].

Дружины нарт-орстхойцев, для которых военное дело стало ремеслом, создавались из физически сильных, крепких духом, наиболее выносливых мужчин из различных чеченских тейпов. За службу они получали плату зерном, скотом и были на полном обеспечении чеченских обществ. Необходимость в воинском сословии была обусловлена внезапными нападениями вооруженных отрядов кочевников на отдельные поселения нахов на равнине, которые заставали жителей врасплох, лишая их возможности организованного сопротивления. Нарт-орстхоевцы, которые несли караульную службу небольшими группами в 60-100 человек, своевременно сообщали своим соплеменникам об опасности и могли, благодаря личному мужеству и хорошей военной подготовке, длительное время удерживать авангард противника. Возможно, именно поэтому их называли «нарт-орстхой – богатыри-воины».

Согласно фольклорным источникам, первоначально нарт-орстхоевцам были свойственны высокая нравственность, дисциплинированность, честность, чувство ответственности, храбрость в исполнении долга, великодушие к побежденному противнику, трудолюбие и гордость.

Со временем (вероятнее всего, в период «смутного времени» после нашествия Тимура) нарт-орстхойцы стали злоупотреблять возложенными на них обязанностями, самостоятельно повышать себе плату, совершать набеги на мирных крестьян, угонять скот. По преданию, за свои поступки они заслужили нелюбовь своих соплеменников и были лишены Мехк кхелом (Советом страны) своего воинского статуса. Однако, несмотря на всеобщее осуждение, нарт-орстхойцы продолжали заниматься разбоем и грабежами. Мехк кхел вынужден был собрать ополчение, чтобы наказать и обуздать их. Отряды нарт-орстхойцев были разбиты и рассеяны. Отдельные группы нарт-орстхойцев переместились в восточные районы Чечни (Ичкерия, Чеберлой), откуда позднее были вытеснены мигрировавшими с запада военными общинами чеченцев. Предания об «эрштхойцах», проживавшими на территории Чеберлоя (окрестности озера Кезеной-ам) до появления в этом районе вооруженного отряда из Нашха во главе с Алдам-Гези, было зафиксированы российскими исследователями.

Название воинского сословия «нарт-орстхой» вряд ли имеет какое-то отношение к субэтнониму «арштхой, эрштхой», обозначавшим союз чеченских тейпов, проживавших в ущелье Фортанги и нижнем течении Ассы. Субэтноним «арштхой» появляется в XV-XVI вв., после нашествия Тимура, вызвавшего массовую миграцию чеченцев и формирование новых общин и их союзов в горных районах. Кумыки называли последних «карабулаками», что, вероятнее всего, является калькой с чеченского «Іарж-хи – черная вода, река, родник», откуда «Арште из Іарж-хи-тІе, арштхой». Согласно информации Л.П. Семенова, карабулаки сами себя называли «аршты» [18, с. 184].

Очевидно, арштхой и орстхой – разные понятия, которые позже были объединены в эпических сказаниях о нартах, а затем и в других фольклорных источниках. Негативное отношение к нарт-орстхойцам, было перенесено ингушами на основе своего исторического опыта на представителей чеченского общества «арштхой», с которыми они находились в состоянии перманентного конфликта. Поэтому мы встречаем в отдельных ингушских сказаниях противопоставление «добрых» нартов и «злых» орстхойцев (орхустойцев), которого в чеченской версии эпоса нет.

Одно из сказаний, посвященных наказанию нарт-орстхойцев, в котором воинское сословие «орстхой» идентифицируется с чеченским обществом «арштхой», было записано в начале XIX в. С. Броневским: «По преданиям, существующим между Горскими народами, Карабулаки в древние времена составляли сильное воинское колено, которое было уважаемо от соседей как за храбрые дела, так и за соблюдаемую в общежитии справедливость. Они были богаты скотом и от произведений земли достаточное получали пропитание. Оставалось им наслаждаться изобилием и покоем. Но, возгордясь сими преимуществами, Карабулаки попустились на обиды и насильства, возжигали повсюду вражду и, наконец, обратили против себя всех соседей, которые, ополчась на них соединенными силами, истребили сей буйственный народ до основания. Таковое предание, иносказательное или справедливое, может служить поучительною повестью для многих…» [3, с. 168]. По всей видимости, это сказание относится к нарт-орстхойскому циклу чеченского эпоса, и мы видим здесь смешение двух понятий. Как пишет У.Б. Далгат, вероятнее всего, здесь произошел истори-

ко-поэтический симбиоз «более древнего эпического типа с более поздним этнонимом [8, с. 161]. Однако в роли «древнего эпического типа» в вайнахском эпосе выступали «не разного рода пришельцы и завоеватели», а профессиональные воины, вышедшие из среды местного населения, представители воинской касты.

Таким образом, один из циклов эпических сказаний чеченцев отражает историю воинской касты нарт-орстхойцев, которые из защитников народа превратились в разбойников, притесняющих его. И совершенно определенно можно сказать, что изначально под орстхойцами или нарт-орстхойцами в нартском эпосе чеченцев и ингушей подразумевались представители бывшего воинского сословия, запечатлевшиеся в народной памяти, как сильные, мужественные, но при этом алчные и коварные люди.

Ж. Дюмезиль предполагал, что ингушские формы «Orxustoy, Arxstuay» являются видоизменениями осетинской фамилии Ахсартагката, членами которой были нарты Уразмаг и Хамыц [13, с. 184].

Возможность подобной связи допускал В.И. Абаев [1, с. 254], хотя и приводил параллельные осетинские варианты «Xsartag, Axsnartag, Axsaltar», которые сложно сопоставить с ингушским «Orxustoj».

Однако в более поздних работах предположение Ж. Дюмезиля преподносится как данность, и в качестве основного аргумента приводится утверждение о том, что в ингушских сказаниях нарты являются выходцами из Санибского ущелья [12, с. 17].

Согласно нартским сказаниям чеченцев, нарты жили практически на всей территории Чечни и Ингушетии (Аргунское и Ассиновское ущелья, Ичкерия, Надтеречье), а в хрониках некоторых чеченских тейпов говорится о том, что их предки переселились из Санибского ущелья только в XVIII в.

Вероятно, можно предположить наличие каких-то связей между вайнахским термином «орстхой» и фамилией «Ахсартагката» в осетинском нартском эпосе, однако на сегодняшний день невозможно выяснить ни характер этих связей, ни их направленность.

Также несостоятельными являются попытки связать героев нартского эпоса вайнахов с представителями чеченского общества «Арштхой, Орстхой», приписывая им то иранское, то тюркское происхождение [11, с. 289]. Эти термины имеют разную корневую основу, и, соответственно, разное происхождение. Но очевидно, что и тех, и других чеченцы и ингуши воспринимают как соплеменников, хотя отношение к ним неоднозначное.

Деидеализация героев нартского эпоса совершенно не означает того, что чеченцы считали их пришлым народом, как полагали некоторые исследователи [10, с. 452]. Негативная трактовка образов нарт-орстхойцев в отдельных сказаниях «не может иметь сколько-нибудь определенный этноисторический эквивалент» [8, с. 79].

Вряд ли можно даже предположить, чтобы чужеземные захватчики, раскаявшись в содеянном, приняли добровольную мученическую смерть. Как пишет известный исследователь нартского эпоса вайнахов У. Далгат, «раскаяние за свои злые дела, сознание своего вреда, обреченности на вечное проклятие за набеги и грабежи настолько удручает всех нарт-орстхойцев, что они решают исчезнуть с лица земли, для чего и пьют расплавленную медь». Смерть их вызвана собственным побуждением, порожденным определенной нравственно-психологической ситуацией, и является уникальной трактовкой общекавказского сюжета о гибели нартов [8, с. 172].

Нартский эпос подвергается трансформации, связанной со сменой ценностной шкалы чеченцев, можно сказать, даже с формированием нравственности в современном смысле этого слова, что могло быть обусловлено влиянием монотеистической религии. Начало этого процесса зафиксировано и в нартских сказаниях других народов Северного Кавказа. Герои эпоса не всегда ведут себя в соответствии с нравственными народными идеалами, проявляя такие качества как коварство, жестокость, жадность, неуважение к старшим и совершая неблаговидные поступки не только по отношению к врагам, но и друг к другу. В вайнахском (особенно в чеченских вариантах) эпосе действия героев получают прямую и достаточно жесткую оценку.

Герои архаических и поздних циклов чеченского эпоса чаще всего называются просто нартами. Они могут быть как положительными, так и отрицательными героями, имеют яркие эпические черты или низводятся до уровня обычных людей, но в любом случае они созданы в результате симбиоза творческого воображения и исторического опыта народа, на основе мифологических и религиозных представлений.

В нартском эпосе чеченцев, как и во многих эпических системах, идет наложение различных напластований: временных, мифологических, исторических, этногенетических, так же, как и смешение географических и этнографических понятий. В нем появляются новые герои, не свойственные общекавказскому эпосу, но связанные с не-

давней историей чеченцев, с их переселением на равнину и миграцией с запада на восток.

При этом в чеченской версии эпоса представлены наиболее архаичные пласты, возникшие в глубокой древности и связанные с космогоническими представлениями населения каменного и раннебронзового века. Архаичность нартского эпоса чеченцев и ингушей отмечал Е.И. Крупнов [14, с. 33].

По мнению У.Б. Далгат, признаком архаичности чеченских нартов является их связь с пещерами, курганами и огромными камнями [8, с. 212]. Культ камня появляется у людей еще в эпоху палеолита и сохраняется в течение тысячелетий. Камень играл особую роль и в обряде погребения (каменные вымостки в курганах, кольца-кромлехи вокруг могил), и в религиозных воззрениях населения средней бронзы (северокавказская археологическая культура II тыс. до н.э.). В погребениях этого периода находят не только камни-амулеты, но и ритуальные каменные топоры и булавы, что подтверждает важную роль камня в их духовной жизни. При этом камень всегда связывался древними людьми с культом солнца и огня.

Специфической особенностью нартского эпоса чеченцев является и разное осмысление понятий «нарт» и «нарт-орстхоевец» в его различных версиях.

Термин «нарт-орстхоевец» встречается, в основном, в цикле сказаний о Соска Солсе, хотя есть и исключения.

В древней версии эпоса, как и в более поздних сказаниях, в которых идет речь о времени активной миграции чеченцев в период после нашествия Тимура, по отношению к эпическим героям используется термин «нарт».

Таким образом, нартский эпос чеченцев можно разделить на три цикла:

1. Древний эпос, героями которого выступают отдельные нарты;
2. Средневековый эпос (цикл сказаний о Соска Солсе и его товарищах);
3. Позднесредневековый эпос (сказания о нарте Науре).

Для объективной оценки идейно-стилистического своеобразия нартского эпоса чеченцев нужно учитывать, что помимо того, что его запись началась очень поздно, он никогда не подвергался систематизации и литературной обработке. Но при этом совершенно очевидно, что в эпической системе чеченцев произошла радикальная смена ценностей – поступки героев оцениваются с точки зрения общественного блага, с которым связывается понятие «благодати». Их поведение осуждается не только сказителем и другими участниками эпического действа, но и сами герои раскаиваются в собственных поступках и принимают героическую смерть, чем искупают свою вину и становятся настоящими эпическими героями. «Отрицательный» героизм нарт-орстхоевцев становится истинным, что проявляется не только в их героической смерти, но прежде всего в осознании ущербности своего бытия, бессмысленности мужества и удали, которые не служат общему благу.

Литература

1. Абаев В.И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ: Изд-во «Ир», 1990. 639 с.
2. Алиева А.И. Академические издания героического нартского эпоса народов Кавказа в XX веке: итоги и перспективы // Героический эпос народов Кавказа. Материалы международной научной конференции, посвященной Дню чеченского языка и памяти ученого-этносоведа, Заслуженного деятеля науки Чеченской Республики У.Б. Далгат. г. Грозный, 27-29 апреля 2016 г. Грозный, 2018. С. 15 – 33.
3. Броневский, С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Ч. II. – IX, 2, 465 с.
4. Грен А.Н. Чеченские тексты // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1898. Вып. XXII. Отд. III. С. 1 – 28.
5. Гутов А.М. Проблемы адыгского (черкесского) нартского эпоса. Нальчик: Принт Центр, 2018. 254 с.
6. Далгат У.Б. Кавказские богатырские сказания древних циклов и эпос о нартах // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 103 – 161.
7. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972. 462 с.
8. Далгат У.Б. Нартский эпос народов Кавказа. Грозный: АО «ИПК Грозненский рабочий», 2015. 639 с.
9. Дахкильгов И.А. Ингушский нартский эпос. Нальчик: ООО «Тетрограф», 2012. 599 с.
10. Джамбеков О.А., Джамбекова Т.Б. Устно-поэтическое творчество // Чеченцы. М.: Наука, 2012. С. 449 – 464.
11. Джуртубаев М.Ч. Происхождение нартского эпоса. Нальчик: ООО «Тетрограф», 2013. 805 с.
12. Дзиццойты Ю.А. Нарты и их соседи: географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ: Алания, 1992. 270 с.

13. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология: пер. с французского А.З. Алмазовой. М.: Наука, 1976. 273 с.

14. Крупнов Е.И. Изучение нартского эпоса и археология // Археолого-этнографический сборник. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1966. Т. VII, Вып. 1. С. 29 – 41.

15. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872, Вып. III, разд. III. С. 44 – 47.

16. Мальсагов А.О. Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1970. 177 с.

17. Минаева Т.М. Археологические разведки в долине реки Сунжи // Сборник трудов Ставропольского государственного педагогического института. Ставрополь, 1958. Вып. 13. С. 413 – 431.

18. Семенов Л.П. Ингушская и чеченская народная словесность // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Грозный, 1959. Т. V. Вып. III. С. 152 – 189.

19. Эльдарханов Т. Чеченские тексты // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1900. Вып. XXVIII. Отд. IV. С. 1 – 40.

20. Чеченский фольклор. Грозный: «Книга», 1991. 592 с.

References

1. Abaev V.I. Izbrannye trudy. Religiya. Fol'klor. Literatura. Vladikavkaz: Izd-vo «Ir», 1990. 639 s.

2. Alieva A.I. Akademicheskie izdaniya geroicheskogo nartskogo eposa narodov Kavkaza v XX veke: itogi i perspektivy. Geroicheskij epos narodov Kavkaza. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj Dnyu chechenskogo yazyka i pamyati uchenogo-etnosoveda, Zasluzhennogo deyatelya nauki CHechenskoj Respubliki U.B. Dalgat. g. Groznyj, 27-29 aprelya 2016 g. Groznyj, 2018. S. 15 – 33.

3. Bronevskij, S. Novejshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze, sobrannye i popolnennye Semenom Bronevskim. M.: Tip. S. Selivanovskogo, 1823. CH. II. – IX, 2, 465 s.

4. Gren A.N. CHechenskie teksty. Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza. Tiflis, 1898. Vyp. XXII. Otd. III. S. 1 – 28.

5. Gutov A.M. Problemy adygskogo (cherkesskogo) nartskogo eposa. Nal'chik: Print Centr, 2018. 254 s.

6. Dalgat U.B. Kavkazskie bogatyrskie skazaniya drevnih ciklov i epos o nartah. Skazaniya o nartah – epos narodov Kavkaza. M.: Nauka, 1969. S. 103 – 161.

7. Dalgat U.B. Geroicheskij epos chechencev i ingushej. M.: Nauka, 1972. 462 c.

8. Dalgat U.B. Nartskij epos narodov Kavkaza. Groznyj: AO «IPK Groznenskij rabochij», 2015. 639 s.

9. Dahkil'gov I.A. Ingushskij nartskij epos. Nal'chik: OOO «Tetrograf», 2012. 599 c.

10. Dzhambekov O.A., Dzhambekova T.B. Ustno-poeticheskoe tvorchestvo. CHechency. M.: Nauka, 2012. C. 449 – 464.

11. Dzhurtubaev M.CH. Proiskhozhdenie nartskogo eposa. Nal'chik: OOO «Tetrograf», 2013. 805 s.

12. Dziccojty YU.A. Narty i ih sosedi: geograficheskie i etnicheskie nazvaniya v nartovskom epose. Vladikavkaz: Alaniya, 1992. 270 s.

13. Dyumezil' ZH. Osetinskij epos i mifologiya: per. s francuzskogo A.Z. Almazovoj. M.: Nauka, 1976. 273 s.

14. Krupnov E.I. Izuchenie nartskogo eposa i arheologiya. Arheologo-etnograficheskij sbornik. Groznyj: CHecheno-Ingushskoe knizhnoe izd-vo, 1966. T. VII, Vyp. 1. S. 29 – 41.

15. Laudaev U. CHechenskoe plemya. Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. Tiflis, 1872, Vyp. III, razd. III. S. 44 – 47.

16. Mal'sagov A.O. Nart-orsthojskij epos vajnahov. Groznyj: CHecheno-Ingushskoe knizhnoe izd-vo, 1970. 177 s.

17. Minaeva T.M. Arheologicheskie razvedki v doline reki Sunzhi. Sbornik trudov Stavropol'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Stavropol', 1958. Vyp. 13. S. 413 – 431.

18. Semenov L.P. Ingushskaya i chechenskaya narodnaya slovesnost'. Izvestiya CHecheno-Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta istorii, yazyka i literatury. Groznyj, 1959. T. V. Vyp. III. S. 152 – 189.

19. El'darhanov T. CHechenskie teksty. Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza. Tiflis, 1900. Vyp. XXVIII. Otd. IV. S. 1 – 40.

20. CHechenskij fol'klor. Groznyj: «Kniga», 1991. 592 s.

Ilyasov L.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Science

ON THE ISSUE OF THE IDEOLOGICAL AND STYLISTIC ORIGINALITY OF THE NART EPIC OF THE CHECHENS

Abstract: the article is devoted to the ideological and stylistic originality of the Nart epic of the Chechens, which, despite the national specifics and fragmentation of individual plots associated with the late recording of epic legends, organically fits into the general outline of the Caucasian epic system. The author connects the heroes of the epic "Nart-Orstkhoytsy" with the military caste that existed among the Chechens for several centuries, up to the Late Middle Ages, and was defeated when its representatives, abusing their powers and military superiority, began to rob their fellow tribesmen and, in the end eventually turned into a gang of brutal robbers. In the Nart legends of the Chechens, there is a rethinking of the system of moral values, the beginnings of which also appear in the epics of other peoples of the Caucasus. The Nart epic of the Chechens can be divided into three cycles, each of which reflects a certain historical period in the life of the Chechen people. Despite the originality of national epic narratives, it can be assumed that initially the Nart epic originated simultaneously among several autochthonous peoples of the region, since with all the typological coincidences with the epic systems of the Iranian, Indo-European, Turkic peoples, it remains a purely Caucasian cultural phenomenon.

Keywords: North Caucasus, Chechens, Nart epos, Narts, Nart-Orstkhois

Танасов И.Д., аспирант,
Пензенский государственный университет

РАЗВИТИЕ ЧАСТНЫХ КРЕДИТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ГОДЫ НЭПА НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОГО ОБЩЕСТВА ВЗАИМНОГО КРЕДИТА

Аннотация: целью данной статьи является анализ деятельности частных кредитных обществ в годы нэпа на примере Пензенского общества взаимного кредита. Предметом исследования выступают процессы восстановления и развития системы частного кредита в СССР, а объектом изучения – Пензенское общество взаимного кредита как организация, удовлетворявшая потребности предпринимателей Пензенского региона в кредите. В задачи исследования входит, во-первых, исследование региональной специфики предпринимательской деятельности и условий ее кредитования. Во-вторых, анализ целей государственной политики в отношении обществ взаимного кредита и факторов, оказавших на нее влияние. В-третьих, изучение организационных аспектов деятельности частных кредитных учреждений и особенностей развития кредитной системы в рассматриваемый период. На основе анализа материалов Пензенского общества взаимного кредита, сделан вывод о том, что частные кредитные учреждения в целом и общества взаимного кредита, в частности, были наиболее эффективным источником финансирования мелкого и среднего предпринимательства на региональном уровне. Кроме этого изучение документов Пензенского общества взаимного кредита позволило выявить прямую зависимость государственной политики в отношении системы частного кредита, а также частной промышленности и торговли от идеологических и политических приоритетов руководства страны.

Ключевые слова: нэп, военный коммунизм, общество взаимного кредита, Пенза, частное предпринимательство

Возникновение и развитие обществ взаимного кредита в советской России в период нэпа происходило в сложных условиях, оказавших непосредственное влияние на социальный состав этих учреждений. При первом рассмотрении этой проблемы становится очевидным, что преобладающую роль в ОВК играли торговцы. Однако следует учитывать, что вопреки практике «военного коммунизма» сфера торговой деятельности не только сохранялась повсеместно, но и постоянно расширялась и углублялась. Стабильный приток новых участников торговли способствовал тому, что к моменту перехода к новой экономической политике торговля переросла рамки узкопрофессиональной деятельности. Произошедшая в стране либерализация хозяйственных отношений и разрешение частного предпринимательства только ускорила процесс вовлечения различных слоев населения в рыночные отношения.

Опасаясь политической конкуренции, стоявшие у власти большевики, старались жестко контролировать нарождающееся советское предпринимательство. Именно поэтому представители этой социальной группы были лишены любых политических прав, а в общественном сознании старательно формировался образ предпринимателя, как человека «второго сорта». Это затрудняло консолидацию «частников» в политический класс, превращая их в разношерстную аморфную массу, которую объединяло только абстрактное противопоставления себя государству.

Переходя к анализу социального состава ОВК, начать необходимо с изучения роли, которую ОВК играло в развития кредитной системы советского государства в период нэпа в целом. С момента своего возникновения кредитный сектор, был поставлен под жесткий контроль Государственного банка. Однако уже в декабре 1921 года руководству страны стало понятно, что такое громоздкое учреждение как Госбанк не эффективен для кредитования мелкого и среднего предпринимательства. На существенные недостатки в работе кредитной системы указывал, например председатель Государственного банка А.Л. Шейнман. Он неоднократно отмечал в своих докладах, что находящееся в его подчинении учреждение занимая монопольное положение на рынке кредитных услуг, не справляется с запросами частного сектора промышленности и торговли. Выход из сложившегося положения А.Л. Шейнман видел в либерализации сферы кредитно-денежных отношений. Понимая, что даже ограниченные шаги в сторону создания рынка кредитно-финансовых услуг будут выглядеть в глазах большевиков как радикальный возврат к капитализму, он предложил такой вид кредитных учреждений как общества взаимного кредита. С одной стороны ОВК показали высокую эффективность в дореволюционный период, с другой – лучше всего соответствовали идеологическим установкам руководства страны, являясь кредитными кооперативами [6, с. 9].

Обеспечение доступа для частного предпринимательства к необходимым денежным ресурсам

было настолько очевидным, что советское правительство без колебаний одобрило возрождение дореволюционной практики создания обществ взаимного кредита. Однако полностью решить проблему нехватки капиталов не удалось разрешить в течение всего периода существования частного сектора экономики. Даже районные сельскохозяйственные союзы были в 3-4 раза больше обеспечены финансами, чем наиболее крупные субъекты торговой деятельности, осуществлявшие оптово-розничное посредничество [7, с. 153]. Следствием этого было стремление предпринимателей к объединению в различные формы товариществ, кооперативов и артелей, объединенный капитал которых позволял эффективно конкурировать с государственным сектором экономики.

Допуская экономическую свободу в кредитной системе страны, пусть и в урезанной форме обществ взаимного кредита, партия большевиков, тем не менее, руководствовалась, прежде всего, интересами государства. Исходя из этого, можно утверждать, что ОВК были своего рода уступкой советской власти «частникам» с целью создания прочной экономической связи между производителями и потребителями, в которой предпринимателям отводилась роль подчиненного государству посредника. Кроме этого с помощью ОВК руководство страны пыталось решить проблему включения в хозяйственную жизнь значительных капиталов, которые существовали в теневом секторе и фактически находились без движения не участвуя в развитии экономики.

Подводя итог, следует отметить, что явная классовая ограниченность новой экономической политики была обусловлена многочисленными условиями и ограничениями, которые не вписывались в модель свободной рыночной экономики.

10 ноября 1922 года Совет Труда и Обороны принял постановление «О порядке утверждения уставов и надзоре за деятельностью кредитных учреждений». Принятие этого документа стало началом образования системы частного кредита в Советской России. В соответствии с этим положением все вновь создаваемые негосударственные кредитные учреждения, в том числе и ОВК попадали под контроль строги контроль государства. Реализация контролирующих функций была возложена на Наркомфин, который выносил постановления о разрешении открытия ОВК, следил за соблюдением отчетности и мог принять решение о закрытии общества в случае обнаружения фактов нарушения его устава [4, с. 180]. Кроме Наркомфина кредитные кооперативы подчинялись Госбанку, в который ОВК обязаны были предоставлять сведения об объемах кредитования [5, с. 122].

Созданные государством условия сдерживали рост количества частных кредитных учреждений. В первые два года в стране было образовано всего 55 обществ взаимного кредита, общий объем денежных средств, которых достигал 10 млн. руб. Несмотря на это, значительное увеличение сети ОВК произошло в 1925 году, когда их количество возросло до 172 [6, с. 68].

Скромные, по сравнению с дореволюционными, темпы развития ОВК объясняются не отсутствием заинтересованности частного капитала в развитии сферы кредита, а постоянным изменением нормативно-правовой основы существования частных кредитных учреждений. Кроме этого наличием административных препятствий намеренно созданных государством для сдерживания и контроля деятельности обществ.

Анализ учредительных документов ОВК позволяет отметить то, что вопрос о составе создаваемых обществ взаимного кредита рассматривался с различных позиций и на высшем уровне. Для обсуждения возникающих проблем привлекались даже представители торгово-промышленных слоев. Так при организации ОВК Пензенское Губернское экономическое совещание (Губэкосо) в 1922 г. обратилось к Пензенскому отделению Государственного Банка с просьбой оказать помощь в его создании. К участию в организационном собрании Пензенского ОВК были приглашены заинтересованные в его открытии представители торговли и промышленности.

В проекте устава была сформулирована главная цель образования общества – заложить прочные основы для возрождения промышленности и торговли в губернии [2, Л. 16 об. – 17]. Особо подчеркивалось, что не только средние промышленники и торговцы смогут получить доступ к капиталу общества но и любой мелкий хозяин создающий своим трудом предназначенный для продажи продукт [2, Л. 22а].

Однако при разработке устава участники совещания ставили вопрос об ограничении состава участников будущего ОВК в пользу состоятельных клиентов, объясняя это стремлением решать проблему нехватки денежных ресурсов за счет качества капитала, а не за счет его количества [2, Л. 16 об. – 17]. Кроме этого в документе прямо подчеркивалось, что общество предназначено удовлетворять интересы главным образом состоятельных торговцев и заводчиков, так как вопросы мелкого кредита должны находиться в ведении кредитных и ссудо-сберегательных касс и учреждений [2, Л. 17].

Присутствовавшие на совещании представители Госбанка выступили резко против подобного стремления организаторов ОВК. С их стороны бы-

ло высказано мнение, что целью создания общества является расширение сферы кредитования и предоставление возможности финансирования для всех желающих заниматься частной деятельностью.

Позиция Государственного банка заключалась в том, чтобы расширить поле деятельности создаваемого общества, предоставив возможность участия в нем не только коммерсантам, но и различным служащим и мелким собственникам. Это было обусловлено опасением того, что ОВК будет иметь перекос в сторону коммерсантов и промышленников [2, Л. 16 об. – 17]. Однако при голосовании ничто не помешало утвердить текст проекта устава в редакции выгодной представителям торгово-промышленных слоев. В качестве аргумента в пользу своей позиции представители коммерсантов ссылались на правила деятельности ОВК, опубликованные в «Экономической жизни» и «Известиях ВЦИК».

Пензенское общество взаимного кредита носило ярко выраженный «буржуазный» характер. В этот период контроль частных кредитных обществ со стороны государства не был еще столь детальным, что в свою очередь внушало убежденность в возрождение кредитного дела среди членов ОВК с дореволюционным стажем.

Всего в Пензенском ОВК состояло 52 человека. 27 из них были так называемыми «бывшими», т.е. торговцами с дореволюционным стажем. 19 человек не обозначили конкретный вид коммерции. Два человека владели магазинами – оптическим и писчебумажным. Один член общества был хозяином мельницы и на момент вступления в ОВК вел обширную торговую деятельность. В общество вступил один торговый агент крупной частной фирмы. К обществу присоединились двое участников торгового товарищества [2, Л. 18-20]. 13 членов общества при указании профессии определили себя как госслужащих (административные работники государственного Горнозаводского Треста, агенты Главхима, представители Госстраха, служащие Лесотреста). Пять человек сообщили о своем членстве в различных кооперативах. Еще два человека предоставили сведения о наличии у них опыта работы в дореволюционных обществах взаимного кредита. Три члена общества сообщили о своей промышленной деятельности, один из них владел лесопильным заводом.

Интерес к работе общества проявляли и представители сферы услуг, так, например, в отчете о составе общества указан один хозяин прачечного заведения. Особо следует отметить, что в общество вступили три человека с опытом банковской работы [3, Л. 20-21].

В 1928 году в составе общества произошли значительные изменения, которые были следствием принятия 26 марта нового устава и были зафиксированы в отчете Правления общества за 1928-1929 гг.

Во-первых, в соответствии с новыми правилами, разработанными Наркомфином, продолжать свое членство в обществе не могли многие его активные участники. Право вступать в кредитные кооперативы потеряли госслужащие и рабочие.

Во-вторых, район деятельности общества теперь ограничивался только пятью крупными городами губернии, что лишило возможности оставаться членами ОВК жителей других городов Пензенского края.

Таким образом, 187 человек пришлось исключить из общества, чтобы привести его состав в соответствие с новыми правилами. После этих организационных мероприятий в Пензенском ОВК оставалось 493 человека [1, Л. 55].

Центральной проблемой, на решении которой сосредоточились силы Правления общества, в этот период было выполнение кредитных обязательств выбывшими членами общества [3, Л. 55]. Анализ документов общества позволяет сделать вывод, что с этой задачей правление справилось. В вышеупомянутом отчете говориться, что представители торгово-промышленной клиентуры, лишенные права состоять в обществе выполнили свои финансовые обязательства в полном объеме, и в этом направлении общество не понесло никаких убытков [3, Л. 56 об]. А вот рабочим и служащим правление Пензенского ОВК вынужденно было предоставлять отсрочки, в отдельных случаях весьма продолжительных [1, Л. 58].

Качественные изменения, которые которым подвергалось Пензенское ОВК в период своего существования были результатом постоянных колебаний вектора политики государства в отношении частных финансовых структур и рыночной экономики в целом.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, с момента создания Пензенского общества взаимного кредита учреждения главная роль в обществе принадлежала крупным торговцам и промышленникам, использовавшим организационные возможности ОВК для концентрации капитала. Во-вторых, стоявшие во главе государства коммунисты с самого начала понимали, что любое ослабление контроля в сфере финансов и кредита несет потенциальную угрозу советской власти, поэтому политика государства в отношении деятельности ОВК постепенно становилась жестче. В-третьих, для экономики Пензенской губернии было свойственно то, что частный капитал, в основном, находился в ру-

ках мелких производителей и торговцев, а, следовательно, именно эта категория предпринимателей составила социальную базу местного ОВК.

Мелкие предприниматели стали преобладать в составе Пензенского ОВК на завершающем этапе существования этого учреждения, когда советское правительство перешло к свертывания нэпа. Ярким проявлением этого процесса стала развернутая в это время кампания по борьбе с частной торговлей, в рамках которой рабочие и служащие лишились права быть членами кредитных обществ. Вследствие этого, руководство Пензенского ОВК стало активно привлекать к участию в деятельности общества ремесленников и мелких розничных торговцев.

Уже к концу 1928 года мелкие торговцы и ремесленники стали количественно преобладать в составе общества. А число крупных торговцев и промышленников значительно снизилось и продолжало сокращаться. Однако руководящая роль продолжала принадлежать крупным предпринимателям до конца существования Пензенского ОВК. Представители крупного капитала активнее всех участвовали в обороте средств общества, и они же использовали в своей деятельности большую часть выдаваемых кредитов.

Литература

1. ГАПО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 36. Л. 20-74.
2. ГАПО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 8. Л. 17-23.
3. ГАПО. Ф. 424. Оп. 1. Д. 154. Л. 41-59.
4. Мехряков В.Д. История кредитных учреждений и современное состояние банковской системы России. М.: РАН Институт экономики, 1995. 295 с.
5. Мехряков В.Д. Развитие кредитных учреждений в России. М.: Дека, 1996. 254 с.
6. Фридман С.Л. Частный капитал на денежном рынке // Материалы по обследованию роли частного капитала в хозяйстве Союза. 925. Вып. 2. С. 65 – 88.
7. Частный капитал в народном хозяйстве СССР: Материалы комиссии ВСНХ СССР / под общ. ред. А.М. Гинзбурга. М.,Л.: Акционерное общество «Промиздат», 1927. Ч. 1. 566 с.

References

1. GAPO. F. 138. Op. 1. D. 36. L. 20-74.
2. GAPO. F. 138. Op. 1. D. 8. L. 17-23.
3. GAPO. F. 424. Op. 1. D. 154. L. 41-59.
4. Mekhryakov V.D. Istoriya kreditnyh uchrezhdenij i sovremennoe sostoyanie bankovskoj sistemy Rossii. M.: RAN Institut ekonomiki, 1995. 295 s.
5. Mekhryakov V.D. Razvitie kreditnyh uchrezhdenij v Rossii. M.: Deka, 1996. 254 s.
6. Fridman S.L. CHastnyj kapital na denezhnom rynke. Materialy po obsledovaniyu roli chastnogo kapitala v hozyajstve Soyuza. 925. Vyp. 2. S. 65 – 88.
7. CHastnyj kapital v narodnom hozyajstve SSSR: Materialy komissii VSNH SSSR. pod obshch. red. A.M. Ginzburga. M.,L.: Akcionernoe obshchestvo «Promizdat», 1927. CH. 1. 566 s

Tanasov I.D., Postgraduate,
Penza State University

THE DEVELOPMENT OF PRIVATE LOAN ORGANIZATIONS DURING NEP BASED ON THE EXAMPLE OF PENZA MUTUAL LOAN SOCIETY

Abstract: the goal of this article is to analyze the activities of private loan societies during NEP using the example of the Penza Mutual Loan Society. The subject of the study is the processes of restoration and development of the private credit system in the USSR, and the object of study is the Penza Mutual Loan Society as an organization that satisfied the needs of entrepreneurs in the Penza region for loan. The aims of the study include, first, the study of the regional specifics of entrepreneurial activity and the conditions for its lending; second, an analysis of the public policy aims in relation to mutual loan societies and the factors that influenced them; third, the study of the organizational aspects of the private credit institutions activities and the peculiarities of the development of the loan system in the period under review. Based on the analysis of the Penza Mutual Loan Society materials, it was concluded that private credit institutions in general and mutual credit societies, in particular, were the most effective source of financing for small and medium-sized businesses at the regional level. In addition, the study of the documents of the Penza Society for Mutual Credit revealed the direct dependence of state policy in relation to the private credit system, as well as private industry and trade, on the ideological and political priorities of the country's leadership.

Keywords: NEP, war communism, mutual loan society, Penza, free enterprise

Япи Жоэлле Роланд, аспирант,
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого

ОЦЕНКА АФРИКАНЦАМИ СОВЕТСКОЙ ПОМОЩИ В 1950-Х – 1980-Х ГГ.

Аннотация: цель данной статьи заключается в исследовании информации о советской помощи среди жителей различных стран Африки. Автор поставила задачу рассмотреть, как воспринимали и оценивали представители разных поколений африканцев сотрудничество с СССР и советскую помощь. Работа основывается на данных опроса, проведенного автором среди представителей разных государств Африки и материалах периодической печати франкоязычных стран континента. Были выделены три хронологических среза для анализа: восприятие СССР и сотрудничества с ним в африканских государствах до оказания активной поддержки национально-освободительному движению на континенте; оценка советской помощи в период ее широкомасштабного оказания африканским государствам и, наконец, оценка этой помощи молодым африканским поколением.

Материалы, содержащиеся в статье, могут быть использованы в учебной и просветительской деятельности, а также для углубленного изучения образа СССР среди африканцев. Помимо этого, приведенные автором сведения об оценке африканцами помощи со стороны СССР, актуальны для развития сотрудничества России с Африкой.

Ключевые слова: СССР, советская помощь, Африка и африканцы, оценка, образ, восприятие, независимость, колонизация

Введение

Вопросы, связанные с освещением связей СССР со странами Африки, в том числе и оказанием им разносторонней помощи, достаточно разносторонне отражены в советской, российской и зарубежной историографии [10, 3, 9, 22, 19]. Однако о том, как жители африканского континента воспринимали советскую помощь и поддержку, писали гораздо меньше. Можно упомянуть статью Д.М. Бондаренко, написанную на основе материалов соцопроса, проведенного в 2006-2009 гг. среди африканцев различных стран Африки [4]. В ней автор проанализировал позитивное и негативное влияние образа СССР на формирование образа постсоветской России. Результаты его исследования показали, что для многих африканцевобраз Советского Союза связан с поддержкой их борьбы с колониализмом, неоколониализмом, апартеидом, экономическим отсталостью и зависимостью.

В данной работе мы сосредоточим свое внимание на исследовании того, как изменялись знания о помощи СССР у африканцев, как ее воспринимали и оценивали представители разных поколений. Основой статьи послужили разные источники информации. В период с августа 2018 г. по ноябрь 2020 г. нами был проведен опрос африканцев из разных государств: франкоговорящих (Кот-д'Ивуар, Буркина-Фасо, Мали, Сенегал, Гвинея Конакри, Мадагаскар, Демократическая Республика Конго, Конго Бразавиль), англоговорящих (Гана, Нигерия, Танзания, Замбия), португалоговорящих (Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау) и арабофранкоговорящих африканцев (Марокко, Тунис и Алжир).Всего было опрошено 100 человек: 80 мужчин и 20 женщин в возрасте от 20 до 75 лет. В списокопрашиваемых были включены молодые африканцы, родившиеся после прекращения активной помощи со стороны СССР, для того, чтобы оценить, передавалась ли информация о советско-африканском сотрудничестве из поколения в поколение. Опрос проводился посредством электронной почты, для уточнения использовалась видеоконференцсвязь (Skype). Мы просили респондентовответить на вопросы: 1. Что Вы знаете о помощи, оказанной СССР Вашей стране? 2. Как Вы оцениваете советскую помощь?

Другим источником послужилиматериалы периодической печатитаких Editions sociales [19], Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine [21], Cahiers du monde russe [17] и Manchester University Press [20].

Обсуждение и результаты

До окончания Второй мировой войны СССР почти не был известен африканцам. Это можно объяснить тем, что в период колониализма африканцы получали информацию из прессы стран-метрополий. Из войны европейские колониальные державы вышли ослабленными. Заметим, что африканцы принимали участие в военных действиях, после их завершения они оказались свидетелямисдачи позиций метрополиями. На фоне этого среди них стали распространяться революционные взгляды, нацеленные против колониальной системы. Во многих африканских государствах появилась собственная пресса, которая подхватила такие идеи.

СССР как государство-победитель, напротив, существенно укрепил свои позиции на междуна-

родной арене и был готов распространить влияние коммунистической идеологии на африканский континент.В связи с этим Советский Союз был заинтересован в полном освобождении Африки от западного колониализма. Поэтому, начиная с 1950-х г., он начал оказывать помощь африканским странам, которая не прерывалась до конца 1980-х гг. В статье мы остановимся на рассмотрении восприятия советской помощи африканцами в период с 1960-х гг. до настоящего времени.

От сомнений к признанию

Между Первой и Второй мировыми войнами в странах Африки южнее Сахары получила распространение философская и идейно-политическая теория негритюда (негритянства), разработанная представителями чернокожей африканской интеллигенции, обучавшейся в западных странах. В 1920-е гг. только единицы африканцев получали доступ к образованию в метрополиях. Генерал-губернатор Рум (Roume) Французской Западной Африки (AOF) в 1924 г. в связи с этим заметил: «Рассматривайте обучение как ценную вещь, которую мы распределяем только с умом, и давайте ограничим его преимущества квалифицированными бенефициарами» цитировано по [21, p. 40]. Негритюд получил распространение преимущественно среди чернокожих франкоязычных писателей и писательниц (Леопольд Сенгор и Бираго Диоп из Сенегала,сестры Полетт и Жанна Нардаль, Эме Сезериз Мартиники, Жак Рабемананджара из Мадагаскары, Леон-Гонтран Дамаск из Гвианы, Тирольен из Гваделупа и Рене Депестр из Гаити). Они разделяли убеждения о самобытности культурных особенностей африканских народов, ихсамодостаточности. Многие из них сомневались в готовности СССР помогать африканским странами распространялисвои сомнениясреди чернокожих африканцев. Подчеркнем, что в обсуждениях по вопросу деколонизации СССР проявлял особый интерес к Магрибу и арабскому миру, но не к Африке к югу от Сахары, которая все еще была безразлична советским людям, за исключением нескольких еще ограниченных кругов советских африканистов. Это наглядно проявляется в высказываниях И.И. Потехина: «Подлинная независимость колоний может быть только плодом революции, проводимой совместно пролетариатом метрополии и пролетариатом колоний. Однако это было не так с движениями за независимость внутри колониальных империй, поэтому их лидеры, такие как Нкрума или Азикиве, были заклеймены как буржуазные националисты, и тогда Москва не признавала никаких оснований для их поддержки [12, с. 64]».

У представителей африканской интеллигенции была возможность выразить свои впечатления от СССР во время конференции, состоявшейся в 1958 г. в столице Советской Республики Узбекистан. Конференция, на которой собрались афроазиатские писатели, продемонстрировала, что у значительной части чернокожих интеллектуалов были серьезные сомнения в советской помощи Африке [16, p. 15]. Многие из них разделяли концепцию негритюда и не сомневались в том, что СССР, оказывая помощь африканцам, навязывал им советский коммунизм или социализм, которые не соответствовали африканским реалиям. По мнению И.И. Потехина, Советскому Союзу нужно было активизировать научно и методически обоснованную пропаганду в африканских странах, поскольку головы африканских интеллектуалов наполненыогромным количеством предрассудков и нужно было «найти способ приблизиться к этим головам и сердца» [12, с. 67].

Один из наших ивуарийских респондентовсказал по этому поводу:«Из-за недоступности школы для всех, малообразованная часть населения полагалась на информацию, предоставляемую интеллигенцией, которая значительное время находилась под влиянием колониальной прессы. Люди, получившие высшее образование в Европе, сыграли большую роль в создании и распространении предубеждений против СССР, особенно среди франкоговорящих черных африканцев».

Мнения интеллигенции разделяли рядовые африканцы. Наша респондентка из Мадагаскара сказала:«В конце 1950-х г. мы были морально уязвимы из-за трудностей колонизации. Мы слышали от нашихинтеллектуалов, что СССР хотел вести себя так же, как западные колонизаторы, но только завуалировано. Говорили, чтоон предлагает африканцам помощь только для того, чтобы навязать нам свою идеологию. Этому верили, это казалось тогда очевидным, поэтому массы африканского населения не хотели советской помощи».

Отношение африканцев к Советскому Союзуизменилось после окончания Второй мировой войны. Ветераны войны принесли новую информацию о СССР. Они были проникнуты уважением к стране, победившей фашизм. Советский Союз оценивалсяими как сверхдержав, защитник прав и суверенитетов народов [15, p. 720]. М. Анаф указывал на то, что африканцы находили в СССР нечто волшебное, т.к. эта страна за несколько десятилетий добилась значительных технологических и экономических достижений, для которых Западной Европе и США потребовались столетия [15, p. 720].

Африканские ветераны Второй мировой войны видели преимущества от сотрудничества с СССР в получении помощи для борьбы за независимость и суверенитет. Одна из наших малийских респон-

денток привела высказывание ветерана: «Я помню, как когда мыв 1945 г. начали наши марши протеста против колониального режима, мои товарищи (которые не были ветеранами) хором произносили: «Мы освободим наши страны от колонизации! Мы черные советские люди!Мы будем бороться за свою свободу!»Такие протесты происходиливо многих странах франкоязычной Африки. Мне всегда было приятно слышать хорошие слова об СССР, мы помогали нашим собратьям узнать СССР».

Благодарность Советскому Союзу

Антиколониальная борьба в Африке стала долговременной составляющей советской политики в 1960-1970-х гг. На ее обеспечение были направлены и усилия советской дипломатии, и политическая, экономическая, военная поддержка национально-освободительных движений в Африке [5]. Целый ряд африканских государств получал от СССР военную помощь во время борьбы за независимость против проамериканских и прозападныхповстанцев.

Африканцы положительно реагировали на военную помощь, оказываемую СССР их странам. Почти все наши респонденты отметили, что их странам нужно было оружие для борьбы против колониальной системы. Общее мнение можно выразить словами: «СССР был спасителем для многих африканских государств до и после обретения независимости». Подробные сведения о советской военно-технической помощи Африке имеются в работах А.В. Антошина [2], С.В. Григорьевой [7, 8], В.И. Шарого [14]. Наиболее активно развивались в 1960-1980-е гг. отношенияСоветского Союза со странами Северной Африки. В 1960-е гг. среди союзников СССР в регионе выделялся Египет, что было связано с политическим курсом Насера. По мнению А.В. Антошина, сравнительно высокий (по африканским меркам) уровень развития стран региона привлекал советскую помощь [2, с. 21]. СССР активно поддержал Египет в дни так называемой Шестидневной войны 1967 г. Респондент из этой страны написал: «Мой отец, рассказывая мне о войне за независимость против Британии, говорил, что мы благодарны СССР. Без СССР мы не смогли бы победить». Другой египтянин подчеркнул: «Благодаря СССР мы смогли модернизировать нашу армию еще в 1950-е годы». В дополнение к этому соглашение, подписанным 20 сентября 1955г. в Праге и обнародованным Г. Насером в речи 27 сентября [13, с. 161], предусматривалась поставка вооружения и военной техники из СССР и Чехословакии в Египет на сумму 250 млн. долларов [6, с. 44], предусматривалось также направить в Египет советских военных инструкторов для помощи в освоении техники.

С.В. Григорьева отмечает, что в марте 1987 г. в Эфиопии на должностях советников и специалистов состояло 27 представителей Военно-морского флота СССР. Группа военных специалистов ВМФ в труднейших условиях занималась и восстановлением боеспособности эфиопских кораблей. Советские военные специалисты были призваны обучать личный состав, обслуживать поставляемую советскую технику, проводить ремонтные и регламентные работы. Им нередко доводилось, защищая свою жизнь и жизнь африканских товарищей, брать в руки автоматы и пулеметы, садится за штурвалы боевых машин пехоты и танков, пульты управления огнем ракетных и зенитных установок. Многим приходилось подолгу жить в палатках и землянках, постоянно испытывая серьезные бытовые неудобства и лишения [8, с. 20].

В.И.Шарый, проанализировавший сотрудничество между СССР и африканскими португалоязычными странами (Анголой, Мозамбиком, Гвинеей-Бисау и Кабо-Верде), отметил, что в общей сложности за 16 лет официального военно-технического сотрудничества между СССР и Анголой в этой африканской стране побывали около 11 тысяч советских военнослужащих, в том числе 107 генералов и адмиралов, 7211 офицеров, более 3,5 тысячи прапорщиков, мичманов, рядовых, а также рабочих и служащих армии и флота [14, с. 151]. По официальным данным, 54 человека из них, в том числе 45 офицеров, пять прапорщиков, два солдата срочной службы и двое служащих погибли или умерли [14, с. 151].

С.В. Григорьева обратила внимание, что африканцы восхищаются советскими бойцами, которые были в их странах. Они приписывали им такие характеристики, как «коллективизм и взаимопомощь, способность выживать в любых условиях, адаптивность, отзывчивость, трудолюбие, мужество, а также интернационализм» [7, с. 27]. Наш респондент из Анголы добавил к этому: «Во время уроков истории в колледже мы многое узнаем об этапах борьбы за независимость своей страны. СССР известен всем как военная держава для всех португалоязычных стран (ПАЛОП)»

Советская экономическая помощь также высоко оценивалась африканскими государствами после получения независимости. Молодые государства столкнулись с множеством инфраструктурных и финансовых проблем. СССР наладил с ними торгово-экономическое сотрудничество. Основными торговыми партнерами СССР на континенте были Египет, Ливия, Ангола, Марокко, Эфиопия, Нигерия, Гвинея. Внешнеторговый оборот СССР с африканскими государствами за 1960-1984 гг. увеличился в 13 раз, достигнув суммы около 5 млрд. долларов [1, с. 92]. С советской помощью

было сооружено около 30 энергообъектов суммарной мощностью 2,9 млн. кВт (самый крупный - Асуанский честный гидроэнергетический комплекс в Египте), оказывалось содействие в создании и развитии горнодобывающей промышленности, черной и цветной металлургии. Кроме того, было построено 3 нефтеперерабатывающих завода (общая мощность 2,6 млн. т), 29 машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий, 40 предприятий по переработке и хранению сельскохозяйственной и животноводческой продукции [11].

Строительство Асуанской плотины позволило регулировать паводковые воды в Ниле, создавать запасы воды для нужд сельского хозяйства, а также производить электроэнергию. Наш пожилой респондент из Египта сказал: «Асуанская плотина – это техническая и экономическая гордость Египта в Африке и даже во всем мире. Мы всегда будем благодарны СССР, а теперь и России, за этот шедевр».

С помощью СССР в Гвинее был сооружен Бокситодобывающий комплекс, введенный в строй в 1974 г. Предприятие добывало 2,5-3 млн. тонн бокситов в год, 50% от которых направлялись на погашение платежей по кредиту, предоставленному СССР на его строительство (83 млн. руб.) [11]. О его значении один из респондентов сказал: «Благодаря этому комплексу несколько поколений гвинейских семей, работающих на нем, в том числе имоей семьи, смогли обеспечивать регулярные доходы».

Таким образом, африканцы высоко оценивали разностороннюю помощь, оказываемую Советским Союзом. Обратим внимание на то, что представители старшего поколения во многих африканских государствах до сих пор об этом помнят и высказали нам слова признательности за помощь в достижении независимости и экономического роста их стран.

Переоценка советской помощи

Переломный период в афро-советских отношениях пришелся на годы реформ Горбачева, т.е. период перестройки. Влияние СССР на континенте ослабло, что сказалось на его уходе из нескольких стран (Ангола, Мозамбик, Эфиопия, Судан и т.д.). Эти независимые государства с недостаточной экономической, социальной, политической и военной стабильностью почувствовали себя преданными Советским Союзом. Многие думали, что СССР оставил их «на милость» бывшим колониальным державам.

После 1985 г. помощь СССР африканцами ощущалась все реже и реже. Наш респондент из Буркина-Фасо написал: «Для нас было тяжелым ударом узнать, что в тот момент, когда после получения независимости мы хотели больше укрепить отношения с СССР, СССР должен был уйти».

В конце XX века некоторые моменты, связанные с советской помощью, в Африке были переосмыслены. Один из примеров – упоминавшаяся выше Асуанская плотина. Наш респондент, эколог из Египта, отметил: «Советские специалисты пренебрегли экологическими последствиями сооружения плотины, а оно привело к ужасным последствиям».Дело в том, что из-за нарушения гидравлического режима Нила возросло количества водоемовсо стоячей водой, в которых резко возросла популяция червей из группы ацеломатов [16]. Кроме того, несколько респондентов указали, что строительство Асуанской плотины имело серьезные последствия для населения Нубии. Часть ее территории была затоплена, египетские власти вынудили жителей переселиться в отдаленные засушливые регионы без доступа к Нилу. Кроме того, в ходе строительства храмы Абу-Симбеля времен правления фараона Рамзеса II, а также храмы, расположенные на острове Филе, были перемещены ввиду угрозы затопления водами Асуанской плотины.

Советская помощь глазами молодого поколения

В ходе нашего исследования выяснилось, что представители молодого поколения африканцев практически ничего не знают о том, что на протяжении длительного периода времени СССР оказывал африканским государствам разностороннюю помощь. Такое незнание в большей степени типично для молодых людей из бывших французских и английских колоний. Типичный ответ на вопрос о том, что вы знаете о афро-советском сотрудничестве? был таким: «Извините, я ничего не могу сказать по этому вопросу, так как в школе и в университете мы не изучали такое сотрудничество». Объяснить такое положение дел можно тем, что во главе большинства англо- и франкоязычных африканских стран стоят проевропейские и проамериканскими лидеры. Они не заинтересованы в сохранении памяти о советской помощи и склонны к восхвалению бывших стран-метрополий.

На наш взгляд, изменить ситуацию можно принятием нескольких мер:

1) Африканцы, приезжающие учиться в Россию, должны слушать специальный курс о роли СССР в получении независимости африканскими странами;

2) России стоит участвовать в строительстве школ и университетов в Африке, которые должны стать центрами просветительской деятельности;

3) Россия через свои посольства в африканских государствах может увеличить число русских культурных центров (как это было сделано в Танзании).

Заключение

Наше исследование показало, что восприятие и оценка африканцами сотрудничества и советской помощи изменялось в течение полувека. В конце 1950-х позитивно воспринимали и положительно ценили советскую помощь жители таких стран, как Египет, Алжир, Ливия. В странах южнее Сахары в отношении к СССР присутствовали большие сомнения, многие не хотели получать помощь из-за опасений распространения коммунистической идеологии.Только в начале 1960-х гг. часть этих государств«развернулась» к СССР, ониначали получатьразностороннюю помощь, которая до сих пор позитивно оценивается представителями старшего поколения. После распада СССР помощь прекратилась. Современная африканская молодежь мало знает о советской помощи Африке, что можно объяснить ее прозападной ориентацией.

Литература

1. Абрамов И., Фитуни Л.. Новая стратегия России на африканском направлении // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 12. С. 90 – 100.

2. Антошин А.В. Россия и Африка: учебно-методическое пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012. 45 с.

3. Богучарский Е.М. СССР и Алжир. 60-70-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2008. № 3. С. 51 – 64.

4. Бондаренко Д.М. «Советское наследие» в образе России в странах Африки // Азия и Африка сегодня. 2007. № 7. С. 37 – 43.

5. Бутенко Л.И., Донгмо Т.Ж. Взаимоотношения России и Африки: история, современность, перспективы (на примере Камеруна) // Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. 2018. С. 179 – 182.

6. Васильев А.М. Россия на Ближнем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Восточная литература, 1993. 397 с.

7. Григорьева С.В. Мемуары советских военных советников и специалистов в Африке в 1960-1980-х гг.: специфика и практика изучения исторической памяти // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4. С. 21 – 27.

8. Григорьева С.В. Советская повседневность в африканских представительствах 1960-1980-х гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2017. №6. С. 17 – 23.

9. Давидсон А.Б., Филатова И.И. СССР и Южная Африка: три века связей. М.: Гос. ун-т – Высш. шк. экономики, 2010. 330 с.

10. Мартышин О.В. Социализм и национализм в Африке: Очерки развития новейшей общественно-политической мысли в странах Африки. М: Наука, 1972. 407 с.

11. Панов А. Экономическое и техническое сотрудничество СССР со странами Африки. Досье. URL: https://tass.ru/info/3237652 (дата обращения: 27.05.2021)

12. Потехин И.И.Антиимпериалистическое движение в Колони Золотой Берег // Советское Востоковедение. 1955. № 2. С. 61 – 70.

13. Синайский С.А. Военное сотрудничество СССР и Египта: ретроспектива // Международная жизнь. 2012. № 12. С. 159 – 172.

14. Шарый В.И. Военное сотрудничество Советского Союза с бывшими португальскими колониями // Вестник Военного университета. 2009. № 2. С. 149 – 154.

15. Anafu M. Les relations soviéto-africaines: une perspective historique // Politique étrangère, 1988. № 3. P. 719 – 727.

16. Barnouin J., Sache I. Les maladies émergentes: Épidémiologie chez le végétal, l'animal et l'homme. Versailles: Éditions Quæ, 2010. P. 166 – 167.

17. Katsakioris C. L'union soviétique et les intellectuels africains: Internationalisme, panafricanisme et négritude pendant les années de la décolonisation, 1954-1964 // Cahiers du monde russe, 2006. № 1-2 (Vol 47). P. 15 – 32.

18. Matusevich M. (Ed.). Africa in Russia, Russia Africa. Three Centuries of Encounters // Cahiers d'études africaines. 2017. № 226. P. 465 – 469.

19. O'Malley A. The Diplomacy of Decolonization: America, Britain and the United Nations during the Congo Crisis 1960-1964. Manchester University Press, 2018. 207 p.

20. Suret-Canale J. Essais d'histoire africaine : de la traite des Noirs au néocolonialisme. Paris: Éditions sociales, 1980. 101 p.

21. Tudesq A.J. Feuilles d'Afrique. Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine, 1995. P. 23 – 58.

22. Wilson E.T. Russia and Black Africa before World War II. New York: Holmes and Meir Publishers, 1974. 397 p.

References

1. Abramov I., Fituni L.. Novaya strategiya Rossii na afrikanskom napravlenii. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. T. 63. № 12. S. 90 – 100.

2. Antoshin A.V. Rossiya i Afrika: uchebno-metodicheskoe posobie. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2012. 45 s.

3. Bogucharskij E.M. SSSR i Alzhir. 60-70-e gody XX veka. Novaya i novejshaya istoriya. 2008. № 3. S. 51 – 64.

4. Bondarenko D.M. «Sovetskoe nasledie» v obraze Rossii v stranah Afriki. Aziya i Afrika segodnya. 2007. № 7. S. 37 – 43.

5. Butenko L.I., Dongmo T.ZH. Vzaimootnosheniya Rossii i Afriki: istoriya, sovremennost', perspektivy (na primere Kameruna). YUzhno-Rossijskij gosudarstvennyj politekhnicheskij universitet (NPI) imeni M.I. Platova. 2018. S. 179 – 182.

6. Vasil'ev A.M. Rossiya na Blizhnem Vostoke: ot messianstva k pragmatizmu. M.: Vostochnaya literatura, 1993. 397 s.

7. Grigor'eva S.V. Memuary sovetskih voennyh sovetnikov i specialistov v Afrike v 1960-1980-h gg.: specifika i praktika izucheniya istoricheskoj pamyati. Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 4. S. 21 – 27.

8. Grigor'eva S.V. Sovetskaya povsednevnost' v afrikanskih predstavitel'stvah 1960-1980-h gg. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I.Lobachevskogo. 2017. №6. S. 17 – 23.

9. Davidson A.B., Filatova I.I. SSSR i YUzhnaya Afrika: tri veka svyazej. M.: Gos. un-t – Vyssh. shk. ekonomiki, 2010. 330 s.

10. Martyshin O.V. Socializm i nacionalizm v Afrike: Ocherki razvitiya novejshej obshchestvenno-politicheskoj mysli v stranah Afriki. M: Nauka, 1972. 407 s.

11. Panov A. Ekonomicheskoe i tekhnicheskoe sotrudnichestvo SSSR so stranami Afriki. Dos'e. URL: https://tass.ru/info/3237652 (data obrashcheniya: 27.05.2021)

12. Potekhin I.I.Antiimperialisticheskoe dvizhenie v Koloni Zolotoj Bereg. Sovetskoe Vostokovedenie. 1955. № 2. S. 61 – 70.

13. Sinajskij S.A. Voennoe sotrudnichestvo SSSR i Egipta: retrospektiva. Mezhdunarodnaya zhizn'. 2012. № 12. S. 159 – 172.

14. SHaryj V.I. Voennoe sotrudnichestvo Sovetskogo Soyuza s byvshimi portugal'skimi koloniyami. Vestnik Voennogo universiteta. 2009. № 2. S. 149 – 154.

15. Anafu M. Les relations soviéto-africaines: une perspective historique. Politique étrangère, 1988. № 3. P. 719 – 727.

16. Barnouin J., Sache I. Les maladies émergentes: Épidémiologie chez le végétal, l'animal et l'homme. Versailles: Éditions Quæ, 2010. P. 166 – 167.

17. Katsakioris C. L'union soviétique et les intellectuels africains: Internationalisme, panafricanisme et négritude pendant les années de la décolonisation, 1954-1964. Cahiers du monde russe, 2006. № 1-2 (Vol 47). P. 15 – 32.

18. Matusevich M. (Ed.). Africa in Russia, Russia Africa. Three Centuries of Encounters. Cahiers d'études africaines. 2017. № 226. R. 465 – 469.

19. O'Malley A. The Diplomacy of Decolonization: America, Britain and the United Nations during the Congo Crisis 1960-1964. Manchester University Press, 2018. 207 p.

20. Suret-Canale J. Essais d'histoire africaine : de la traite des Noirs au néocolonialisme. Paris: Éditions sociales, 1980. 101 p.

21. Tudesq A.J. Feuilles d'Afrique. Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine, 1995. P. 23 – 58.

22. Wilson E.T. Russia and Black Africa before World War II. New York: Holmes and Meir Publishers, 1974. 397 p.

Yapi Joelle Roland, Postgraduate,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

AFRICANS' ASSESSMENT OF SOVIET AID IN THE 1950S-1980S

Abstract: the purpose of this article is to study information about Soviet aid among residents of diverse African countries. The author set the task to consider how representatives of different generations of Africans perceived and evaluated cooperation with the USSR and Soviet aid. The work is based on the information of a survey conducted by the author among representatives of different African states and materials of the periodical press of the French-speaking countries of the continent. Three chronological sections were identified for analysis: the perception of the USSR and cooperation with it in African States before the active support of the national liberation movement on the continent; the assessment of Soviet aid during its large-scale provision to African States and, finally, the assessment of this assistance by the young African generation.

The materials contained in the article can be used in educational and training activities, as well as for in-depth study of the image of the USSR among Africans. In addition, the information provided by the author about the Africans' assessment of assistance from the USSR is relevant for the development of cooperation between Russia and Africa.

Keywords: USSR, Soviet aid, Africa and Africans, assessment, image, perception, independence, colonization

Моисеев А.Н., кандидат военных наук, доцент, докторант,
Ульяновский государственный педагогический
университет им. И.Н. Ульянова,
Филиал Военно-воздушной академии им. профессора
Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина в г. Сызрань

ФОРМИРОВАНИЕ И БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ В ПОВОЛЖЬЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918-1920 гг.)

Аннотация: в статье проводится исследование опыта создания интернациональных (национальных) частей и подразделений в Поволжье в годы Гражданской войны. Выделяются и описываются характерные способы привлечения бывших военнопленных и беженцев в ряды в ряды вооруженных сил молодой советской республики, а также принципы комплектования.

Актуальность темы обусловлена необходимостью устранить значительные расхождения по многим вопросам, включая количественные характеристики иностранных формирований, созданных и дислоцированных на территории Поволжья.

Для достижения указанной цели исследования необходимо выполнить следующие *задачи:* всесторонне изучить и обобщить материалы центральных и региональных архивов, различные авторские научные исследования и публикации.

Методологическую основу научного исследования составили принципы объективности, системности и историзма.

Научная новизна работы состоит в том, что она представляет собой первое специальное обобщающее исследование статистических данных по иностранным (национальным) формированиям, созданным и действующим на территории Поволжского региона в годы Гражданской войны.

Практическая значимость исследования заключается в вовлечении в научный оборот ранее не изученных документов по составу и численности интернациональных (национальных) частей и подразделений Красной Армии на территории Поволжья.

Ключевые слова: Поволжье, интернациональные и национальные формирования, агитационно-пропагандистская работа, местные органы военного управления

Введение

Развивающиеся революционные события 1917 г. захватили на территории России около 5 млн. иностранных граждан, в том числе 2,2 млн. военнопленных Первой мировой войны – немцев, австрийцев, венгров, сербов, хорватов, болгар, чехов, словаков и др. Только в пределах Казанского военного округа (10 губерний и 2 области) находилось 285 376 военнопленных, из них: 13 590 солдат и 137 офицеров германской, 265 887 солдат и 5 471 офицер австро-венгерской, 270 солдат и 21 офицер турецкой армии [5, с. 346]. В Симбирске около 6000, а по губернии свыше 28 000 чел. [1, с. 208]. Помимо военнопленных во внутренних губерниях оказалось еще и 2 800 000 беженцев. По данным комиссариата по делам национальностей на начало 1918 г. в поволжских губерниях находилось только польских беженцев – 62 711, в том числе: Казанской – 9 322, Симбирской – 2 930, Пензенской – 8 571, Самарской – 10 472, Саратовской – 2 679 [5, с. 347]. Сотни тысяч беженцев было из прибалтийских губерний Российской империи, только в Сибирской губернии 760 000 латышей, 885 эстонцев [6, д. 110. л. 57] и поток беженцев увеличивался в последующие годы.

Проводимая большевиками политика и агитационная работа сделала иностранных граждан активными участниками боевых действий в ходе Гражданской войны 1918-1920 гг.

Первые интернациональные батальоны спонтанно создавались уже в конце 1917 г. в Петрограде. А с началом 1918 г. по инициативе Комитета военнопленных Московского военного округа был образован отряд Красной гвардии, состоявший из 400 человек, преимущественно болгар, чехословаков, румын [10]. Формировались воинские подразделения на добровольной основе во всех концах Советской России: интернациональные отряды – в 400 пунктах, отдельные роты, батальоны, полки – в 89 городах. К концу 1918 г. в национальных воинских частях насчитывалось 50 000 чел. [17, ед. хр. 57. л. 14].

Вся инициатива движения интернационалистов-военнопленных шла снизу и возглавлялась порой отдельными интернационалистами. Тенденцию к централизации этот процесс получил после созыва Первого Всероссийского съезда революционных организаций военнопленных, проходившего с 14 по 18 апреля 1918 г. в Москве [19, ед. хр. 9. л. 1], на котором 500 тыс. бывших солдат

Германской и Австро-Венгерской империи избрали Центральный исполнительный комитет (ЦИК) и поддержали создание Центральной коллегии [20, д. 181. л.л. 7,8] для формирования интернациональной пролетарской армии [3, ед. хр. 10. л. 16]. (Стоит отметить, что в последующем деятельность данного центрального органа фактически свелась к учету интернациональных частей Красной Армии.

Формирование интернациональных частей Красной Армии

Тысячи бывших военнопленных вступили в ряды Красной Армии. Так, в Самарском лагере организовался интернациональный венгерский отряд, пополнившийся прибывающими из Сибири солдатами-венграми. Социалистические польские отряды создавались в Казани и Царицыне и других городах, в армиях и при штабах действующих фронтов. В обороне Царицына (осень 1918 г.) принимала участие рота итальянцев, входившая в состав 2-го Интернационального полка Советской дивизии внеочередного формирования.

По далеко неполным данным к концу 1918 г. количество находившихся в Поволжье красноармейцев-интернационалистов составляло 3160 чел. [12, с. 17] и эта цифра в последующем только увеличивалась, в том числе и благодаря ведению агитационно-пропагандистской работы как членами Российской Коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)), так и представителями иностранных групп РКП(б). В Поволжских городах: Саратове, Самаре, где находились югославяне и югославянские части роздали порядка 365 брошюр, изготовленных в Воронеже [24], в Симбирске порядка 775 [4, д. 42. л. 14]. Венгерская группа РКП(б) организовала коммунистические секции в Самаре, Саратове, Царицыне, Симбирске, Казани и др. городах, выпускала на родном языке газету [18, ед. хр. 425. л. 105], со страниц которой велось партийно-политическое просвещение военнопленных. Во все концы молодой Советской республики ею направлялись агитаторы венгры, облеченные большими полномочиями [20, д. 188. л. 32]. Цель их агитаторской работы сводилась к тому, чтобы простым и доходчивым языком объяснить бойцам-интернационалистам сущность произошедшей в России революции и необходимость защиты ее завоеваний. Формы работы и методы применялись самые разнообразные, но особой популярностью пользовались митинги. Культурно-просветительским отделом Симбирского управления по делам пленных и беженцев было проведено 90 митингов с октября 1918 г. по декабрь 1919 г. [20, д. 449. л. 41] По окончании мероприятия участники получали хлеб, горячий чай и сахар. Контроль за агитационно-пропагандистской деятельностью в интернациональных частях Красной Армии осуществлялся Военной секцией, образованной при Федерации иностранных групп РКП(б) в конце 1918 г. [21, ед. хр. 737. л. 113].

Созданием национальных и интернациональных формирований на разных уровнях до середины 1918 г. занимались партийные и военные организации, органы военного управления (местные военные комиссариаты под руководством окружных комиссариатов [18, ед. хр.86. л. 1-2]. Координацией их действий с июня 1918 г. по март 1919 г. занималась «Рабочая группа по созданию интернациональных групп Красной Армии», а затем с апреля по сентябрь 1919 г. «Управление по формированию интернациональных групп Красной Армии» [7, с. 151-152]. Большую историческую роль в этом процессе сыграла Военная комиссия при Центральной Федерации иностранных групп (ЦФИГ) ЦК РКП(б) действовавшая по май 1920 г. [9, с. 33] К этому моменту основные силы белогвардейцев и интервентов были разбиты, а Советская власть значительно окрепла, дальнейшее массовое участие интернациональных частей перестало быть насущной необходимостью. Для осуществления дальнейшей организационной деятельности среди интернациональных частей создается «9-е Отделение по организации интернациональных частей Красной Армии» в отделе по устройству и боевой подготовке войск Организационного управления Всероссийского Главного Штаба (ВГШ) [9, с. 34-36].

Обучение и окончательное сформирование боевых частей и подразделений проходило в г. Казани при запасной армии Революционного Военного Совета Республики (РВСР), командные кадры и политические комиссары готовились в системе Главного управления военно-учебных заведений РККА (ГУВУЗ).

Боевая деятельность интернациональных частей Красной Армии на территории Поволжья

Созданные в 1918-1920 гг. интернациональные части принимали активное участие в боях на всех фронтах гражданской войны. Рассмотрим наиболее характерные примеры из боевых действий интернациональных частей Красной Армии в Поволжском регионе.

Славный боевой путь на Восточном фронте прошел 1-й (216-й) Интернациональный стрелковый полк 1-й (24-й) стрелковой дивизии 1 армии. В полк входили представители более десяти национальностей зарубежных стран. Полк принимал участие в освобождении г. Симбирска.

В мае – июне 1919 г. под Уфой сражался 222-й стрелковый Самарский интернациональный полк 25-й стрелковой (Чапаевской) дивизии. Полк объ-

единял венгров, чехов, поляков, немцев, австрийцев, китайцев. В августе 1918 г. важную роль в ликвидации первого окружения Царицына сыграл 2-й Интернациональный полк, входивший в состав 16-й стрелковой дивизии.

В 3-й Симбирской стрелковой дивизии было несколько китайских рот. В 1918 г. на Восточном фронте активное участие в боях против белочехов и войск Колчака принимал 225-й Китайский стрелковый полк, сформированный из китайских добровольческих отрядов. На тех же началах из венгров в Москве было сформировано три вооруженных отряда. Первый, в количестве 314 человек воевал в составе 1-го Московского интернационального коммунистического батальона на Восточном фронте, второй – из 160 в составе 6-го Советского полка как интернациональная рота с конца августа 1918 г. принимал участие в боях против чехословацкого белогвардейского корпуса в районе Казани, третий в 360 был отправлен под Екатеринбург [9, с. 74-76].

Накануне контрреволюционного мятежа чехословацких легионеров в г. Пензе в мае 1918 г. был сформирован 1-й Пензенский чехословацкий революционный полк порядка 700 бойцов. В неравных боях с белочехами (около 4 000) за Пензу, понесший серьезные потери – 128 убитыми и 15 пленными [16, с. 307], в дальнейшем воевавший на Восточном фронте, на Уральско-Оренбургском и участвовал в подавлении контрреволюционных кулацких выступлений в Пензенской и Тамбовской губерниях. Против белочехов успешно действовал в июне 1918 г. под Сызранью чешский отряд вначале численность 84 бойца, после первых боев увеличившийся в трое, а затем к августу выросший до интернационального полка. Блестяще полк выполнил боевую задачу в сентябре 1918 г. под Симбирском. Внезапным ударом бойцы-интернационалисты овладели мостом через Волгу, что позволило частям Красной Армии занять 12 сентября город Симбирск. Чехословацкие интернационалисты сражались практически на всех фронтах Гражданской войны: в Тамбове – 2-й чешский интернациональный полк (1000 чел.), под Владивостоком (600-800 чел.), в районах Читы и Хабаровска [18, ед. хр. 418. л. 23].

Немецкие интернационалисты вели бои с противником с целью ликвидации угрозы Астраханской железнодорожной линии и недопущения соединения белогвардейских частей с уральскими казаками. В трудных климатических условиях засушливых астраханских степей немецкие бойцы выполнили поставленную перед ними боевую задачу [9, с. 20].

Защищали Астрахань и сербы, сформированный по приказу К. Е. Ворошилова 1-й Югославянский коммунистический полк [12, с. 16]. Один только конный эскадрон этого полка за небольшой период времени в жестоких боях уничтожил 250 белоказаков [11]. В августе 1918 г. группа бойцов сербских частей помогла раскрыть контрреволюционный заговор в Царицыне. В городе на тот момент находилось свыше 1000 югославян, многие, из которых служили в рядах Красной Армии. Два батальона красноармейцев-югославян воевали в Саратове, в Самаре в составе Интернационального караульного полка защищал Советскую власть 1-й батальон югославян [21, ед. хр. 736. л. 113 об.].

Об участии болгарских интернационалистов в Гражданской войне сохранилось немного материалов, известно, что в ходе Первой мировой войны на сторону русской армии, в основном на Румынском фронте, перешло свыше 600 болгарских солдат [12, с. 17]. В Поволжье воевал Царицынский батальон (400 бойцов-болгар) [9, с. 52, 53].

Отличились во время обороны Царицына и под Астраханью интернационалисты-румыны, подразделения, так называемого «царевского отряда», сформированного в июне 1918 г. из румын, одной роты турок и сербов (количественный состав не известен) [9, с. 157]. Царицын самоотверженно защищала итальянская рота, состоявшая из бойцов-итальянцев в составе Интернационального полка дивизии В.И. Киквидзе [23, д. 9, 37. лл. 7-12].

Отличился своими боевыми действиями польский кавалерийский эскадрон, развернутый затем в польский кавалерийский полк, прошедший боевой путь от Волги до Урала, участвуя в освобождении Симбирска, Сызрани, Самары, Бузулука, Оренбурга и других городов в составе 24-й Симбирской стрелковой железной дивизии 1 армии [20, оп. 1255, 1304, 1336].

Славную страницу в боевую летопись походов Красной Армии вписал финский отряд 1-й (15-й) Инзенской стрелковой дивизии, участвовавший в освобождении г. Сызрани. Вот что сообщал в своем донесении начальник штаба Инзенской дивизии Максимов: «...3 октября (1918 г. – авт.), утром, в Сызрань вошла с севера конная команда финского отряда, и лишь в 12 часов 3 октября вошли пехотные части. Взятие Сызрани было подготовлено стойкостью и упорством частей Инзенской дивизии, несмотря на свою малочисленность прошедших с боем около ста верст и захвативших богатую военную добычу... » [25, с. 140]. Финские подразделения отличались своей подготовленностью и выучкой и в дальнейшем на всех фронтах Гражданской войны. Дело в том, что с 25 ноября 1918 г. были сформированы финские пехотные курсы, через которые за год прошли обучения 605 курсантов. К 13 апреля 1919 г. выпущено 126

красных командиров, которые сразу же отправились на Олонецкий фронт, а 5 июля 1919 г. еще 23 [13, с. 45]. За боевые отличия в период с 15 октября по 15 ноября 1919 г. 32 курсанта были награждены золотыми часами.

Заключение

По далеко не полным данным в Поволжье за 1918-1920 гг. было создано порядка 85 формирований интернационалистов (полки – 12, батальоны – 19, роты – 36, дружины – 1, команды – 1, дивизиона – 2, эскадрона – 2; артиллерийские формирования: батареи – 3, взвод – 1, караульные, запасные и иные ф. – 8) общей численностью – 28906 чел., различных национальностей: чехи, словаки, сербы, румына, немцы, австрийцы, финны, латыши, поляки, турки, хорваты, болгары, китайцы, татары, марийцы, чуваши, мусульмане) [2, с. 133-134; 4, д. 42. л. 16; 8, с. 15; 14, с. 77; 18, ед. хр. 272. лл. 25, 102-103; 22, ед. хр. 338; 9, с. 85, 97-99, 122].

Однако, стоит отметить, что количественный состав воинских подразделений интернационалистов от источника к источнику меняется. Дело в том, что в условиях Гражданской войны переформирование частей не было чем-то необычным, происходило дробление более или менее сложившихся частей, бросание в бой отдельных небольших групп. Естественно учет бойцов точностью и постоянством не отличался. Вот, например, в конце мая 1918 г., Симбирский военно-революционный штаб в числе других красногвардейских отрядов отправил под Пензу и интернациональный отряд в составе 200 бойцов под командованием Зыльвендера [15, с. 117]. Они вступили в бой с белочехами и потерпели в нём поражение. Значительная часть отряда интернационалистов рассеялась по Пензе и окрестностям (примерно 70 чел.), а другая вернулась в Симбирск (количество неизвестно). В подобных ситуациях более боеспособная группа становилась ядром для возникновения новой воинской единицы, прочие же примыкали к другим частям или бежали, пробираясь на родину различными путями.

Исследуя документальные материалы периода гражданской войны в Поволжье, собирая отдельные, подчас обрывочные сведения, удается хотя бы в общих чертах представить масштабность создания и участия интернациональных и национальных частей Красной Армии в событиях того времени. В тех исторических условиях борьбы с военной интервенцией и внутренней контрреволюцией, создание воинских формирований из интернационалистов-добровольцев, прошедших обучение в годы первой мировой войны, имевших боевой, технический опыт, несомненно, способствовало организации и укреплению регулярных вооруженных сил молодого Социалистического государства.

Литература

1. Валхар Ф., Форст Л. Организация военнопленных в Симбирске // Симбирская губерния в 1918-1920 гг.: Сб. воспоминаний. Ульяновск : Кн. изд-во, 1958. 432 с. С. 208.

2. Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР: Сборник документов: в 2 т. Москва: Политиздат, 1968. Т. 1. С. 133 – 134.

3. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). Ф. 1. Оп. 1.

4. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 1. Оп. 1.

5. Гражданская война в Поволжье. 1918-1920. Казань, 1974. 495 с. С. 346.

6. Гражданская война: материалы по истории Красной армии: в 3 т. М., 1923-1924.

7. Дружба народов. 1957. № 10. С. 151 – 152.

8. Дунаевский А. М. Иду за Гашеком. Москва: Воениздат, 1963. 152 с. С.15.

9. Жаров Л.И., Устинов В.М. Интернациональные части Красной Армии в боях за власть советов в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. Москва: Воениздат, 1960. 159 с. С. 81 – 82.

10. Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, № 19, 1918.

11. Известия ВЦИК, 7 декабря 1918.

12. Исторический архив / Акад. наук СССР, Ин-т истории. Москва: Изд-во Академии наук СССР», 1957, № 4. С. 16, 17, 27.

13. Константинов С.И. Вооруженные формирования антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны: дис. … док. ист. н. Екатеринбург, 1998. 466 с.

14. Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918-1919 гг.). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1974. 352 с. С. 77.

15. Очак И.Д. Из истории участия югославян в борьбе за победу Советской власти в России (1917-1921 гг.) // Сборник статей. Октябрьская революция и зарубежные славянские народы. М., Госполитиздат, 1957. С. 307.

16. Поляков Р.Ю. Военно-мобилизационная работа местных органов военного управления в 1918 – начале 1919 гг.: дис. … канд. ист. н. Пенза, 2003. 263 с.
17. Российский государственный архив социально политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 1.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11.
20. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1. Оп. 1.
21. РГВА. Ф. 11. Оп. 5.
22. РГВА. Ф. 28361. Оп. 3.
23. РГВА. Ф. 4594. Оп. 1.
24. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1.
25. Ситников В.В. Военно-организаторская и мобилизационная деятельность органов военного управления Симбирской губернии в 1918-1919 гг.: дис. … канд. ист. н. Ульяновск, 2008. 299 с.

References

1. Valhar F., Forst L. Organizaciya voennoplennyh v Simbirske. Simbirskaya guberniya v 1918-1920 gg.: Sb. vospominanij. Ul'yanovsk : Kn. izd-vo, 1958. 432 s. S. 208.
2. Vengerskie internacionalisty v Oktyabr'skoj revolyucii i grazhdanskoj vojne v SSSR: Sbornik dokumentov: v 2 t. Moskva: Politizdat, 1968. T. 1. S. 133 – 134.
3. Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoj istorii Voronezhskoj oblasti (GAOPI VO). F. 1. Op. 1.
4. Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Ul'yanovskoj oblasti (GANI UO). F. 1. Op. 1.
5. Grazhdanskaya vojna v Povolzh'e. 1918-1920. Kazan', 1974. 495 s. S. 346.
6. Grazhdanskaya vojna: materialy po istorii Krasnoj armii: v 3 t. M., 1923-1924.
7. Druzhba narodov. 1957. № 10. S. 151 – 152.
8. Dunaevskij A. M. Idu za Gashekom. Moskva: Voenizdat, 1963. 152 s. S.15.
9. ZHarov L.I., Ustinov V.M. Internacional'nye chasti Krasnoj Armii v boyah za vlast' sovetov v gody inostrannoj voennoj intervencii i grazhdanskoj vojny v SSSR. Moskva: Voenizdat, 1960. 159 s. S. 81 – 82.
10. Izvestiya Petrogradskogo Soveta rabochih i soldatskih deputatov, № 19, 1918.
11. Izvestiya VCIK, 7 dekabrya 1918.
12. Istoricheskij arhiv. Akad. nauk SSSR, In-t istorii. Moskva: Izd-vo Akademii nauk SSSR», 1957, № 4. S. 16, 17, 27.
13. Konstantinov S.I. Vooruzhennye formirovaniya antibol'shevistskih pravitel'stv Povolzh'ya, Urala i Sibiri v gody Grazhdanskoj vojny: dis. … dok. ist. n. Ekaterinburg, 1998. 466 s.
14. Medvedev E.I. Grazhdanskaya vojna v Srednem Povolzh'e (1918-1919 gg.). Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1974. 352 s. S. 77.
15. Ochak I.D. Iz istorii uchastiya yugoslavyan v bor'be za pobedu Sovetskoj vlasti v Rossii (1917-1921 gg.). Sbornik statej. Oktyabr'skaya revolyuciya i zarubezhnye slavyanskie narody. M., Gospolitizdat, 1957. S. 307.
16. Polyakov R.Yu. Voenno-mobilizacionnaya rabota mestnyh organov voennogo upravleniya v 1918 – nachale 1919 gg.: dis. … kand. ist. n. Penza, 2003. 263 s.
17. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no politicheskoj istorii (RGASPI). F. 17. Op. 1.
18. RGASPI. F. 17. Op. 4.
19. RGASPI. F. 17. Op. 11.
20. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA). F. 1. Op. 1.
21. RGVA. F. 11. Op. 5.
22. RGVA. F. 28361. Op. 3.
23. RGVA. F. 4594. Op. 1.
24. Samarskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (SOGASPI). F. 1. Op. 1.
25. Sitnikov V.V. Voenno-organizatorskaya i mobilizacionnaya deyatel'nost' organov voennogo upravleniya Simbirskoj gubernii v 1918-1919 gg.: dis. … kand. ist. n. Ul'yanovsk, 2008. 299 s

Moiseev A.N., Candidate of Military Sciences (Ph.D.),
Associate Professor, Doctoral Candidate,
Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov,
Air Force Academy named after Professor
N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin in Syzran

THE FORMATION AND COMBAT ACTIVITIES OF INTERNATIONAL UNITS OF THE RED ARMY IN THE VOLGA REGION DURING THE CIVIL WAR (1918-1920)

Abstract: the article studies the experience of creating international (national) units and subunits in the Volga region during the Civil War. The characteristic ways of attracting former prisoners of war and refugees to the ranks of the armed forces of the young Soviet republic, as well as the principles of recruitment, are highlighted and described.

The relevance of the topic is due to the need to eliminate significant discrepancies on many issues, including the quantitative characteristics of foreign formations created and deployed on the territory of the Volga region.

To achieve this research goal, it is necessary to perform the following tasks: to comprehensively study and summarize the materials of the central and regional archives, various author's scientific research and publications.

The methodological basis of the scientific research was the principles of objectivity, consistency and historicism.

The scientific novelty of the work consists in the fact that it is the first special generalizing study of statistical data on foreign (national) formations created and operating on the territory of the Volga region during the Civil War.

The practical significance of the study lies in the involvement in scientific circulation of previously unexplored documents on the composition and number of international (national) units of the Red Army in the Volga region.

Keywords: Volga region, international and national formations, propaganda work, local military authorities

Романова О.Н., аспирант,
Московский городской педагогический университет

КОНСТРУКТИВИЗМ ПО-СОВЕТСКИ: НОВЫЕ СМЫСЛЫ И ЦЕННОСТИ 1920-Х ГОДОВ

Аннотация: статья посвящена выявлению идейных основ советского конструктивизма 1920-х годов. В данной работе критически осмысляется влияние пяти принципов Ле Корбюзье на развитие советского конструктивизма, а также на воплощение философии конструктивизма в архитектуре нового стиля. В статье автор отмечает, что идеи конструктивизма были связаны не только с оформлением жилого пространства, но и с концепциями градостроительства в целом. Кроме того, актуальным наследием являются попытки конструктивистов отказаться от горизонтальных и вертикальных опор и приблизить облик зданий к природным объектам - выполнить постройки, напоминающие горы, деревья, пещеры и т.д. При этом одной идейной основой советского конструктивизма следует считать поиски формообразования.

Автор акцентирует внимание на ключевых достижениях мысли советских конструктивистов, актуальных для проектов современной тому времени городской застройки. Делается вывод о том, что характерными чертами воплощённого в материальной архитектуре советского конструктивизма являются геометризм, упрощение, лаконичность и бездекоративность форм, монолитность внешнего облика здания, при этом многие идеи советских конструктивистов опережали инженерные возможности эпохи 1920-х годов и остались в наследии «бумажной архитектуры».

Ключевые слова: советская культура, советский конструктивизм, философия раннего советского конструктивизма, ценности раннего советского конструктивизма

Великая российская революция стала своеобразной точкой бифуркации в истории российской отечественной культуры. 1920-е годы в культурном дискурсе нашей страны ознаменованы амбивалентными явлениями, связанными с многими личными трагедиями определённой части отечественной интеллигенции – с одной стороны, и бурными интеллектуальными поисками нового мироощущения и мировосприятия – с другой.

Идейные вдохновители социалистического строительства стремились создать принципиально новый мир, «порвав» с дореволюционным прошлым. Многие представители отечественного философского идеализма были вынуждены покинуть страну. Вместе с тем, как отмечают М.Е. Набокина и Ю.В. Смирнова, среди представителей религиозно-философской интеллигенции, далеко не все являлись убеждёнными противниками советской власти [3, с. 667]. Более того, в Московском религиозно-философском обществе памяти Владимира Соловьёва, например, были даже убеждённые христианские социалисты [2, с. 50-56].

Однако, В.И. Ленин собственноручно вычеркнул В.С. Соловьёва из плана «монументальной пропаганды», а новая советская интеллигенция была охвачена мечтами о принципиально новых смыслах и ценностях [5, с. 18]. Швейцарец Ле Корбюзье – основатель стиля конструктивизм, приехав в Москву, был воодушевлен возможностью воплотить именно здесь свои самые смелые идеи.

Поиск новых смыслов и ценностей распространялся и на художественные формы, а также на рецепцию и организацию городского пространства. Далеко не все сохранившиеся на сегодняшний день здания в стиле конструктивизма включены в Единый государственный реестр объектов культурного наследия. Поскольку не всегда удаётся определить историческую и культурную ценность с первого взгляда неказистых и малоприметных домов в стиле конструктивизма, особенно на фоне величественных классических усадеб или особняков в стиле модерн.

Однако, памятники конструктивизма являются смелыми попытками воплощения нового понимания эстетических и практических задач. Конструктивизм имел свой философский фундамент, воплощённый в «Пяти отправных точек новой архитектуры» Ле Корбюзье [10, с. 118].

Отсутствие обилия декора олицетворяло с одной стороны отказ от «буржуазных» излишеств, а с другой – идею утилитарности, функциональности и удобства интерьера новых зданий, отражённую в принципе свободного фасада.

Главным достижением архитекторов стал отказ от несущих стен и конструкций. Реализуя идеи обобществления советского быта, технические конструкции приспосабливались к возможности организации свободного и мобильного пространства, которое легко «собирается» и «разбирается» вновь.

В современном мире уже привычными стали сады, кинотеатры, концертные площадки на крышах домов с панорамным остеклением. Вместе с тем, это явление – далеко не изобретение современных архитекторов, а конструктивистские принципы эксплуатируемой кровли и сплошного остекления, что отражает идею максимальной

функциональности в эксплуатации здания и эстетику новых простых и дешёвых материалов: стекла, металла и бетона.

Идеи конструктивизма были связаны не только с оформлением жилого пространства, но и с концепциями градостроительства в целом. Отдельного внимания заслуживает конструктивистская концепция городов-садов. Любопытно, что в рамках данной концепции понятие «город-сад» интерпретировалось не как идея озеленения города, а как отказ от больших городов в градостроительстве в пользу зелёных поселений.

Более того, в первой половине 1920-х годов советскими архитекторами К.С. Мельниковым, А.М. Лавинским и Э. Лисицким была выдвинута концепция вертикального зонирования города, по которой предполагалось поднять здания на опоры над транспортными магистралями, часть дорог, в том числе автомобильных, убрать под землю [8, с. 51].

В этой связи, отдельное внимание конструктивисты уделяли архитектуре «верхних ярусов». В частности, А.М. Родченко, предполагал, что на стоящих на земле зданиях возникнет верхний ярус города с эскалаторами, садами, фонтанами, аттракционами, башнями, мостами и навесами [9, с. 432].

Ещё одной идейной основой советского конструктивизма следует считать поиски формообразования. Форма, как геометрическая сущность становится отвлеченным, самоценным и самодостаточным началом. Большой вклад в этом направлении внёс советский архитектор Н.А. Ладовский [4, с. 15; 6, с. 18; 7, с. 21], предложивший под конструкцией понимать соединение оформленных материальных элементов по определенному плану-схеме без каких-либо лишних материалов и элементов. В недрах этих искусствоведческих поисков зародились альтернативы прямоугольных домов, а также идеи передвижных домов.

В этой связи советский архитектор М.Я. Гинзбург [1, с. 24] свёл всё богатство архитектурных форм к нескольким: параллелепипед, призма, пирамида, цилиндр, конус и шар, сделав вывод о том, что необходимо упрощать формы до понятных и приятных человеческому глазу.

Думается, что до сих пор актуальным наследием являются попытки конструктивистов отказаться от горизонтальных и вертикальных опор и приблизить облик зданий к природным объектам: постройки напоминающие горы, деревья, пещеры и т.д.

В целом отметим, что интеллектуальные искания советских конструктивистов были связаны, как и мировым развитием данного стиля, так и с экзальтированным желанием разрушить до основания старый мир и на его обломках построить новый, стремлением принципиально по-новому организовать пространство ойкумены, построить, наконец, «город солнца», устремлённый к светлому социалистическому и коммунистическому будущему.

Характерными чертами воплощённого в материальной архитектуре советского конструктивизма являются геометризм, упрощение, лаконичность и бездекоративность форм, монолитность внешнего облика здания.

Многие идеи советских конструктивистов опережали инженерные возможности эпохи 1920-х годов и остались в наследии «бумажной архитектуры», однако огромная часть достижений архитектурной мысли остаётся актуальна на сегодняшний день и находит воплощение в современных проектах

Литература

1. Гинзбург М.Я. Ритм в архитектуре. М.: Изд-во «Среди коллекционеров», 1923. 119 с.

2. Набокина М.Е. Структурные и организационные особенности Московского Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2013. № 1 (11). С. 50 – 56.

3. Набокина М.Е., Смирнова Ю.В. Эволюция взглядов московской и петербургской религиозно-философской интеллигенции на революционный процесс в России начала XX века // Столетие революции 1917 года в России. Научный сборник. Сер. II, Исторические исследования 60: Труды исторического факультета МГУ. Выпуск 108, 2018. С. 662 – 667.

4. Рябов В.В., Токарева Е.А., Гусева Ю.Н. и др. Феномен российской интеллигенции конца – начала века. М.: Изд-во «ОнтоПринт», 2020. –04 с.

5. Сидорина Е.В. Конструктивизм без берегов. Исследования и этюды о русском авангарде. М.: Прогресс-Традиция, 2012. 656 с.

6. Смирнова Ю.В., Токарева Е.А. Ожидания, ценности и ментальные «разрывы» в политической культуре российской либеральной интеллигенции в начале XX века // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2017. № 2 (26). С. 18 – 27.

7. Токарева Е.А. Печать и государственная власть в Российской империи в начале XX века // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2015. № 4 (20). С. 21 – 24.

8. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн.: Кн. 2: Социальные проблемы. М.: Стройиздат, 2001. 712 с.

9. Хан-Магомедов С.О. Супрематизм и архитектура (проблемы формообразования). М.: Архитектура-С, 2003. 520 с.

10. Якимович А.К. Двадцатый век. Искусство. Культура. Картина мира: от импрессионизма до классического авангарда. М.: Изд. дом «Искусство», 2003. 491 с.

References

1. Ginzburg M.YA. Ritm v arhitekture. M.: Izd-vo «Sredi kollekcionerov», 1923. 119 s.

2. Nabokina M.E. Strukturnye i organizacionnye osobennosti Moskovskogo Religiozno-filosofskogo obshchestva pamyati Vladimira Solov'yova. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. 2013. № 1 (11). S. 50 – 56.

3. Nabokina M.E., Smirnova YU.V. Evolyuciya vzglyadov moskovskoj i peterburgskoj religiozno-filosofskoj intelligencii na revolyucionnyj process v Rossii nachala XX veka. Stoletie revo-lyucii 1917 goda v Rossii. Nauchnyj sbornik. Ser. II, Istoricheskie issledovaniya 60: Trudy istori-cheskogo fakul'teta MGU. Vypusk 108, 2018. S. 662 – 667.

4. Ryabov V.V., Tokareva E.A., Guseva YU.N. i dr. Fenomen rossijskoj intelligencii konca – nachala veka. M.: Izd-vo «OntoPrint», 2020. –04 s.

5. Sidorina E.V. Konstruktivizm bez beregov. Issledovaniya i etyudy o russkom avangarde. M.: Progress-Tradiciya, 2012. 656 s.

6. Smirnova Yu.V., Tokareva E.A. Ozhidaniya, cennosti i mental'nye «razryvy» v politicheskoj kul'ture rossijskoj liberal'noj intelligencii v nachale XX veka. Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki». 2017. № 2 (26). S. 18 – 27.

7. Tokareva E.A. Pechat' i gosudarstvennaya vlast' v Rossijskoj imperii v nachale XX veka. Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki». 2015. № 4 (20). S. 21 – 24.

8. Han-Magomedov S. O. Arhitektura sovetskogo avangarda: v 2 kn.: Kn. 2: Social'nye problemy. M.: Strojizdat, 2001. 712 s.

9. Han-Magomedov S.O. Suprematizm i arhitektura (problemy formoobrazovaniya). M.: Arhitektura-S, 2003. 520 s.

10. YAkimovich A.K. Dvadcatyj vek. Iskusstvo. Kul'tura. Kartina mira: ot impressionizma do klassicheskogo avangarda. M.: Izd. dom «Iskusstvo», 2003. 491 s.

Romanova O.N., Postgraduate,
Moscow City Pedagogical University

IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF CONSTRUCTIVISM: HISTORICAL AND CULTURAL ASPECTS

Abstract: the article is devoted to identifying the ideological foundations of Soviet constructivism in the 1920s. This work critically examines the influence of Le Corbusier's five principles on the development of Soviet constructivism, as well as on the embodiment of the philosophy of constructivism in the architecture of a new style. In the article, the author notes that the ideas of constructivism were associated not only with the design of living space, but also with the concepts of urban planning in general. In addition, attempts by the constructivists to abandon horizontal and vertical supports and to bring the appearance of buildings closer to natural objects - to make buildings resembling mountains, trees, caves, etc., are a current legacy. At the same time, the search for form formation should be considered one of the ideological basis of Soviet constructivism.

The author focuses on the key achievements of the thought of Soviet constructivists, relevant to the projects of contemporary urban development at that time. It is concluded that the characteristic features of the Soviet constructivism embodied in material architecture are geometricism, simplification, laconicism and no decoration of forms, monolithic appearance of the building, while many ideas of Soviet constructivists were ahead of the engineering capabilities of the 1920s and remained in the legacy of “paper architecture".

Keywords: Soviet culture, Soviet constructivism, philosophy of early Soviet constructivism, values of early Soviet constructivism

Третьякова Н.В., старший преподаватель,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XXI ВЕКЕ

Аннотация: в статье рассмотрены некоторые особенности и характерные черты различных этапов развития российско-американских отношений в XXI веке. Поскольку история в значении знания может фигурировать не только как научное знание или знание о социальном мире, но и как знание о прошлом, приоритет в исследовании отведен не методам и предмету, а историческому времени. Кроме того, использован принципа историзма, предполагающий в процессе исследования учёт конкретно-исторических условий и ситуаций изучаемого периода исторического процесса. Особое внимание отводится характеристике существенных изменений международных отношений между США и Россией в 2019-2021 гг., связанных с возникновением и развитием пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 (инфодемия, научно-технологическая гонка, в то числе гонка вакцин, и т.д.). Выделены основные этапы развития российско-американских отношений в XXI веке: 1) период «особых» российско-американских отношений (2001-2008 гг.); 2) период «перезагрузки» российско-американских отношений (2009-2012 гг.); 3) период обострения противоречий по проблемам регулирования геополитического и стратегического баланса сил (2013-2018 гг.); 4) период тенденции к глобализации в системе международных отношений, характеризуемый усилением поляризации между различными группами стран связанных между собой позитивными политико-экономическими отношениями, в условиях пандемии COVID-19 (2019-2021 гг.).

Ключевые слова: этапы российско-американских отношений, внешняя политика России, Стратегия национальной безопасности США

В доступной научной литературе встречаются исследования, посвященные российско-американским отношениям в XXI веке в целом [1, 2] или их различным аспектам: внешнеполитическим [3, 4] и научно-технологическим [5]

Некоторые исследования посвящены изучению деятельности отдельных личностей в процессе российско-американских отношений [6, 7] или чрезвычайному историческому событию в XXI веке (пандемия коронавируса COVID-19) [8, 9]. Мы полагаем, что эти исследования в той или иной степени выполнены с использованием микроподхода, который, как известно [10] связан с определенными подходами в изучении истории международных отношений и который не является абсолютно жестким при характеристике объектов с позиций осуществления анализа на микро- и макроуровне. Поскольку история в значении знания может фигурировать не только как научное знание или знание о социальном мире, но и как знание о прошлом, приоритет в нашем исследовании будет отводиться не методам и предмету, а историческому времени.

Цель исследования. Изучение некоторых аспектов эволюции российско-американских отношений в 2000-2021 гг. XXI века.

Начиная с 2001 года Россия начала искать совпадающие интересы в различных областях сотрудничества с США для выхода из кризиса в отношениях. Россией была поддержана антитеррористическая операции во главе с Соединенными Штатами известного теракта 11 сентября 2001 г, что получило резонанс в «Стратегии национальной безопасности США» (20 сентября 2002 г.) [11]. Соединенные Штаты и Российская Федерация активно сотрудничали в процессе деятельности антитеррористической коалиции (2001 г.) [12]. Хотя стоит отметить, что после вывода американских войск в 2021 году из Афганистана режим талибов в этой стране восстановился.

Т.В. Каширина характеризует период, начавшийся с 2001 г., как этап внешнеполитического усиления России в постсоветском пространстве [1]. Автор увязывает этот факт с активизацией политического интереса к Грузии, Украине и Молдове.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности США (2010 г.), признавалась многополярность мира, повышение политической роли развивающихся государств и усиление роли G-20. Соединенные Штаты при этом ориентировались на поддержку отстаивания суверенитета и территориальной целостности территориальных соседей России [13].

Следует отметить, что политика «перезагрузки», рассматриваемая О.В. Бирюковой в 2014 году [14], позиционировалась как новый этап российско-американских отношений. Ее проведение способствовало решению ряда международных конфликтов и снятию напряженности в мире. Тем не менее, О.В. Бирюковой в ее исследовании представлены мнения отечественных и зарубежных экспертов как о положительных так и о негативных результатах «перезагрузки». Хотя еще в 2010

году П.Н.Наливайко, оценивая реальность перезагрузки в российско-американских отношениях, полагал, что этот этап отношений характеризуется потеплением на официальном и на неофициальном уровне. Автор, ссылаясь на проведенный им анализ политических, военных и экономических сфер российско-американских отношений, заключает, что перезагрузка идет полным ходом [15].

Показательной и достаточно типичной реакцией политологов на принятие решение о «перезагрузке», а следовательно и на его реализацию, может служить, по нашему мнению, точка зрения К.Н. Лобанова, о том, что надо при этом внимательно наблюдать за действиями противоположной стороны, а также их явными и скрытыми маневрами [16].

Согласно следующей редакции Стратегии национальной безопасности США, разработанной в 2015 году, для обеспечения лидерства эта страна предполагает взаимодействовать с ООН и G-20. Отмечается эффективность антироссийских экономических санкций, а сама Россия упоминается в контексте актуализации проблемы обеспечения энергобезопасности стран Европы, из-за их зависимости от снабжения российским газом и в связи с украинским кризисом [17].

Е.В. Коровина рассмотрела динамику развития российско-американских отношений в 2001-2017 гг. XXI века.

При этом первый этап (2001-2008 гг.) рассматривался автором как период «особых» российско-американских отношений, в течение которого американская политическая элита старалась усилить свое влияние на постсоветском пространстве с помощью так называемых цветных революций и политики «продвижения демократии».

Второй этап (2009-2012 гг.) короткий, но насыщенный политическими и экономическими событиями, характеризовался как этап «перезагрузки» российско-американских отношений. Следует отметить, что именно тогда произошла отмена поправки Джэксона-Вэника. Имело место сотрудничество в области сокращения наступательных вооружений и нераспространения оружия массового поражения, а также проведение политики США на постсоветском пространстве. В экономическом аспекте российско-американских отношений определенное значение играло вступлением России в ВТО. Но к 2012 г. оказалось, что РФ не согласна выполнять второстепенную роль в процессе сокращения тактического ядерного оружия.

Третий этап (2013-2017 гг.) характеризуется обострением противоречий по проблемам регулирования геополитического и стратегического баланса сил.

Идеологи США и союзники по НАТО ведут активную деятельность по изменению системы мирового порядка и снижению международно-политической роли России в Совете Безопасности ООН, пересмотру итогов II Мировой войны для формирования подконтрольных США институтов международного права. В то же время аннулируются предложения и попытки России создания коллективных механизмов по укреплению безопасности с европейскими странами [2]. Как отмечает Т.В. Каширина, важную роль в российско-американских отношениях 2014-2015 гг. сыграли следующие политические и экономические события:

а) политический кризис на Украине (2014 г.);

б) введение экономических санкций (2014-2015 годы);

г) давление со стороны Соединенных Штатов на страны Евросоюза, осложнившее их взаимоотношения с Российской Федерацией;

д) участие Российской Федерации в нивелировании сирийского кризиса [1].

Мы полагаем, что характеристику третьего этапа российско-американских отношений целесообразно распространить и на 2017-2018 гг., поскольку в 2019 году возникла сначала эпидемия, а затем и пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, существенно изменившая структуру международных отношений, в том числе между США и Россией.

В основополагающих стратегических документах США, несущих концептуальный характер в 2017 г., было зафиксировано, что теперь конкуренция великих держав, а не терроризм, представляет главную угрозу для государства [18].

Эпидемия коронавируса COVID-19 усиливает основные тенденции эволюции международных отношений на фоне обострения соперничества великих держав и их борьбы за мировое доминирование и усиления необходимости совместной борьбы с глобальными вызовами и угрозами.

США, показавшие даже в отношении союзников некоторые проявления эгоизма, прежде всего европейских, и не сумевшие быстро локализовать эпидемию и минимизировать уровень ее негативизма (показатели заболеваемости и смертности) у себя в стране, быстро уменьшают свои привлекательность и влияние. Кроме того, Вашингтон сохранил все недружественные инструменты сдерживания России (санкции, торговые войны, информационная борьба, политическое сдерживание, шантаж новой гонкой вооружений) и использовал тему коронавирусной инфекции как ключевой компонент информационной войны против Москвы и инструмент политической борьбы с ней на территории третьих стран [19].

Более того, конкуренция между ведущими странами не только усиливается, но и ожесточается. При этом используются не только информационные, но и политические, экономические, идеологические, военные инструменты убеждения и принуждения. Во время пандемии коронавируса COVID-19 возник термин «инфодемия» («информационная эпидемия»), впервые озвученный сотрудниками ВОЗ и ООН, которые заключили, что дезинформация о коронавирусе распространяется намного быстрее и гораздо легче, чем сам этот вирус. Видимо стоит отметить в аспекте такой инфодемии, что в июле 2020 года американские авторы [20] заявляли о попытке российских хакеров взломать сервера научных организаций США, Великобритании и Канады для похищения информации о разработке коронавирусных вакцин [21].

С нашей точки зрения, здесь будет уместно привести мнение П. Кошкина, анализирующего информационно-политические аспекты пандемии коронавируса в США [8]. Автор полагает, что распространение коронавирусной инфекции и информационная эпидемия, как общая проблема, не только не объединили США и Россию, но и усугубили их противостояние. Об этом свидетельствует, в частности, гонка продвижения разработанных вакцин против COVID-19 и последующая информационная кампания вокруг этого: страны позиционировали разработки технологий создания этих вакцин (изобретения) в качестве своего политического капитала и пытались активно информировать публику о своих успехах в этой области. Гонка вакцин отразила соперничество различных групп стран: США и их союзники с одной Россия и Китай с другой стороны пытались доказать, что именно их модель более оптимальна с позиций конкурентоспособности в условиях пандемии. Более того, современная научно-технологическая гонка охватывает не только медицинскую, но и космическую и ядерную сферу [5].

Резюмируя вышеизложенное, мы полагаем, что такие существенные изменения международных отношений между США и Россией в 2019-2021гг. могут служить основанием для выделения четвертого этапа отношений между этими странами в XXI веке, исходя также и из принципа историзма [22], допускающего учёт конкретно-исторических условий и ситуаций изменения исторического процесса. Учитывая основополагающее значение пандемии для характеристики этого этапа, мы рассматриваем этот этап как этап тенденции к глобализации в системе международных отношений, характеризуемый усилением поляризации между различными группами стран, связанных между собой позитивными политико-экономическими отношениями, в условиях пандемии COVID-19.

Таким образом, к основным этапам развития российско-американских отношений в XXI веке, по нашему мнению, можно отнести: 1) период «особых» российско-американских отношений (2001-2008 гг.); 2) период «перезагрузки» российско-американских отношений (2009-2012 гг.); 3) период обострения противоречий по проблемам регулирования геополитического и стратегического баланса сил (2013-2018 гг.); 4) период тенденции к глобализации в системе международных отношений, характеризуемый усилением поляризации между различными группами стран связанных между собой позитивными политико-экономическими отношениями, в условиях пандемии COVID-19 (2019-2021 гг.

Литература

1. Каширина Т.В. Российско-американские отношения на современном этапе // Современная наука и инновации. 2016. № 3(15). С. 261 – 265.

2. Коровина Е.В., Трофимова Ю.В. Основные этапы развития российско-американских отношений в XXI веке // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 7. № 2. С. 76 – 78.

3. Федосова М.П. Особенности российско-американских внешнеполитических отношений в XXI в. // Общество: политика, экономика, право. 2015. № 2. С. 11 – 13.

4. Савойский А.Г. Эволюция экономической дипломатии в российско-американских отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2012. № 4. С. 28 – 39.

5. Кошкин П.Г. Научно-технологическая гонка в российско-американских отношениях: современные аспекты и дискурс // Россия и Америка в XXI веке. 2020. Вып. 4. [Электронный ресурс]. URL: https://rusus.jes.su/s207054760013338-8-1 DOI: 10.18254/S207054760013338-8

6. Сувак Д. Российско-американские отношения в период первого президентского мандата Барака Обамы // Архонт. 2019. № 2 (11). С. 98 – 103.

7. Болдырев В.Е. Обеспечение безопасности США при Дж. Байдене: предварительная реконструкция национальной стратегии // Вестник Санкт Петербургского университета. Международные отношения. 2021. Т. 14. Вып. 3. С. 348 – 373.

8. Кошкин П. Информационно-политические аспекты пандемии коронавируса в США // Пути к миру и безопасности. 2020. № 2 (59). С. 120 – 132. DOI 10.20542/2307-1494-2020-2-120-132

9. Громыко Ал.А. Пандемия и кризис системы международных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 5. С. 6 – 19. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-1

10. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания: учеб. пособие. СПб.: Изд-во «Алетейя. Историческая книга», 2007. 523 с.

11. National Security Strategy of the United States of America. The White House, September 2002. Режим доступа: URL: http://nssarchive.us/NSSR/2002.pdf

12. Най-мл. Дж. После Ирака: мощь и стратегия США // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1. № 3. С. 86 – 101.

13. National Security Strategy. The White House, May 2010. Режим доступа: URL http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf

14. Бирюкова О.В. Политика «Перезагрузки» как новый этап российско-американских отношений // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 2. № 3 (59). С. 266 – 273.

15. Наливайко П.Н. Российско-американские отношения на современном этапе: произошла ли "перезагрузка"? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 4 (15). С. 114 – 121.

16. Лобанов К.Н. Российско-американские отношения на современном этапе: от "перезагрузки" к сотрудничеству и партнерству // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 3 (24). С. 180 – 185.

17. The White House, National Security Strategy, February 1, 2015. Режим доступа: URL https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf

18. National Security Strategy of the United States of America. Dec. 2017 // White House Government: Official Website. Режим доступа: URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf

19. Пандемия не смягчила конфронтацию, а стала одной из ее арен. Режим доступа: URL https://www.kommersant.ru/doc/4315911

20. Barnes J.E. Russia is trying to steal virus vaccine data, Western nations say // The New York Times. 16.07.2020.

21. Васильева М. Россию обвинили в шпионаже и вмешательстве // EuroNews. 16 июля 2020. Режим доступа: URL: https://ru.euronews.com/2020/07/16/russia-accused-of-spying-and-intervention

22. Арзамаскин Ю.Н. Принцип историзма в научном исследовании // Вестник Военного университета. 2011. № 3 (27). С. 7 – 11.

References

1. Kashirina T.V. Rossijsko-amerikanskie otnosheniya na sovremennom etape. Sovremennaya nauka i innovacii. 2016. № 3(15). S. 261 – 265.

2. Korovina E.V., Trofimova YU.V. Osnovnye etapy razvitiya rossijsko-amerikanskih otnoshenij v XXI veke. Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya. 2017. T. 7. № 2. S. 76 – 78.

3. Fedosova M.P. Osobennosti rossijsko-amerikanskih vneshnepoliticheskih otnoshenij v XXI v. Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2015. № 2. S. 11 – 13.

4. Savojskij A.G. Evolyuciya ekonomicheskoj diplomatii v rossijsko-amerikanskih otnosheniyah. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2012. № 4. S. 28 – 39.

5. Koshkin P.G. Nauchno-tekhnologicheskaya gonka v rossijsko-amerikanskih otnosheniyah: sovremennye aspekty i diskurs. Rossiya i Amerika v XXI veke. 2020. Vyp. 4. [Elektronnyj resurs]. URL: https://rusus.jes.su/s207054760013338-8-1 DOI: 10.18254/S207054760013338-8

6. Suvak D. Rossijsko-amerikanskie otnosheniya v period pervogo prezidentskogo mandata Baraka Obamy. Arhont. 2019. № 2 (11). S. 98 – 103.

7. Boldyrev V.E. Obespechenie bezopasnosti SSHA pri Dzh. Bajdene: predvaritel'naya rekonstrukciya nacional'noj strategii. Vestnik Sankt Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. T. 14. Vyp. 3. S. 348 – 373.

8. Koshkin P. Informacionno-politicheskie aspekty pandemii koronavirusa v SSHA. Puti k miru i bezopasnosti. 2020. № 2 (59). S. 120 – 132. DOI 10.20542/2307-1494-2020-2-120-132

9. Gromyko Al.A. Pandemiya i krizis sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij. Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo. 2020. T. 13. № 5. S. 6 – 19. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-1

10. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Teoriya istoricheskogo znaniya: ucheb. posobie. SPb.: Izd-vo «Aletejya. Istoricheskaya kniga», 2007. 523 s.

11. National Security Strategy of the United States of America. The White House, September 2002. Rezhim dostupa: URL: http://nssarchive.us/NSSR/2002.pdf

12. Naj-ml. Dzh. Posle Iraka: moshch' i strategiya SSHA. Rossiya v global'noj politike. 2003. T. 1. № 3. S. 86 – 101.

13. National Security Strategy. The White House, May 2010. Rezhim dostupa: URL http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf

14. Biryukova O.V. Politika «Perezagruzki» kak novyj etap rossijsko-amerikanskih otnoshenij. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. T. 2. № 3 (59). S. 266 – 273.

15. Nalivajko P.N. Rossijsko-amerikanskie otnosheniya na sovremennom etape: proizoshla li "perezagruzka"? Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2010. № 4 (15). S. 114 – 121.

16. Lobanov K.N. Rossijsko-amerikanskie otnosheniya na sovremennom etape: ot "perezagruzki" k sotrudnichestvu i partnerstvu. Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. 2012. № 3 (24). S. 180 – 185.

17. The White House, National Security Strategy, February 1, 2015. Rezhim dostupa: URL https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf

18. National Security Strategy of the United States of America. Dec. 2017. White House Government: Official Website. Rezhim dostupa: URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf

19. Pandemiya ne smyagchila konfrontaciyu, a stala odnoj iz ee aren. Rezhim dostupa: URL https://www.kommersant.ru/doc/4315911

20. Barnes J.E. Russia is trying to steal virus vaccine data, Western nations say. The New York Times. 16.07.2020.

21. Vasil'eva M. Rossiyu obvinili v shpionazhe i vmeshatel'stve. EuroNews. 16 iyulya 2020. Rezhim dostupa: URL: https://ru.euronews.com/2020/07/16/russia-accused-of-spying-and-intervention

22. Arzamaskin YU.N. Princip istorizma v nauchnom issledovanii. Vestnik Voennogo universiteta. 2011. № 3 (27). S. 7 – 11.

Tretyakova N.V., Senior Lecturer,
Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE STAGES OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS IN THE XXI CENTURY

Abstract: the article discusses some features and characteristic features of various stages of the development of Russian-American relations in the XXI century. Since history in the meaning of knowledge can appear not only as scientific knowledge or knowledge about the social world, but also as knowledge about the past, the priority in research is given not to methods and subject, but to historical time. In addition, the principle of historicism is used, which assumes in the process of research taking into account the specific historical conditions and situations of the studied period of the historical process. Special attention is paid to the characteristics of significant changes in international relations between the United States and Russia in 2019-2021 XXI century, related to the emergence and development of the COVID-19 coronavirus pandemic (infodemia, scientific and technological race, including the race of vaccines, etc.). The main stages of the development of Russian-American relations in the XXI century are highlighted: 1) the period of "special" Russian-American relations (2001-2008); 2) the period of a "reset" of Russian-American relations (2009-2012); 3) the period of exacerbation of contradictions on regulation geopolitical and strategic balance of forces (2013-2018); 4) the period of globalization in the system of international relations in the conditions of the pandemic coronavirus infection COVID-19 (2019-2021).

Keywords: stages of Russian-American relations, Russian foreign policy, National Security Strategy of the United States

Гусейнов Г.-Р.А.-К., доктор филологических наук, профессор,
Дагестанский государственный университет

О ПОЗДНЕЗОЛОТООРДЫНСКОМ ИНСТИТУТЕ КАРАЧИ-БЕКОВ В ИСТОРИИ КУМЫКСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация: рассматриваемая проблема актуальна и еще не становилась объектом всестороннего системного анализа. Целью данной работы в контексте ее научной значимости (новизны) является анализ соответствующего исторического материала в более обширных территориальных и широких хронологических рамках. При этом известные на сегодняшний день в кумыковедении исследования по данному вопросу ограничиваются северовосточнокавказским (дагестанским) ареалом вопреки тому, что рассматриваемый институт был известен Крымскому, Казанскому, Касимовскому ханствам и Большой Орде. Данное обстоятельство позволяет связывать его закрепление с позднезолотоордынской эпохой при известности мнений о возможности его отнесения ко временам Чингисхана. В работе предполагается, что институт, подобный карачи-бекам Золотой Орды, сложился у кумыков ранее, еще в хазарский период их истории, когда кумыкская этническая территория входила в домен каганов Хазарского каганата. Поэтому рассматриваемое явление могло быть реминисценцией известного ограничения полномочий сакрального правителя-кагана со стороны светского правителя-бека. Об этом свидетельствует тот факт, что появление карачи-беков в Дагестане традиционно связывается с доарабским (хазарским) временем.

Ключевые слова: Золотая Орда, Шамхальство, карачи-беки, Хазарский каганат, кумыки, поздняя Золотая Орда, тюрко-татарские государства

Институт карачи-беков, известный в истории сословного устройства кумыкского и других тюрко-татарских государств, впервые был подвергнут рассмотрению в работе Ю.М. Идрисова, который, раскрывая местную – северовосточнокавказскую – специфику истории карачи-беков, рассматривает ее на материале фольклора и дагестанских исторических хроник эпохи Тамерлана и Золотой Орды. По его мнению, известные в предгорном Дагестане кумыкские карачи-беки являются ветвью средневековой степной аристократии. Их могущество в регионе было ограничено верховным правителем-шамхалом и князьями из рода Тарковских после XVII века, когда они еще влияли на принятие важных решений, но затем их полномочия ограничились судебной властью в своих уделах. При этом он, придерживаясь традиционной точки зрения, отнес вслед за В. В. Бартольдом появление самого института карачи-беков ко временам Чингисхана, учредившего десять придворных должностей, «среди которых указываются четыре человека, которые должны были носить лук и стрелы». Они, по его мнению, «и явились первыми карачи-беками» [7, с. 75].

Вместе с тем еще этого Юлай Шамильоглу на основе анализа клановой системы позднезолотордынских государств (Крымского, Казанского, Касимовского ханств, Большой Орды) высказал положение, которое получило широкое распространение, о том, что истоки этой клановой системы берут начало как минимум со времен Золотой Орды [10, с. 202]. Аналогичная система была известна и в Кумыкском государстве, в котором, однако, данный институт, по данным местных источников, рассмотрение которых будет осуществлено в последующем изложении, может считаться наследием предшествующей дозолотоордынской (хазарской) эпохи.

Отмеченное обстоятельство обусловлено тем, что кумыкской государственной традиции, в отличие от вышеупомянутых позднезолотордынских государств, была известна исторически первая династия, правившая Хазарским каганатом со столицей в Семендере [4, с. 82]. Она находилась до ее перенесения в 722-723 гг. на Волгу в кумыкской исторической области на прикаспийском побережье нынешнего Дагестана в районе нынешней Махачкалы. В дальнейшем, в 943-965 гг., еще в поздний период существования Хазарского каганата, уже было известно Семендерское (Джиндан) царство кумыков, считающееся наследником каганата на Северо-Восточном Кавказе. Оно в XI-XII вв. входило в состав государства Сельджукидов [5, с. 57].

Кумыки, государство которых традиционно именуется Шамхальством (в дальнейшем Тарковским) и восходит, как уже отмечалось, к хазарской эпохе, также входили в состав Золотой Орды. По одной из версий, в 1398 г после прекращения в 1396 г. правления первой золотоордынской династии кумыкских шамхалов, воцарившейся в 1258 году, когда образуется шамхальство в составе пограничного округа-вилаята Золотой Орды, и восходившей к Менгу-Тимуру, сыну Джучи, сына Чингиз-хана, к власти приходит другая чингизидская династия. Ее основателем был другой сын Джучи – Тука-Тимур. Эта последняя правящая в составе Российской империи чингизидская дина-

стия (с ограниченным суверенитетом после вступления шамхальства под протекторат России в 1742 году [1, с. 281] традиционно носившая в турецко-иранской традиции титул валиев (правителей) Дагестана, была низложена в 1867 г. царской администрацией. Шамхалы получили от нее титул российских князей Тарковских (с наследственным переходом достоинства и титула к старшему из потомков в мужском поле по прямой линии и по праву первородства), и само шамхальство было упразднено [4, с. 78, 79].

Особенно тесные многовековые взаимоотношения сложились в дальнейшем между Кумыкским государством (шамхальством) и Крымском ханством, в котором, как известно, правившая с 1443 года династия также происходила из Тука-Тимуридов. В рассматриваемом отношении обращает на себя внимание и то, что у различных авторов при всех исторически менявшихся вариантах состава карачи-беков в Крымском ханстве в него обязательно входил род Барын (Бораган).

Его представители являются потомками исторически проживающих по р. Терек кумыков-брагунцев (кум. *борагъан*), которые еще в золотоордынское время, после разрушения в 1324 г. хулагуидским полководцем Чупаном их (золотоордынских) городов Верхний (Татар-Туп) и Нижний Джулат (Маджары) переселяются с Центрального Кавказа, где была известна примерно тогда же, в XIV веке «Страна Борган» (Борагъан), в Северное Причерноморье. Здесь они составили основу населения будущего Крымского ханства, так как ко времени их прихода старое тюркское (кыпчакское и, возможно, булгарское) население Крыма было уничтожено татаро-монголами [6, с. 25-26].

О нахождении в составе Золотой Орды свидетельствуют установленные факты оседания ордынской феодальной знати в пределах их послехазарской кумыкской этнической территории. Так, в XIV в. в Капчыгае был известен внук исламизатора Золотой Орды хана Узбека (сын его дочери) Ахмат бин Иса (или Амет сын Айсы) из рода уйсунь. (по преданию, потомки Ахмата правили здесь вплоть до появления чанков из династии шамхалов Тарковских). Кроме того, еще в 1501 г. в Кавказской Тюмени, находившейся в устье Терека, закрепились опальные ханы из династии Кутлуг-Тимуридов во главе с Муртазой, сыном Ахмата – хана Большой Орды, отождествлявшейся современниками с Золотой Ордой. И как справедливо, на наш взгляд, полагает Ю.М. Идрисов, упомянувший вышеприведенные сведения в своей публикации, «наличие в Тюмени при Муртазе столь высокопоставленного представителя рода Мангыт предполагает вероятность формирования здесь традиционной для тюрко-татарских государств системы управления, с участием карачи-беков» [7, с. 75-78].

Причем к числу первых из известных кумыкских карачи из Дагестана относится шейх Асилдар ал-Хиркаси (из кумыкского горного селения Гьаркас «Аркас» Буйнакского района РД, разрушенного Тимуром), сына Ата ал-Гадари. Дата его смерти – 860 или 806 гг., т.е. середина XV века, когда, когда в Золотой Орде уже оформился институт карачи-беков (см. в предшествующем изложении). Мать его – Ай Мисей Эндиреевская – была из рода сала-узденей – древнейшей дошамхальской хазарской аристократии Северной (Засулакской) Кумыкии. Об этом свидетельствует анализ сведения кумыкского ученого начала XX века Назира из Доргели, извлеченные из документальных источников-биографий исламских ученых Дагестана X-XX вв. [8, с. 37].

Вместе с тем, по сведениям дореволюционных кумыкских историков и этнографов, карачи-беки проживали в селениях Центральной и Южной Кумыкии, входивших в состав шамхальства Тарковского и уцмийства Кайтагского, – Кафыр-Кумуке, Карабудахкенте, Губдене, Эрпели, Гелли, Гамри, Каранае и Ишкарты. Они считались потомками «кумыкских князей, когда-то знаменитых, но влиянием шамхала ныне униженных». И еще в первой половине XIX века из их числа были известны Уллу-бий Эрпелинский (его практически независимое карачи-бекство было впервые упомянуто в турецких документах 1581-1586 гг. [7, с. 76]) и Юсуф-бей Каранайский. Причем карачи-беки в Губдене и Карабудахкенте являлись потомками кумыкского эмира Гобдена, который получил от Тамерлана в дар земли, где позже возникло селение под тем же названием Губден, куда этот эмир и переселился со своим племенем [1, с. 209].

В вышеуказанном отношении обращает на себя внимание и то, что еще досоветские авторы упоминали предания о том, что карачи-беки, происходили «от древних государей, бывших в Дагестане до арабов». Отмечалось также, что, согласно преданиям, родоначальники карачи пришли «во главе племени, которое населяет владение Тарковское, за несколько веков ранее появления в Дагестане арабов» [9], т.е. в хазарское время. Причем и вышеупомянутый кумыкский историк Джамалутдин Карабудахкентский также писал, что судьями их назначил сам легендарный исламизатор Дагестана Абу-Муслим [8, с. 138], деятельность которого связывается с арабским завоеванием Дагестана в период арабо-хазарских войн VII-VIII вв. и последующим распространением здесь мусульманской религии.

Все это позволяет предполагать, что подобный статусу карачи-беков институт, но несколько в

ином первоначальном виде мог существовать и в Хазарском каганате, домен которого находился в исторически кумыкской языковой области. В принципе, речь идет о появлении у хазар, как указывал М.И. Артамонов, в связи с принятием иудейской религии в 861 г. «двоевластия, разделением сакрального правителя-кагана и светского правителя-бека», в чем он видел «оттеснение кагана от власти беком-иудеем Овадией» и «результат окончательного подчинения иноземной тюркютской династии влиянию местной хазарской знати» [3, с. 278].

При этом не может не обратить на себя внимание и то, что влияние Хазарского каганата не ограничивалось нынешней предгорной и равнинной областью нынешнего расселения кумыков, ибо в документах, связанных с принятием иудаизм хазарами, упоминаются, с одной стороны, гора Сеир, по соседству с которой жили хазарские евреи и которая отождествляется с Сериром/Сариром – исторической горной областью в Дагестане. С другой – гора Варсан, связываемая с городом Варачаном [3, с. 272] – столицей царства гуннов Джиндан (см. в предшествующем изложении Семендерское царство), который также локализуются в раннесредневеком горном Дагестане, подобно Сариру.

Не случайно, надо полагать, пережитки прежней хазарской традиции отмечаются в регионах, удаленных от этнополитического центра Шамхальства кумыков – прежнего Семендера, локализущегося в районе Махачкалы – столицы нынешнего Дагестана. Все это позволяет полагать, что институт, подобный карачи-бекам Золотой Орды, сложился у кумыков ранее, в хазарский период их истории, а затем в эпоху Золотой Орды был возобновлен как традиционный атрибут, но уже второй самостоятельной (Шамхальство) после Семендерского царства (см. в предшествующем изложении) государственности, сложившейся после утраты первой золотоордынской.

Литература

1. Алиев К.М. Таргу-Наме. Лексикон. Махачкала, 2001. 291 с.

2. Алиев К.М. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона о кумыках (Словарные статьи русского историка Павла Гидулянова) [Электронный ресурс]. http://kumukia. ru

3. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Эрмитаж, 1962. 523 с.

4. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Заметки к генеалогии Джучидов на Северном Кавказе и Дагестане. Родословные и тамги // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Владикавказ, 2010. Вып. II. С. 78 – 82.

5. Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. Махачкала: Алеф, 2010. 214 с.

6. Гусейнов Г.-Р.А.-К. Из истории позднесредневековых взаимоотношений крымских татар с кумыками: род барын и его происхождение // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: «Филология. Социальные коммуникации». Симферополь, 2013. Т. 26 (65). Ч. 1. № 1. С. 24 – 28.

7. Идрисов Ю.М. Сословие карачи-беков на Северо-Восточном Кавказе: происхождение и функции // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2016. Т. 8. № 1/2. С. 75 – 78.

8. Назир ад Дургели. Услада умов в биографиях дагестанских ученых. М.: Изд. дом Марджани, 2012. 204 с.

9. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф.126, оп. 2, д. 72-а, л.2.

10. Shamiloglu U. Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. Doctoral dissertation. New York, Columbia university Publ., 1986. 298 c.

References

1. Aliev K.M. Targu-Name. Leksikon. Mahachkala, 2001. 291 c.

2. Aliev K.M. Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona o kumykah (Slovarnye stat'i russkogo istorika Pavla Gidulyanova) [Elektronnyj resurs]. http://kumukia. ru

3. Artamonov M.I. Istoriya hazar. L.: Ermitazh, 1962. 523 c.

4. Gusejnov G.-R. A.-K. Zametki k genealogii Dzhuchidov na Severnom Kavkaze i Dagestane. Rodoslovnye i tamgi. Genealogiya narodov Kavkaza. Tradicii i sovremennost'. Vladikavkaz, 2010. Vyp. II. S. 78 – 82.

5. Gusejnov G.-R. A.-K. Istoriya drevnih i srednevekovyh vzaimootnoshenij yazykov Severo-Vostochnogo Kavkaza i Dagestana s russkim yazykom. Mahachkala: Alef, 2010. 214 c.

6. Gusejnov G.-R.A.-K. Iz istorii pozdnesrednevekovyh vzaimootnoshenij krymskih tatar s kumykami: rod baryn i ego proiskhozhdenie. Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: «Filologiya. Social'nye kommunikacii». Simferopol', 2013. T. 26 (65). CH. 1. № 1. S. 24 – 28.

7. Idrisov YU.M. Soslovie karachi-bekov na Severo-Vostochnom Kavkaze: proiskhozhdenie i funkcii. Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. Krasnodar, 2016. T. 8. № 1/2. S. 75 – 78.

8. Nazir ad Durgeli. Uslada umov v biografiyah dagestanskih uchenyh. M.: Izd. dom Mardzhani, 2012. 204 c.
9. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan (CGA RD). F.126, op. 2, d. 72-a, l.2.
10. Shamiloglu U. Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. Doctoral dissertation. New York, Columbia university Publ., 1986. 298 c.

Guseinov G.-R. A.-K., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Dagestan State University

ABOUT LATE GOLD-HORDE INSTITUTE OF KARACHI-BEKS IN THE HISTORY OF THE KUMYK STATE

Abstract: the problem under consideration is relevant and has not become the object of a comprehensive system analysis yet.The purpose of this work in the context of its scientific significance (novelty) is to analyze the relevant historical material in a wider territorial and wide chronological framework. At the same time, research on this issue known today in Kumyk studies is limited to the North-East Caucasian (Dagestan) range, contrary to the fact that the institute under consideration was known to the Crimean, Kazan, Kasimov Khanates and the Great Horde. This circumstance allows us to associate its consolidation with the Late Golden Horde era with the fame of opinions on the possibility of its assignment to the times of Chenghis Khan. The work assumes that an institute like the Karachi-Beks of the Golden Horde developed among the Kumyks earlier, even in the Khazar period of their history, when the Kumyk ethnic territory was part of the Khagan domain of the Khazar Khaganate. Therefore, the phenomenon under consideration could be a reminiscence of the well-known restriction of the powers of the sacred ruler – Kagan on the part of the secular ruler-Bek. This is evidenced by the fact that the appearance of Karachi Beks in Dagestan is traditionally associated with pre-Arab (Khazar) time.

Keywords: Golden Horde, Shamkhalate, Karachi-Beks, Khazar Khaganate, Kumyks, Late Gold-Horde, Turkic-Tatar states

Иванов А.М., кандидат исторических наук, доцент,
Купченко К.В., кандидат исторических наук, доцент,
Федоскин Н.Н., кандидат педагогических наук, доцент,
Ягнешко М.В., кандидат экономических наук, доцент
Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при президенте Российской Федерации

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ К НАЧАЛУ РАДИКАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 1990-Х ГОДОВ

Аннотация: данная статья рассматривает социально-экономическое состояние в Смоленской области экономических преобразований вначале 1990-хх гг. В Советском Союзе после «перестройки» проводившейся в предшествующие несколько лет, начались радикальные преобразования. Цель работы показать, что проводившиеся реформы имели определенную специфику во-многом благодаря тому, как развивался регион на протяжении предыдущих десятилетий. Их динамика и результаты в определенной степени определялись теми социально-экономическими процессами, которые сложились в стране в целом и на региональном уровне в дореформенный период. Авторы в статье приводят результаты исследования состояния экономики Смоленской области, динамику доходов населения, анализируют негативные изменения, накопившиеся в социально-экономической сфере региона к концу 1991 года. Для исследования авторами был привлечены архивные материалы местных архивов, периодическая печать, ранее не введенная в научный оборот. В конечном итоге авторы делают выводы, что на рубеже 1980-и 1990-х годов, в преддверии радикальных экономических и социальных преобразований в Смоленской области сложились определенные положительные и негативные изменения, повлиявшие на дальнейшее развитие региона.

Ключевые слова: воровство, радикальные экономические преобразования, социально-экономическая среда, хищения государственных средств, преобразования, экономика Смоленской области

Начиная с 1992 года в Смоленской области как и в Российской Федерации в целом началась реализация модели системных социально-экономических преобразований имевшей наименование «шоковая терапия». Масштабные изменения коснулись всех сторон общественной жизни: экономики, финансов, банковского сектора, отношений собственности, институтов права.

Несмотря на то, что модель «шоковой терапии» включала стандартный перечень мероприятий реализуемых во всех субъектах Российской Федерации, динамика и результаты проводившихся реформ имели определенную специфику во-многом определявшуюся тем, как развивался регион на протяжении предыдущих десятилетий.

На рубеже 1990-х годов в Смоленской области сформировалась экономика, основу которой составляла промышленность, производящая почти половину национального дохода (табл. 1) [7, с. 111].

Таблица 1

Произведенный национальный доход по отраслям экономики в Смоленской области

Показатели	1989 г.		1990 г.		1991 г.	
	млрд. руб.	в % к итогу	млрд. руб.	в % к итогу	млрд. руб.	в % к итогу
Произведенный национальный доход	2,3	100	3,5	100	7,4	100
В т.ч. Промышленность	1,1	48	0,9	43	3,5	47
Сельское хозяйство	0,3	13	0,9	26	1,2	16
Строительство	0,4	17	0,4	11	1,0	14
Сфера услуг (транспорт, связь, торговля и др.)	0,5	22	0,7	20	1,7	23

Доля второй по значению отрасли – сельского хозяйства ниже в три раза, сферы услуг, в которую включено одиннадцать отраслей – более чем в два.

Приоритетное развитие промышленности подтверждается и структурой основных фондов. Доля данной отрасли достигла почти сорока процентов (36,7%), тогда как сельского хозяйства 16,9, сферы услуг 20,5%. [7, с. 113] При этом необходимо отметить особенности динамики изменения величины основных фондов. За двадцать лет с 1970 по 1991 гг. общая сумма капиталовложений в экономику региона возросла с 459,8 млн. руб. по 1787

млн. руб. Максимальные финансовые вливания пришлись на промышленность, только за десять лет с 1970 по 1980 гг. в данную отрасль было осуществлено капиталовложений на сумму в 680,7 млн. руб., что в 2,1 раза превышало аналогичный показатель по сельскому хозяйству, в 23,9 раза по транспорту, в 31 раз по строительству. Следующее десятилетие отличается уже выравниванием инвестиционного процесса. Рассматриваемое соотношение между промышленностью и сельским хозяйством сократилось до 1,1 раза, транспортом до 6,8 строительством до 16,5 раз.

Вместе с тем, с 1991 г. в Смоленской области наметилась тенденция сокращения объемов инвестирования в основные средства. По сравнению с 1990 г. их общая сумма снизилась на 3,7%, в том числе в промышленности на 21,2%, сельском хозяйстве на 8,1% [7, с. 199].

Активный инвестиционный процесс сопровождался увеличением массы прибыли, сумма которой в целом по области возросла со 114.8 тыс., руб. в 1965г. до 2618 тыс. в 1991 г. (следует отметить, что в 1990-1991гг. масса прибыли во-многом увеличивалась за счет роста цен). Основная масса прибыли в 1991г. создавалась в промышленности – 60,5%, в сельском хозяйстве – 12,9%, строительстве 8,5%, все остальные отрасли региона вместе взятые – 18,1%. Прибыльно в 1991г. сработала основная часть предприятий (91,6%) [7, с. 140].

Структура убыточных предприятий отражает экономическую политику государства того времени. Наиболее рентабельными отраслями в 1991 г. являлись строительство, транспорт, промышленность, т.е. отрасли, составляющие костяк индустриальной базы страны. Остальные отрасли играли как бы меньшую роль в народном хозяйстве, что находило свое отражение в финансировании, ценообразовании, а, следовательно, влияло на экономическую эффективность производства. Так, в бытовом обслуживании убыточными оказались 42,9%, снабжении и сбыте 24,2%, прочих отраслях 19,2% предприятий.

Статистические органы области отмечали в это время увеличение доли убыточных предприятий, что объяснялось нерациональным использованием собственных оборотных средств, отвлечением их значительной части в дебиторскую задолженность, большими сверхнормативными запасами товарно-материальных ценностей. На финансовые результаты экономики региона негативно влияло увеличение объемов незавершенного производства. Только за девять месяцев 1990 г. сверхнормативные запасы товарно-материальных ценностей увеличились на 172,1 млн. рублей (22,8%), основная часть которых пришлась на незавершенное производство [5, с. 81].

Последняя пятилетка вообще отличалась устойчивой тенденцией роста объемов незавершенного строительства, срывами установленных сроков ввода в действие основных фондов. За четыре года пятилетки план по вводу основных фондов был выполнен лишь на 71 процент. Число одновременно строящихся объектов не только не уменьшалось, а напротив имело тенденцию к увеличению. Средний срок строительства, в результате в 1990 г. вырос до 6,6 года против 6 лет в 1989 г.

Наличие строек с нарушением норм продолжительности строительства и несвоевременный ввод объектов в эксплуатацию приводили к недопоступлению товаров на потребительский рынок. Деньги, затраченные на оплату труда по данным объектам не обеспечивались конкретными товарами и услугами, тем самым усиливая дефицит товаров и услуг.

Смоленская область, по отношению к соседним областям отличалась достаточно высоким уровнем развития науки и образования. Научный комплекс включал 32 научных подразделения, из которых четвертая часть работала в области промышленного производства, третья часть в области сельского хозяйства. В их состав входили Смоленские медицинский, сельскохозяйственный, педагогический институты, филиал Московского энергетического института, НИИ Техноприбор, СКТБ источников тока, отдельные конструкторские бюро и др. Из 1000 работающих в области 908 имели высшее и среднее образование, научные исследования и разработки осуществляли 44 доктора и 362 кандидата наук.

Формирование индустриальной базы страны, поддержание ее обороноспособности требовали опережающего развития промышленности, что и происходило в стране, и в нашем регионе в частности. Анализ статистической информации свидетельствует, о том, что активный период роста промышленного производства, в Смоленской области пришелся на отрезок времени с 1960 по 1990 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Основные показатели промышленности Смоленской области (1950-1991 гг.)

Показатели	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.	1991 г.
Число предприятий, ед.	862	332	330	297	333	350
Объем продукции, млн. руб.	149,4	543,9	1609	2593	4185	9087
Численность работающих, тыс. чел.	49,7	85,6	152	182	173	172
Основные фонды промышленной деятельности на конец года, млн. руб.	55,5	251	640	1865	5310	5540
Износ основных фондов, %	-	-	25,6*	29,1	30,5	32,6
Индексы физического объема производства промышленной продукции 1950 г.=1,0	1,0	3.4	8,9	15,4	25,4	25,2

В этот период создается основная масса (70-75%) крупных предприятий области, растут объемы промышленного производства, число занятых, стоимость основных фондов.

В структуре промышленности по своему удельному весу выделялось машиностроение, доля которого постоянно возрастала в течение десятилетий – с 11,8% в 1950г. до указанного значения в 1990г. Внутри машиностроительной отрасли наибольшее развитие получили трудоемкие производства, работавшие на привозных комплектующих и полуфабрикатах других предприятий, расположенных за пределами Российской Федерации.

Главным центром машиностроения являлся областной центр г. Смоленск, где производились дорожные машины, приборы и средства автоматизации технологических процессов, авиационная техника, холодильники, а также такие города как Ярцево, Сафоново, Рославль.

Машиностроительные заводы оснащались современным оборудованием и имели высококвалифицированные кадры.

Легкая промышленность занимала второе место в структуре отраслей. В ее составе выделялись: производство льноволокна – второе место в России; трикотажных изделий – второе место, льняных тканей – четвертое место; хлопчатобумажных тканей – четвертое. По производству товаров легкой промышленности в расчете на душу населения Смоленская область занимала одно из первых мест в России.

Относительная эффективность легкой промышленности на региональном уровне была также высокой. При доле основных средствах в 5,1% здесь производилась, как пятая часть промышленной продукции.

Пищевая промышленность была третьей по доле в производстве. Она характеризовалась высокой степенью концентрации, максимальной приближенностью к потребителям. В состав пищевой промышленности входило 80 предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья – молока, мяса, овощей, картофеля. Сельскохозяйственные производители (колхозы, совхозы), полностью зависели от перерабатывающих предприятий, что усугублялось отсутствием среди последних конкуренции.

В качестве отличительной особенности пищевой промышленности можно выделить её оснащение устаревшим оборудованием, технологически специализированным на производстве молочных консервов, сухого молока, сыра, животного масла.

Негативные процессы, происходившие в экономике страны на рубеже 1990 х годов проявились и в Смоленской области. Несмотря на увеличение промышленного производства в 1990 г. по отношению к уровню 1989 г. на 5,2% выполнение предприятиями договорных обязательств ухудшилось. Из 75 важнейших видов продукции учитываемым статистическими органами задание не выполнили по 18 (24%). Снизилось производство продукции по сравнению с 1989 годом по каждому третьему наименованию, в том числе по таким видам как пиломатериалы. Вывозы древесины, сельскохозяйственные машины.

Сокращение производства допустили 40% предприятий. Это швейное объединение «Восход», смоленский автоагрегатный завод, завод «Протон», Дорогобужский котельный завод и др. в 1991 г. наметившиеся тенденции спада производства значительно усилились.

Сельское хозяйство Смоленской области отличалось ярко выраженной неустойчивостью развития. За сорок лет с 1950 по 1991 год сокращение производства сельскохозяйственной продукции по отношению к предыдущему году происходило 22 раза, в особенно нестабильном растениеводстве – 24. В отдельные годы, как видим из табл. 3 валовой сбор зерна и картофеля снижался более чем в

два раза.

Колебания продуктивности сельскохозяйственного производства в Смоленской области вызваны в первую очередь изменением погодных условий, что являлось прямым следствием экстенсивного развития данной отрасли. Как и сто лет назад, в конце 20 века крестьянин с тревогой смотрел на небо – смилостивится господь – будет хлеб, осерчает – жди неурожая. Почти за столетие (с 1891-1900 по 1991г.) урожайность зерновых увеличилась всего на треть (с 8,1 до 10,3 ц/га) [4, с. 21], продуктивность скота примерно в два раза.

Таблица 3

Основные показатели сельскохозяйственного производства в Смоленской области (1950-1991 гг.)

Показатели	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.	1991 г.
Валовой сбор зерна, тыс.т.	324,7	423,1	734,5	334,8	846,3	425,7
Картофеля	1414,2	1810,0	1632,6	726,2	756,2	346,7
Производство молока, тыс.т.	-	-	906,0	784,7	797,4	723,7
Зерновые всего, ц/га	4,6	7,6	12.4	7,1	17,0	10,3
Картофель ц/га	100	121	129	70	112	67
Надой молока на 1 корову, кг	1826	2127	2567	2105	2697	2479

Спад производства сельскохозяйственной продукции начавшийся в середине 1970-х годов происходил несмотря на крупные финансовые вливания, а только в 1970-е годы сумма капиталовложений в рамках Постановлений партии и правительства от 10.02.1971 г. «О мерах по развитию сельского хозяйства Смоленской области», от 20.03.1974 г. «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» превысила 2 млрд. рублей.

Эффективность капиталовложений зависит от того, насколько обоснованно, рационально выбрана сфера вложений, структуры, связи с другими направлениями экономической политики. Углубление специализации сельскохозяйственного производства, излишняя увлеченность гигантоманией обусловили направление капиталовложений в семидесятые годы на строительство крупных животноводческих объектов, широкомасштабную мелиорацию, социальную сферу.

Низкая отдача инвестиций (увеличившихся за десять лет в три раза!) была предопределена отсутствием комплексного подхода в развитии сельскохозяйственного производства. Гигантские животноводческие объекты строились без учета кормовой базы, отдаленности рынков сбыта, обеспеченности квалифицированными кадрами. Зачастую введя в действие крупный объект на тысячи голов скота сталкивались с проблемой нехватки кормов, которые приходилось возить на Смоленщину из Ставропольского края, кормохранилищ и т.п. Мелиорация, столь необходимая в нашей зоне и вовсе превратилась в «зарывание денег» вследствие низкой эффективности.

Объекты сдавались в эксплуатацию с большими недоделками, что также не позволяло нормально их эксплуатировать.

Восьмидесятые годы отличались снижением эффективности сельскохозяйственного производства. Несмотря на инициируемую вышестоящими органами борьбу за экономию ресурсов, снижение трудоемкости, материалоемкости, энергоемкости продукции, издержки постоянно росли, делая производство нерентабельным.

Спад сельскохозяйственного производства вызвал острую необходимость в разработке Продовольственной программы, которая была одобрена на Майском (1982 г.) пленуме ЦК КПСС. Она представляла собой комплекс мер по развитию сельского хозяйства и всех сопредельным с ним отраслей экономки страны, обеспечивающих его промышленными средствами производства, минеральными удобрениями, комбикормами, а также перерабатывающей промышленности.

Впервые за весь советский период на Пленуме было признано личное подсобное хозяйство жителей села как неотъемлемая составная часть социалистического сельского хозяйства, а не чуждая ей, порождающая капиталистические элементы.

Однако, ни признание роли личного хозяйства, ни коллективный ни арендный подряд не создали должных социально-экономических условий и материальной заинтересованности для преодоления негативных тенденций.

Развитие промышленности, расширение товарно-денежных отношений обусловили быстрый рост доходов населения с 1960-х годов. За десять лет, с 1960 по 1970 гг. доходы возросли в 2,3 раза, в следующее десятилетие в 1,74, в 80-е годы в 1,76 раза.

Основным источником дохода была заработная плата, удельный вес которой в структуре доходов находился на уровне 70%. С1960 по 1990 г. ее величина выросла в 4,3 раза. К отраслям с наиболее высокой оплатой относились строительство и

промышленность. В то же время в рассматриваемом периоде происходило выравнивание заработной платы между сельским хозяйством и промышленностью. Если в 1960 г. рабочий в промышленности получал в среднем на 76% больше крестьянина (работника колхоза или совхоза), то в 1990 г. всего на 3%, за тридцать лет оплата в сельском хозяйстве повысилась в 6,4 раза, тогда как в промышленности в 3,8 раза, образовании в 2.6 раза.

Росту доходов сопутствовало увеличение потребления. Расходы населения в денежном выражении за это время повысились в 6,4 раза, а потребление основных продуктов питания на 30-40%.

В то же время рост доходов не сопровождался адекватным насыщением рынка потребительскими товарами. Десятилетиями вплоть до начала 1980-х, годов темпы роста производства продукции отраслей группы «А» (производство средств производства) превышали темпы роста в группе «Б» (производство потребительских товаров).

Население сталкивалось с проблемой «отоваривания» денег. Дефицитными были практически все качественные товары – одежда, обувь, продукты питания, бытовая техника. Приобретение отдельных товаров растягивалось на многие годы. Так чтобы стать владельцем автомобиля покупателю следовало записаться в очередь в исполнительных органах власти и прождать несколько лет.

Нереализованные деньги накапливались на руках у населения и счетах сберегательного банка. За двадцать лет, с 1970 по 1991 гг. общая сумма вкладов в сбербанке возросла с 0,2 до 2,2 млрд. руб., а средний размер вклада с 600 до 2100 рублей.

Несмотря на усилия партии и правительства направленные на увеличение производства потребительских товаров, покупательский спрос на рубеже 90-х годов оставался неудовлетворенным. Так, в 1990 г. при темпах роста производства товаров народного потребления в 9,4% доходы населения повысились на 13,8%.

Резкое увеличение доходов населения сложилось в основном за счет роста фонда оплаты труда вызванного расширением самостоятельности предприятий. Последние получили возможность самостоятельно распределять созданную прибыль, значительную часть которой стали направлять не на расширение производства, а на потребление. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих только за первые девять месяцев 1990 г. возросли по отношению к уровню 1989г. на 10,1%.

Произошло нарушение экономически обоснованного соотношения между ростом заработной платы и производительности труда. Допустимым считалось, если одному проценту прироста производительности труда соответствует прирост оплаты на 0,5-0.6 процента. В промышленности Смоленской области соотношение изменения производства и оплаты составило 1:2,38, в 1990 г. – 1:1,52%. Существенную роль в насыщении рынка денежными средствами сыграли кооперативы, тогда как их доля в производстве потребительских благ составила всего 7,1%.

При сложившемся дефиците систематически недоиспользовались мощности по производству товаров народного потребления. Неудовлетворительно велось освоение вновь введенных и реконструированных производств. Так, не достигли проектируемых объемов производства Рославльский мясокомбинат, Десногорский хлебозавод, на половину использовался потенциал молочной промышленности и т.д. Предприятия, выпускающие товары народного потребления использовали физически и морально устаревшее оборудование.

Появились прецеденты невыплаты заработной платы (в ноябре 1990 г. таких случаев было 35) вызванные отсутствием средств на расчетных счетах предприятий.

Нарастание проблем в экономике региона подтверждали повестки заседаний партийной комиссии при обкоме КПСС. Например, ещё в 1984 году на рассмотрение выносились такие вопросы как «О низких темпах строительства базы объединенных предприятий стройиндустрии Главчерноземводстроя в поселке Кардымово», «О ходе строительства чугунолитейного и дизельного заводов в г. Ярцево», «О работе Дорогобужского завода азотных удобрений» [1].

При проверке хода строительства чугунолитейного и дизельного заводов в г. Ярцево выяснилось, что генподрядчик и подрядчики крайне неудовлетворительно вели строительство указанных предприятий, имевших первостепенное значение в решении народнохозяйственных задач по дизелификации автомобильного парка страны. [3, с.173] План строительно-монтажных работ подрядными организациями с 1973 по 1984 гг. ни разу не выполнялся, вследствие чего за данный период не были освоены выделенные средства, оказались сорванными сроки ввода мощностей, из-за отсутствия строительной готовности объектов заводов на складах заказчиков скопилось большое количество технологического и инженерного оборудования [2].

Халатное отношение к труду, низкая трудовая и технологическая дисциплина на многих предприятиях региона оказывали крайне негативное влияние на эффективность производства. В качестве примера можно привести реализацию программы «Возрождение смоленской деревни» принятую на собрании партийно-хозяйственного ак-

тива 17 декабря 1988 года. Программой предусматривалось создание социальной инфраструктуры комплексное обустройство в 52 отстающих хозяйствах области. Предполагалось построить жилые дома детские сады, школ клубы, фельдшерско-акушерские пункты и пр. Бюджет программы должен был составить 276,6 миллионов рублей, что по тем временам составляло значительную сумму. Поскольку государственных ассигнований не хватало, деньги на проект собирали всем миром – свои пожертвования вносили работающие граждане, пенсионеры, предприятия всех отраслей, военные части, проводились денежно-вещевые лотереи.

Во-многих отстающих хозяйствах Смоленской области реализация программы возрождения обеспечила достижение ощутимых результатов. Однако, как отмечалось в статье А. Рыжикова две трети районов и хозяйств вообще не обеспечили выполнение заданий. В ряде случаев работы ведутся с низким качеством и отступлениями проектов их нельзя назвать иначе как халтурой. Подводя итог, автор отмечал, что смоляне собирают трудовые рубли не для того, чтобы безответственные люди в угоду своей лени и преступной халатности пускали их на ветер. Дома для своих земляков, а значит для себя. Эти дома должны быть такими, чтобы в них хотелось жить. И надо позаботиться о том, чтобы трудовая и технологическая дисциплина на объектах возрождения смоленской деревни стала повседневной нормой. Здесь должны занять четкую позицию и руководители стройки, и общественные организации, и идеологические активисты [6, с. 19].

Широкие масштабы в СССР приобретает воровство. В процесс хищения включаются различные группы граждан независимо от занимаемой должности и отраслевой принадлежности. Естественно оставались честные люди принципиально не участвовавшие в процессе расхищения «социалистической собственности», но они не могли повлиять на ситуацию с воровством.

Всеобщая нечистоплотность на руку вела к морально-нравственной деградации советского народа. Менталитет изменился: воровство на предприятии не считалось преступлением и даже пороком, а практически стало нормой.

Данные процессы не обошли стороной и Смоленщину, что подтверждается архивными документами и публикациями в средствах массовой информации.

Так, ещё в июле 1982 г. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС направил первому секретарю Смоленского обкома КПСС Клименко И.Е. записку ответственного котроллера Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Жихоря А.А. «О нарушениях государственной дисциплины руководящими работниками Смоленского городского треста столовых». О результатах просил сообщит в КПК при ЦК КПСС [1].

Проверкой проводившейся Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС совместно с председателем партийной комиссии при Смоленском обкоме КПСС Цюпка И.М., было установлено, что отдельные коммунисты – руководители предприятий общественного питания допускали серьезные недостатки в работе по руководству подведомственными предприятиями, нарушая партийные принципы работы с кадрами, слабо повышая их ответственность за порученное дело, в результате чего во многих столовых города имели место многочисленные нарушения правил советской торговли, растраты и хищения социалистической собственности [3, с. 171].

В справке, составленной по итогам проверки отмечалось, что при проверках вскрывались недовложения основного продукта (мяса) в приготовляемые блюда, завышение цен, нарушение порядка продажи товаров, пользования весоизмерительными приборами, а также порядка ведения книг жалоб и предложений. «Съэкономленные» продукты реализовывались через буфеты узкому кругу лиц. В процесс хищения вовлекались все работники столовых – директора, буфетчицы, повара, работники стоявшие на раздаче продуктов, бухгалтера. Воровали охотно зачастую не проявляя особой фантазии. Например, в буфете-раздаче производственного предприятия Всероссийского общества слепых в день проверки из 10 кг. поступившей в реализацию ветчины было припрятано 4,6 кг. Меню, где была предусмотрена ветчина порционно, буфетчицей было изъято, в напечатанном же лично ей меню ветчина не была указана. В этом буфете весы оказались неисправными, при взвешивании пользовались неклеймёными гирями. Подобного рода факты были вскрыты и в других столовых города Смоленска.

Неблагополучное положение сложилось с сохранностью социалистической собственности. Руководство предприятий по сговору со специалистами бухгалтерии совершали хищения государственных средств за что привлекались к уголовной ответственности. Наблюдались факты принуждения директоров столовых к участию в хищениях со стороны высшего руководства треста столовых. Комитетом партийного контроля отмечались факты взяток руководству треста за незаконные поставки продовольствия.

Следует отметить, что в ходе проверки писем работники КПК беседовали с десятками людей: директорами столовых, заведующими производством, бухгалтерами, сотрудниками аппарата тре-

ста. В объяснениях, представленных на имя КПК при ЦК КПСС, многие из указанных должностных лиц отмечали, что директор треста руководил трестом неправильными методами. Главными недостатками в стиле его работы – являлось невнимательное отношение к людям, ничем не оправданная грубость к руководителям подведомственных предприятий, стремление запугать людей. Директору ничего не стоило оскорбить директора столовой, удалить его из зала совещания, без всяких оснований предложить подать заявление об уходе с работы.

Снижалось влияние на хозяйственные процессы со стороны партийных органов. Наличие серьезных недостатков в стиле и методах работы руководителей треста объяснялось в значительной степени тем, что партбюро треста не заняло в этом вопросе принципиальную позицию, не использовал в полной мере предоставленное Уставом КПСС право контроля деятельности администрации. Вопросы выдвижения и перемещения директоров столовых практически решались в тресте в обход партийного бюро, что не создавало условий для объективной оценки их деятельности.

Партийные организации на местах не хотели идти на конфликт с руководителями предприятий закрывая глаза на нарушения закона и партийной дисциплины. В информационном отчете о работе партийный комиссии при обкоме КПСС за 1984 г. отмечалось, что «в ходе проверки сигналов, поступивших из Шумячского района, было установлено, что отдельные парторганизации, райком партии не всегда своевременно давали принципиальную оценку проявлениям безхозяйственности, злоупотреблениям служебным положением, допускаемым некоторыми руководителями … недостаточно осуществляли контроль за выполнением партийных решений, соблюдением коммунистами требований Программы и Устава КПС, партийной и государственной дисциплины, допускали поспешность в вопросах отбора в КПСС, проявляли иногда беспринципность при рассмотрении персональных дел коммунистов» [1].

Несмотря на серьёзные нарушения зафиксированные КПК, к руководителям предприятий общественного питания были приняты довольно мягкие меры наказания. Так, решением Смоленского городского комитета КПСС директору городского треста столовых объявлен строгий выговор за нарушения государственной дисциплины, факты неправильного подхода к подбору и расстановке кадров. Заместитель директора освобожден от занимаемой должности, а вопрос его партийной ответственности был рассмотрен на бюро Ленинского райкома КПСС в сентябре 1982 г., на котором последний был исключен из рядов КПСС за получение взятки и незаконные хозяйственные операции.

Таким образом, На рубеже 1980-и 1990-х годов, в преддверии радикальных экономических и социальных преобразований в Смоленской области сложились следующие процессы:

– произведенный национальный доход в экономике региона в рассматриваемом периоде динамично возрастал;

– ключевой отраслью экономики выступала промышленность, в то время как доля сферы услуг в структуре национального дохода составляла в 1991 году всего 23%;

– к 1991 году в регионе в результате активного инвестиционного процесса была создана мощная производственно-техническая база сконцентрированная в отраслях реального сектора;

– структура убыточных предприятий отражает экономическую политику государства. Если в целом по предприятиям региона того времени масса прибыли увеличивалась, то в отраслях обслуживающих реальный сектор и в сфере услуг убыточными оказались до 40 % , предприятий;

– начиная с 1960-х годов доходы населения быстро увеличивались Росту доходов сопутствовало увеличение потребления. Расходы населения в 60-80 – годах в денежном выражении повысились в 6,4 раза, а потребление основных продуктов питания на 30-40%;

Одновременно в регионе накапливались негативные изменения:

– на финансовые результаты экономики региона негативно влияло увеличение объемов незавершенного производства;

– последняя пятилетка отличалась срывами установленных сроков ввода в действие основных фондов;

– население сталкивалось с проблемой “отоваривания” денег, покупательский спрос на рубеже 1990-х годов оставался неудовлетворенным;

– рост доходов не сопровождался адекватным насыщением рынка потребительскими товарами;

– при сложившемся дефиците систематически недоиспользовались мощности по производству товаров народного потребления. Неудовлетворительно велось освоение вновь введенных и реконструированных производств;

– крайне негативное влияние на эффективность производства оказывали халатное отношение к труду, низкая трудовая и технологическая дисциплина, безразличие работников к результатам труда;

– угрожающие размеры на предприятиях региона принимает воровство, растраты и хищения социалистической собственности.

Литература

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 6. Оп. 65. Д. 66. Материалы обкома КПСС, направляемые в ЦК КПСС. 1985 г. Т. 1. Л. 43-47.
2. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 6. Оп. 62. Д. 69. 1984 Т. 1. Л. 166-169.
3. Иванов А.М., Ягнешко М.В. Деятельность партийных органов по контролю за строительством промышленных объектов в Смоленской области в 1980-х годах // Modern Science. 2021. № 12-1. С. 171 – 175. https://elibrary.ru/item.asp?id=47374462 (дата обращения: 03.01.2022)
4. Организационно-экономические условия сельскохозяйственного производства Смоленской области. методическое пособие. Смоленск, 1995. 352с.
5. Показатели социально-экономического развития Смоленской области за 1990 год. Смоленск.: Смоленский облкомстат, 1991. 357 с.
6. Рыжиков А. Куда идут рубли которые мы собираем // Политическая информация. 1989. № 17. С. 15 – 20.
7. 60 лет Смоленской области. Статистический сборник. Смоленск.: Смоленский облкомстат, 1997. 272 с.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Smolenskoj oblasti (GANISO). F. 6. Op. 65. D. 66. Materialy obkoma KPSS, napravlyaemye v CK KPSS. 1985 g. T. 1. L. 43-47.
2. Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Smolenskoj oblasti (GANISO). F. 6. Op. 62. D. 69. 1984 T. 1. L. 166-169.
3. Ivanov A.M., YAgneshko M.V. Deyatel'nost' partijnyh organov po kontrolyu za stroitel'stvom promyshlennyh ob"ektov v Smolenskoj oblasti v 1980-h godah. Modern Science. 2021. № 12-1. S. 171 – 175. https://elibrary.ru/item.asp?id=47374462 (data obrashcheniya: 03.01.2022)
4. Organizacionno-ekonomicheskie usloviya sel'skohozyajstvennogo proizvodstva Smolenskoj oblasti. metodicheskoe posobie. Smolensk, 1995. 352s.
5. Pokazateli social'no-ekonomicheskogo razvitiya Smolenskoj oblasti za 1990 god. Smolensk.: Smolenskij oblkomstat, 1991. 357 s.
6. Ryzhikov A. Kuda idut rubli kotorye my sobiraem. Politicheskaya informaciya. 1989. № 17. S. 15 – 20.
7. 60 let Smolenskoj oblasti. Statisticheskij sbornik. Smolensk.: Smolenskij oblkomstat, 1997. 272 s.

Ivanov A.M., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kupchenko K.V., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Fedoskin N.N., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Yagneshko M.V., Candidate of Economic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF SMOLENSK REGION TO THE BEGINNING OF RADICAL AND ECONOMIC TRANSFORMATIONS OF THE 1990S

Abstract: this article examines the socio-economic state in the Smolensk region of economic transformations in the early 1990s. In the Soviet Union, after the "perestroika" carried out in the previous few years, radical transformations began. The purpose of the work is to show that the reforms carried out had a certain specificity, largely due to the way the region has developed over the previous decades. Their dynamics and results were to a certain extent determined by the socio-economic processes that developed in the country as a whole and at the regional level in the pre-reform period. The authors in the article present the results of a study of the state of the economy of the Smolensk region, the dynamics of incomes of the population, analyze the negative changes that have accumulated in the socio-economic sphere of the region by the end of 1991. For the study, the authors involved archival materials of local archives, periodicals, previously not introduced into scientific circulation. Ultimately, the authors conclude that at the turn of the 1980s and 1990s, on the eve of radical economic and social transformations in the Smolensk region, certain positive and negative changes developed that affected the further development of the region.

Keywords: theft, radical economic transformation, socio-economic environment, embezzlement of public funds, transformation of the economy of the Smolensk region

Новиков М.С., кандидат исторических наук, доцент,
Омский государственный аграрный
университет им. П.А. Столыпина

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЛЕГКИЕ БРОНЕАВТОМОБИЛИ: МЕЖДУ ДВУХ ВОЙН, МЕЖДУ ДВУХ КОНЦЕПЦИЙ

Аннотация: представленная статья является попыткой рассмотреть деятельность советских конструкторов 1920-1930-хх гг., по разработке и производству легкого разведывательного автомобиля. В СССР, в котором огромное внимание уделялось ведению разведки в интересах сухопутных войск, взаимодействию с кавалерией, особенно оговаривалась возможность преодоления рек по легким понтонам и мосткам, высокая маневренность и проходимость. С целью достижения объективности исследования автор так же анализирует развитие разведывательных бронеавтомобилей за рубежом, что наряду с промышленными возможностями государств-производителей, накопленным конструкторскими школами опытом и танковыми программами приводило к появлению сильно отличающихся друг от друга образцов бронетехники. США не имела сколько-нибудь серьезного противника на сухопутной границе, что привело к затягиванию применения и бронеавтомобилей King Armored Car ещё Первой Мировой войны. Британской империя для разведки и контроля территории своих колоний хватало небольшого штата массивных Vickers Crossley 25. Французская республика долгое время не уделяли внимания развитию кавалерии, к которой и относились бронеавтомобили. Веймарская республика была связана статьями Версальского договора. Республика Италия наибольшее внимание уделала танкеткам, в том числе и как средству разведки в гористой местности. В итоге СССР стал разрабатывать легкие бронеавтомобили раньше или хотя бы параллельно иностранным конкурентам. При написании статьи автор обращается к широкому кругу источников, среди которых доклады, выступления, стенограммы, протоколы 1920-1930-хх гг., издания 1930-х гг., современная отечественная и зарубежная литература, публикации Высшей аттестационной комиссии и Российского индекса научного цитирования. В статье автор анализирует основные технические легких разведывательных бронеавтомобилей, взгляды на их оперативное применение и влияние производственных факторов на их облик.

Ключевые слова: бронеавтомобиль, легковой автомобиль, грузовой автомобиль, иностранный опыт, межвоенный период, программа танкостроения, оборонная промышленность

Несмотря на длительное развитие легких разведывательных бронеавтомобилей (ЛРБ) в межвоенный период необходимо отметить дефицит специальных исследований по данному вопросу, а в тех случаях, когда исследования имеют место, из рассмотрения выводятся производственные факторы и концепции применения ЛРБ.

Однако обращение к литературе, посвящённой развитию, производству и применению бронетехники; документам эпохи позволяет реконструировать и оценить не только развитие ЛРБ в СССР в 1920-1930-е гг., но и отследить аналогичный процесс в других государствах.

Из отечественной литературы необходимо отметить:

- труды Коломийца М.В. [1] и Барятинского М. Б. [2];
- публикации ВАК Киличенко А.А [3, 4] и Новикова М.С. [5];
- публикация РИНЦ Петунина К.Б. [6], Киличенко А.А. [7], Новикова М.С. [8];

Из иностранной литературы необходимо отметить труды, Джеан-Дениса Г.Г. Лепаджа [9], Пауль С. Раборг [10], Залога С. [11], Каппелано Ф. и Баттистелли П. [12], Прелад Дж. [13].

В рамках написания статьи были использованы:

Архивные материалы, размещённые на интернет-ресурсах «Исторические материалы» [14, 15, 16].

Научно-популярная книга «Бронесилы» [17] и «Руководство по боевой подготовке механизированных и моторизованных войск РККА» [18].

Стоит отметить, что уже отчет Управления броневых сил РККА к 5-летию Октябрьской революции о развитии броневого дела за 1917-1922 гг., выпушенный не ранее 1 августа 1922 г. отмечал, что бронеавтомобили вместе с танками и бронепоездами стали средством принесшим победу союзникам. В данном документе был определён функционал бронеавтомобилей: борьба с разрозненными подразделениями противника, преследование его отступающих частей, рейды в тыл, прикрытие отступления войск и полицейские акции [14]. Для выполнения данного функционала в первую очередь требовался ЛРБ.

Годовой отчет производственного правления фабрично-заводских предприятий «Промбронь» о состоянии работы предприятий с 1 января по 1 октября 1922 г., выпушенный не позднее 27 декабря 1922 г. уже предусматривал постройку пяти

опытных автомобилей типа «Руссо-Балт» С/24-40 на 1-ом БТАЗе, с целью проверки рабочих чертежей определения потенциала создания на их основе однотипных броневых и вспомогательных машин [14]. Таким образом внимание советских военных, промышленников и конструкторов в 1922 г. привлекла таже модель автомобиля что привлекла в 1914 г. полковника лейб-гвардии Егерского полка А.Н. Добржанский создателя первого отечественного лёгкого бронеавтомобиля «Руссо-Балт тип С» [5, с. 25]

Ситуация была особенно критична, так как среди примерно 150 исправных бронеавтомобилей серийными были пулемётные «Остины» и «Фиаты», да пушечно-пулеметные - «Гарфорды» не являющиеся ЛРБ [14].

Формирование требований к автотранспорту, в том числе и военному, существенно запаздывало, то не могло не сказаться на проектировании выпуске бронеавтомобилей. Перелом произошёл 7 мая 1925 г., когда были составлены требования к автотранспорту в рамках проекта письма зам. председателя Реввоенсовета СССР председателю Госплана СССР А. Д. Цюрупе о технических требованиях военного ведомства к типам и маркам автомашин для укомплектования автотранспорта РККА. В нём отмечалось что создание военными структурами собственных запасов автомашин невозможно так как потребовались бы сотни миллионов рублей на покупку машин, устройство складов для их хранения, расходы на содержание охраны и прочее и прочее [14]. Стало окончательно ясно что ЛРБ должен использовать шасси массового легкового или грузового автомобиля, применяемого в народном хозяйстве.

Шла отработка и вооружения, тезисы к докладу Реввоенсовета СССР о конструкторском бюро при Научно-техническом совете Военпрома от 2 марта 1926 г. уже указывали среди осуществленных и испытанных изделий пулеметный станок для бронемашин с двумя спаренными пулеметами который был одобрен АУ и подлежал дальнейшему изготовлению. В Арткоме проходил рассмотрение бронеавтомобиль АМОГ-15, для которого и предназначалась двух пулемётная установка и движитель Кенгресса [14]. Исходя из хронологических границ именно АМОГ-15, который М. В. Коломиец описал как «2-тонную машину с 4-8 мм броней, вооружением -6,5-мм спаренный пулемет Федорова – во вращающейся башне и экипажем из двух человек» [1, с. 6].

Уже к 1928 г. стала понятна зыбкость высказанных планов. Заключение комиссии Сектора обороны Госплана СССР по промфинплану 1927/28 г. в соответствии с требованиями обороны от 8 марта 1928 г. гласило что имеющиеся предприятия как «выпускают машины колоссальной стоимости и реализуют их с огромными убытками», а их продукции не имеет ценности для обороны [15].

Извлечение их доклада Президиума ВСНХ СССР в РЗ СТО СССР о мобилизационной готовности промышленности на 1 октября 1928 г., выпущенный 12 января 1929 г. отразил тяжёлую ситуацию, сложившуюся в отечественном автомобилестроении. По трехлетней заявке НКВМ удовлетворенность заявки составляла, по легковым автомобилям – 11,8% [15].

Переломным моментом в разработке и производстве советских бронеавтомобилей стало 17-18 июля 1929 г., когда в Выписке из протокола №29 заседания Реввоенсовета СССР о системе броневооружения РККА были сформированы требования к бронеавтомобилям лёгкого, среднего и тяжёлого класса и указана вероятные шасси для их изготовления [15].

На основе «Ford A», а следовательно, и «ГАЗ-А» должен был выпускаться легкий бронеавтомобиль, предназначенный для огневой поддержки разведывательных частей. Вооружение должно было состоять из 2 пулеметов, 1 должен был быть адаптирован для ведения зенитного огня, на пулемёты должно было приходиться 2000 патронов, модель пулемётов не уточнялась. Боевой вес должен был составлять не более 1,5 т., запас хода 500 км., максимальная скорость на дороге составлять 80-100 км/ч. Экипаж должен был состоять из 3 человек, однако броня ограничивалась броне капотом [15].

На основе «Ford AA», а следовательно, и «ГАЗ-АА» должен был выпускаться бронеавтомобиль, предназначенный для боевой разведки в составе разведывательных отрядов и боевых соединений. Вооружение должно было состоять из 2 пулеметов, 1 должен был иметь возможность кругового обстрела, на пулемёты должно было приходиться 3000 патронов, модель пулемётов не уточнялась. Броня должна была защищать от обыкновенных пуль на дистанции в 150-200 м., что примерно соответствует 6 мм. Боевой вес должен был составлять не более 3,8 т., запас хода 400 км., максимальная скорость на дороге составлять 50 км/ч. Экипаж должен был состоять из 3 человек [15].

По сути, можно говорить о том, что советское руководство склонилось к промежуточному варианту, с бронёй, но на основе «ГАЗ-АА».

Наиболее близким по характеристикам к описываемым требованиям оказался французский бронеавтомобиль Berliet VUDB, разработанный по заданию 1928 г. и принятый на вооружение в 1929 г. Он имел запас хода по шоссе в 350 км. и вооружение из двух пулемётов MAC M1924/29, с 4000

патронов, круговой обстрел которых обеспечивался 9 амбразурами, несмотря на использование специально разработанного шасси и дифференцированного бронирования толщиной в 3-7 мм масса составила 4,3 т. [9, с. 124-125]. Его ближайшим конкурентом был британский бронеавтомобиль Vickers Crossley 1928/1930, в котором удалось разместить один из двух пулемётов Vickers Mk. I в башне, на оба пулемёта приходилось 3000 патронов, броня достигала максимальной толщины в 7 мм., а массу составляла 4,2 т., однако запас хода не превышал 250 км. [6, с. 68-69; 10, с. 87-89]. Компанию им составлял американский бронеавтомобиль Armored Car T 7, в котором удалось разместить один из двух пулемётов Browning M1919 в открытой сверху башне, на оба пулемёта приходилось 2000 патронов, броня достигала максимальной толщины в 6,35 мм., масса составляла 3,6 т., а запас хода 300 км. [11, с. 26-28].

Однако даже самые детализированные планы не могли благополучно пережить столкновения с реальностью Письмо нач. Военно-технического управления Управления снабжений РККА И.А. Халепского генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину о неудовлетворительном состоянии дел в автопромышленности и о сотрудничестве в этой области с США от 19 июля 1929 г. Оказалось, что Наркомторг до сих пор не составил пятилетнего импортного плана, заказ автомобилей Ford A и Ford AA, при котором должны были ввозиться комплекты деталей для последующей сборки автомобилей с целью подготовить кадры советских рабочих и техников для достижения американских темпов индустриализации. Однако по прошествии двух месяцев не было известно где будет организован сборка автомобилей, намечалось использовать для сборки мастерские на ст. Люблино под Москвой, называемые «Можерес», больше месяца дискутировался вопрос о передаче этих помещений Автострою, но в передаче было отказано, а новые помещения не строились [15].

Проблемы были не только с шасси, но и с бронёй. Письмо наркома по военным и морским делам СССР и председателя Реввоенсовета СССР К. Е. Ворошилова председателю ВСНХ СССР С. Орджоникидзе о выполнении танкостроительной программы на заводах «Большевик» и Ижорском от 3 декабря 1930 г. констатировало что при плане по изготовлении 65 корпусов для бронеавтомобилей было сдано 7 [15].

Справка ОГПУ СССР «О работах заключенных специалистов, работающих в техническом отделении ЭКУ ОГПУ» от 7 сентября 1931 г. уже предусматривала изготовление на основе Ford A и Ford AA шасси под ЛРБ. Все работы, как заявлялось, вышли из стадии проектирования и запущены в производство, окончание работ предположено в апреле месяце 1932 г. [15].

Веянием времени стало строительство «колесных танкеток», не имеющих крыши, но защищённых бронёй толщиной в 4-6 мм., способных более-менее пережить попадание в засаду противника, оснащённого стрелковым оружием, однако размещение вооружения в корпусе, в купе крайне ограниченной возможности Ford A к развороту на месте приводило к тому, что огонь зачастую велся поверх борта [2, с. 4-5]. Сама по себе идея носилась в воздухе и была практически отработана ещё в годы Первой мировой войны, о чем свидетельствую бельгийские бронеавтомобили Minerva и Mors, не умирала она и в 1930-е гг. о чем свидетельствует появление немецких Sd.Kfz. 13, американских T6, австралийских Rover Light Armoured Car.

Развитие «колесных танкеток» в СССР пошло по тому же пути что и гусеничных, достаточно быстро было решено что жить без вертикальной брони нельзя и ЛРБ получили закрытый бронекорпус. Примеров таких ЛРБ стали Д-8 и Д-12 от прославившегося суррогатной бронетехникой конструктором Н.И. Дыренко. Они имели бронекорпус толщиной в 3-7 мм. установленных под большими углами наклона, особенно сильно это проявилось в кормовой части машины, что повышало пулестойкость, с целью расширить углы ведения огня машина получила четыре шаровых установки и пулемёт ДТ-27 с 2709 патронами, масса бронеавтомобилей составляла 1,6-1,65 т. при массе изначального шасси в 1,08 т., запас хода составлял 225 км. [1, с. 56-57; 2, с. 5-7,14-5; 8, с. 127].

Существует мнение что яко бы на дизайн Д-8 и Д-12 оказало знакомство с американскими бронеавтомобилями, однако изучение американской литературы этого не подтверждает. Бронеавтомобиль T1 был модификацией автомобиля Pontiac с дополнительной защитой бронированного лобового стекла и бронированной крышкой над радиатором, вооруженный двумя пулемётами Browning M1919. Бронеавтомобиль T8 от фирмы Chevrolet имел пулемёт, расположенный в башне. В бронеавтомобиле LaSalle T2 же огонь из пулемёта должен был вестись поверх борта [8, с. 128-130; 11, с. 21-22, 26-27].

Визуально наиболее близким к Д-8 из его современников был итальянский бронеавтомобиль Corni-Scognamiglio, однако информация о нём крайне ограничена. В 1931 г. компанией Ansaldo был разработан бронеавтомобиль Corni-Scognamiglio, базирующийся на шасси полноприводного грузовика фирмы Lancia. Характеристики защиты и подвижности неизвестны,вооружение

составляло три пулемёта Fiat-Revelli Modello 1914. Однако сроки разработки, шедшей фактически параллельно советской, выбор значительно более тяжелого шасси, абсолютно иная геометрия корпуса и отсутствие интереса к нему в СССР исключают заимствование [8, с. 130; 12, с. 8-9].

Заключение Штаба РККА по материалам Управления по моторизации и механизации РККА о ходе реализации бронетанковой системы вооружения от 10 мая 1932 г. Уже содержит требования к проведению испытаний трех легких бронеавтомобилей Д-8 В ходе испытаний планировалось: измерить суточного пробега машин по шоссе, грунтовым дорогам и по смешанным участкам и при разных грунтах и состояниях дорог и погоды; установить среднюю скорость на расстояние 100, 200, 300, 400 и 500 км по шоссе, грунтовым дорогам и комбинированный пробег (шоссе с грунтовой дорогой); установить утомляемость экипажа при дневных и ночных переходах; провести стрелковые испытания с целью установления меткости стрельбы на дистанцию от 100 м. до 2000 м. [15]. В результате выяснилось, что водитель имеет плохой обзор, а перегрузка бронеавтомобиля в целом, приводило к плохой проходимости что ограничивало потенциал использования Д-8 и Д-12 в качестве ЛРБ. В итоге было выпушено только 60 лёгких бронеавтомобилей этих моделей, которые уже в 1935 г. были переданы из войск в учебные заведения [2, с. 6-7, 14-15].

Однако необходимо отметить, что в СССР, несмотря на работу над автомобилями с локальной бронезащитой и «колесными танкетками» не отмирало и проектирование ЛРБ, имеющих закрытый бронекорпус с башней. Конструктор Ижорского завода Рожков А. В., разработчик среднего бронеавтомобиля БА-27, в неурочное время выполнил эскизное проектирование ЛРБ на основе шасси Ford-A, который направил на рассмотрение научно-технического комитета Управления механизации и моторизации (УММ) РККА. Эскиз вызвал огромный интерес у начальника УММ РККА Халапенского И. А. и был передан в подарок XVI съезду ВКП(б), о чем свидетельствовал приказ №62. Ввиду загруженности Ижорского завода работу над ЛРБ перенесли на находящийся в процессе строительства завод Можерез, вести её планировалось на опытно-конструкторской базе КБ Дыренко Н.И. Рабочие чертежи были изготовлены к 25 октября, я первые две опытных бронемашины, именуемые «бронеавтомобилями Форд-А с башней», были готовы к 18 февраля. Несмотря на выявленную тесноту, проблемы с охлаждением двигателя и работой с вооружением. Доработать ЛРБ было поручено Дыренко Н.И., однако работы остановились до весны 1932 г., так как Дыренко Н.И. был заинтересован в принятие на вооружении и производстве ЛРБ Д-8 и Д-12. Только с мае 1932 г. работу над бронеавтомобилем передали на Ижорский завод, где после разработки бронекорпуса и башни новой конструкции он получил наименование «бронированный "Форд-А" Ижорского завода» или кратко ФА-И. Он имел запас хода в 225 км., бронекорпус толщиной в 3-6 мм. и башню толщиной в 4-4,75 мм., вооружение состояло из пулемёта ДТ-27 с 1512 патронами, масса бронеавтомобиля составила 1,75 т. Проектная документация и опытные экземпляры были рассмотрены УММ РККА в августе 1932 г. и приняты на вооружение [1, с. 58-60; 2, с 5-7, 17-18; 3, с. 975-976].Для сравнения с современниками стоит упомянуть что французский Barliet VUDB4, создаваемый в тот же период. Он имел запас хода в 200 км., бронекорпус толщиной в 7-9 мм., вооружение состояло из пулемёта MAC M1924/29 с 5000 патронами, однако масса бронеавтомобиля составила целых 4,95 т. [9, с.136-138]. Из разрабатываемых в то же время – польский Wz.34, который имел запас хода в 180 км., бронекорпус толщиной в 8 мм., вооружение состояло из пулемёта wz. 25 Hotchkiss с 2000 патронами или пушкой Puteaux SA 18 с 96 снарядами, при массе в 2,2 т. для пулеметной и 2,4 т. для пушечной версии [13, с. 35-37].

Стоит отметить, что в 1932 г. была выпушена научно-популярная книга «Бронесилы», давшая характеристику ЛРБ как военной техникой. Отмечалось что ЛБР вооружены пулемётами и имеют массу до 4 т. Рассматривался и функционал бронеавтомобилей, заключающийся в решение разведки, поддержки пехоты и конницы в блокировании и захвате отдельных укреплённых мест, а также осуществляют преследование противника [17, с. 6, 9-10].

В том же году Управление механизации и моторизации РККА разрабатывает программу по 4-х месячной подготовке водителей машин, в дисциплине «специально-техническая подготовка», водители бронеавтомобилей обучались по своему направлению на это 230 учебных часов, ровно также как на обучение водителей танков и танкеток [18, с. 27, 31-32, 35].

Постановление СТО СССР № 85сс/о «Об обеспечении РККА вооружением на год ведения войны и капитальному строительству НКТП» от 9 сентября 1933 г. демонстрировала незначительность объёмов заказов на бронеавтомобили, на 1934 г. планировалась подача 28800 единиц разнообразной гусеничной бронетехники и только 2000 бронеавтомобилей всех типов [16].

Доклад члена Комиссии советского контроля при СНК СССР Г.Д. Хаханьяна секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину об итогах проверки мобили-

зационной работы Наркомата тяжелой промышленности СССР от 7 октября 1934 г. уже уточнял какие именно бронеавтомобили должны были быть заказаны. В списке из 2000 бронеавтомобилей упомянуты 1070 легких ФАИ, а также 30 ФАИД. Производство бронемашин было сосредоточено на Выксунском заводе дробо-размолочных машин [16].

Причиной выделения данного завода стало то что Ижорский завод оказался занят выполнением заказов по легким танками Т-26 и БТ, а так же танкеткам Т-27, под производство бронеавтомобилей выделялся Выксунский завод дробильно-размольного оборудования, который должен был получать с Нижегородского автомобильного завода шасси ГАЗ-А, лишенные кузова и задних сидений, с целью их последующего вооружения и бронирования. Однако доклад члена Комиссии советского контроля при СНК СССР Г.Д. Хаханьяна секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину об итогах проверки мобилизационной работы Наркомата тяжелой промышленности СССР от 7 октября 1934 г. содержал информацию о том что мобзадание Выксунскому заводу дробо-размолочных машин было выдано только в июле, не были созданы запасы инструмента, готовых деталей и агрегатов для намеченного развертывания производства, а для развёртывания производства в завод необходимо вложить не менее 4 млн. руб. Что бы найти средства понадобилось около года, уже Объяснительная записка специального отдела Центрального управления народнохозяйственного учета Госплана СССР о ходе выполнения военной промышленностью производственного плана 1936 г. свидетельствовала о нормализации ситуации с производством БА ФАИ [4, с. 34-36; 7, с. 25-27; 16].

В целом можно говорить о том, что советским конструкторам удалось с запасом уложиться в границы массы, предложенные советскими военными теоретиками, и даже обойти по основным боевым характеристикам иностранных конкурентов. Серьезной проблемной для производства легких бронеавтомобилей стала конкуренция со стороны танкеток, а позже малых танков за производственные мощности.

Литература

1. Коломиец М.В. Бронеавтомобили Сталина. «Золотой век» бронеавтомобилей. М.: Стратегия КМ: Яуза: Эксмо, 2012. 144 с.

2. Барятинский М.Б. Бронеавтомобили Красной Армии 1918-1945. М.: Моделист-конструктор, 2003. 64 с.

3. Киличенков А.А. Сталин и развитие танковых вооружений Красной армии в 1930-е – начале 1940-х гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 962 – 984.

4. Киличенков А.А. Маршал М. Н. Тухачевский и развитие бронетанковых войск РККА в 1930-е годы // Новый исторический вестник. 2019. № 2 (60). С. 138 – 187.

5. Новиков М.С. Автотранспортные и автоброневые части Российской императорской армии. 1896-1917 гг. // Омский научный вестник. 2019. № 1. С. 21 – 30.

6. Петунин К.Б. Бронетехника в британской концепции воздушного контроля 1920-х гг. // Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы: материалы международной научно-практической конференции. Вологда, 2017. С. 66 – 69.

7. Киличенков А.А. Детище сталинской пятилетки. Подготовка бронетанковых войск РККА к войне // II Мировая война: историографические традиции и новые подходы к изучению (к 75-летию Победы): материалы международной научной конференции. Москва, 2020. С. 22 – 28.

8. Новиков М. С. Иностранный след, которого нет... был ли Д-8 плагиатом или самостоятельным проектом // Сборник научных трудов международной научно-практической конференции / под общ. ред. Грошевой Л.И.: в 8 т., Т.5. Тюмень: ТВВИКУ, 2021. С. 125 – 131.

9. Jean-Denis G.G. Lepage. The French Foreign Legion: An Illustrated History. Jefferson: McFarland & Companyg, 2007. 254 p.

10. Paul C. Raborg. Mechanized Might: The Story of Mechanized Warfare. Whitefish:Kessinger Publishing, 2008. 332 p.

11. Zaloga S.J. Early US armor. Armored Cars 1915-1940. Oxford: Osprey Publishing, 2018. 48 p.

12. Cappellano F., Battistelli P.P. Italian armored & reconnaissance cars 1911-45. Oxford:Osprey Publishing, 2018. 48 p.

13. Prenatt J. Polish armor of the Blitzkrieg. Oxford:Osprey Publishing, 2015. 48 p.

14. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1918-1926). URL: http://istmat.info/node/24952 (дата обращения: 28.12.2022).

15. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927-1932). URL: http://istmat.info/node/29264 (дата обращения: 28.12.2022).

16. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1933-1937). URL: http://istmat.info/node/48263 (дата обращения: 28.12.2022).

17. Жуков Б. Бронесилы 1932 г. М.: Молодая гвардия. ОГИЗ, 1932. 24 с.

18. Руководство по боевой подготовке механизированных и моторизованных войск РККА: Программа по 4-месячной подготовке водителей машин из красноармейцев 1 и 2 годов службы (1932). М.: Гос. воен. изд-во, 1932. 50 с.

References

1. Kolomiec M.V. Broneavtomobili Stalina. «Zolotoj vek» broneavtomobilej. M.: Strategiya KM: YAuza: Eksmo, 2012. 144 s.

2. Baryatinskij M.B. Broneavtomobili Krasnoj Armii 1918-1945. M.: Modelist-konstruktor, 2003. 64 s.

3. Kilichenkov A.A. Stalin i razvitie tankovyh vooruzhenij Krasnoj armii v 1930-e – nachale 1940-h gg. Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii. 2019. T. 18. № 4. S. 962 – 984.

4. Kilichenkov A.A. Marshal M. N. Tuhachevskij i razvitie bronetankovyh vojsk RKKA v 1930-e gody. Novyj istoricheskij vestnik. 2019. № 2 (60). S. 138 – 187.

5. Novikov M.S. Avtotransportnye i avtobronevye chasti Rossijskoj imperatorskoj armii. 1896-1917 gg. Omskij nauchnyj vestnik. 2019. № 1. S. 21 – 30.

6. Petunin K.B. Bronetekhnika v britanskoj koncepcii vozdushnogo kontrolya 1920-h gg. Nauka segodnya: fakty, tendencii, prognozy: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Vologda, 2017. S. 66 – 69.

7. Kilichenkov A.A. Detishche stalinskoj pyatiletki. Podgotovka bronetankovyh vojsk RKKA k vojne. II Mirovaya vojna: istoriograficheskie tradicii i novye podhody k izucheniyu (k 75-letiyu Pobe-dy): materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 2020. S. 22 – 28.

8. Novikov M. S. Inostrannyj sled, kotorogo net... byl li D-8 plagiatom ili samostoyatel'nym proektom. Sbornik nauchnyh trudov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. pod obshch. red. Groshevoj L.I.: v 8 t., T.5. Tyumen': TVVIKU, 2021. S. 125 – 131.

9. Jean-Denis G.G. Lepage. The French Foreign Legion: An Illustrated History. Jefferson: McFarland & Companyg, 2007. 254 r.

10. Paul C. Raborg. Mechanized Might: The Story of Mechanized Warfare. Whitefish:Kessinger Publishing, 2008. 332 r.

11. Zaloga S.J. Early US armor. Armored Cars 1915-1940. Oxford: Osprey Publishing, 2018. 48 p.

12. Cappellano F., Battistelli P.P. Italian armored & reconnaissance cars 1911-45. Oxford:Osprey Publishing, 2018. 48 r.

13. Prenatt J. Polish armor of the Blitzkrieg. Oxford:Osprey Publishing, 2015. 48 r.

14. Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1918-1926). URL: http://istmat.info/node/24952 (data obrashcheniya: 28.12.2022).

15. Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1927-1932). URL: http://istmat.info/node/29264 (data obrashcheniya: 28.12.2022).

16. Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1933-1937). URL: http://istmat.info/node/48263 (data obrashcheniya: 28.12.2022).

17. ZHukov B. Bronesily 1932 g. M.: Molodaya gvardiya. OGIZ, 1932. 24 s.

18. Rukovodstvo po boevoj podgotovke mekhanizirovannyh i motorizovannyh vojsk RKKA: Programma po 4-mesyachnoj podgotovke voditelej mashin iz krasnoarmejcev 1 i 2 godov sluzhby (1932). M.: Gos. voen. izd-vo, 1932. 50 s.

Novikov M.S., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor
State Agrarian University named after P.A. Stolypin

NATIONAL LIGHT ARMORED CARS: BETWEEN TWO WARS, BETWEEN TWO CONCEPTS

Abstract: the presented article is an attempt to consider the activities of Soviet designers of the 1920s-1930s, on the development and production of a light reconnaissance vehicle. In the USSR, great attention was paid to conducting reconnaissance in the interests of the ground forces, interaction with the cavalry, especially the possibility of overcoming rivers on light pontoons and bridges, high maneuverability and cross-country ability were stipulated. In order to achieve the objectivity of the research, the author analyzes the development of reconnaissance armored vehicles abroad, which, along with the industrial capabilities of the manufacturing states, the experience accumulated by design schools and tank programs, led to the appearance of very different armored vehicles. The United States did not have any serious enemy on the land border, which led to a delay in the use of armored vehicles and King Armored Car since the First World War. The British Empire needed a small staff of massive Vickers Crossley 25 to explore and control the territory of its colonies. The French Republic for a long time did not pay attention to the development of cavalry, which included armored vehicles. The Weimar Republic was bound by the articles of the Treaty of Versailles. The Republic of Italy paid the most attention to tankettes, including as a means of reconnaissance in mountainous terrain. As a result, the USSR began to develop light armored vehicles earlier or at least in parallel with foreign competitors. When writing the article, the author refers to a wide range of sources, including reports, speeches, transcripts, protocols of the 1920s-1930s, publications of the 1930s, modern national and foreign literature, publications of the Higher Attestation Commission and the Russian Scientific Citation Index. In the article, the author analyzes the main technical characteristics of light reconnaissance armored vehicles, views on their operational use and the influence of production factors on their appearance.

Keywords: armored car, passenger car, truck, foreign experience, interwar period, tank building program, defense industry

Скопа В.А., доктор исторических наук, профессор,
Алтайский государственный педагогический университет

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО УЧЕТА В СИБИРИ В 1919-1920 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ)

Аннотация: в статье рассматривается сюжет, посвященный отраслевому статистическому учету в период 1919-1920 годов по материалам Сибирского статистического управления. На основе систематизированных сведений представлены данные по отдельным отраслям хозяйства, где основным источником по выявлению статистических сведений являлись материалы Министерства продовольствия Сибири Сибирского статистического управления.

Общие сводные остатки хлебов по всей азиатской России в середине 1919 года по данным записки Министерства продовольствия Сибири определялись по следующим категориям: избытки от урожаев; расход; сводные остатки. Основная задача статистических учреждений при этой работе сводилась к определению основных элементов всей вычислительной операции, наиболее приближающимися к действительности. Все расчёты при определении потребности в хлебе давались на полный продовольственный год. Определение избытков сводилась к простой арифметике. Вычислялась наличность и приход зерна, а также расход на предстоящий год. Сопоставлением расхода и прихода определялись продовольственные перспективы нового года.

К моменту прихода Советской власти в Сибири был скоплен запас продовольственных и фуражных хлебов. В течение 1921 года в Сибири имели место механические изменения численности населения – это демобилизация, реэвакуация беженцев, что так же сказывалось на результате учета.

Ключевые слова: Сибирь, история, статистический учет, сельскохозяйственная статистика, перепись

В начале 20 столетия происходили серьезные качественные изменения в социально-экономической, политической и культурной жизни страны. Во многом это предопределило развитие действующих и вновь формирующихся структур. К числу таких административных государственных образований можно отнести возникающие статистические учреждения. Особенностью их организации и функционирования являлось то, что в условиях ломки имперских механизмов шёл процесс формирования абсолютно новой структуры, которая должна была, в первую очередь, удовлетворять интересы действующей Советской власти.

Создание советской государственной статистики связано с декретом В. И. Ленина от 25 июля 1918 года, когда в Центральной России уже была установлена советская власть. В Сибири это произошло несколько позже – после освобождения ее от белогвардейцев и интервентов во второй половине 1919 года.

В августе 1919 года специальным постановлением ВЦИК «Об организации гражданского управления в Сибири» был образован «Сибирский революционный комитет» [10]. Это был чрезвычайный орган исполнительной власти, созданный специально для того, чтобы руководить советским строительством в Сибири. К весне 1920 г. вся территория Сибири была полностью освобождена от белогвардейцев и иностранных интервентов. Работа по организации и созданию Сибирского статистического управления была поручена одному из главных деятелей Сибревкома, В.Н. Соколову [7]. В марте 1920 года вышло постановление Сибревкома об организации Сибирского статистического управления [10].

Актуальность заявленной проблемы во многом определена переосмыслением механизмов функционирования статистических учреждений в территориальных границах Сибири в период 1919-1920 гг., а также их административным устремлением системно формировать статистические данные по всем отраслям хозяйства. В данном случае – комплексный сельскохозяйственный учет в контексте нестабильной социально-политической ситуации в стране.

На основе выявленного и систематизированного материала в статье предпринята попытка аккумулировать данные по отдельным отраслям хозяйства, где основным источником по выявлению статистических сведений являлись материалы Министерства продовольствия Сибири Сибирского статистического управления. На основе данной работы предпринята попытка определить остатки хлебов Сибири в период 1919 – начала 1920 годов.

В источниках определялось, что с начала войны и до 1919 года в Сибири, за покрытием продовольственных, фуражных и семенных потребностей в хлебе должно было скопиться до 400 млн. пудов зерна. Часть этих остатков была израсходовано в самой Сибири, часть вывезена за её пределы, а часть сохранилась и осталась в виде запасов в крестьянских хозяйствах Сибири.

По железным дорогам за эти годы было вывезено свыше 200 млн. пудов. По отдельным годам вывоз хлебов выглядел следующим образом:

- 1915 год – вывезено 81 млн. пудов;
- 1916 год – вывезено 54 млн. пудов;
- 1917 год – вывезено 40 млн. пудов;
- 1918 год – вывезено 22 млн. пудов;
- за первую половину 1919 года было вывезено 13 млн пудов. Из 210 млн. пудов в Восточном направлении – это на Дальний Восток было вывезено менее 2 млн. пудов, всё остальное количество – свыше 200 млн. было отправлено в европейскую Россию [6].

В течение 1917 и 1918 годов примерно около 2 млн. пудов продовольственных хлебов было вывезено мешочниками. В самой Сибири часть зерна была израсходована на пивоваренье и выделку самогонки. Это являлось самостоятельной статьей расходов [1].

На пивоварение в течение четырёх с половиной лет пошло около 3 млн. пудов ячменя, считая ежегодно по 650000 пудов. На изготовление «самогонки израсходовано за это же время», по довольна приблизительным подсчетам, как отмечалось в источнике, около 25 млн. пудов. Общий расход зерна, основываясь на статистических данных, без семян, продовольствия населения и скота, равнялся около 242 млн. пудов [2].

Общие сводные остатки хлебов по всей азиатской России в середине 1919 года по данным записки Министерства продовольствия Сибири определялись следующим образом:

- избытки от урожаев в 1914-1915 годов составили 369 мил. пудов;
- расход из них 242 млн. пудов;
- сводные остатки более 150 мил. пудов [3].

На территорию собственно Сибири в границах двадцатых годов XX столетия приходилось избытков до 75% продовольственных и до 75% пудов фуражных хлебов. Таким образом сводные остатки к середине 1919 года по губерниям Сибири без Якутской губернии составляли следующие данные:

- продовольственных хлебов – 70 млн. пудов;
- фуражных – около 40 млн. пудов. В сумме это составляло около 110 млн. пудов. На основе выявленных документов можно отметить, что урожай 1919 года в Сибири был более чем удовлетворительный. Избытки от урожая 1919 года, за покрытием семенной, продовольственной и кормовой потребности, – равнялись около 76 млн. пудов. Стоит отметить, что вывоза хлебов во вторую половину 1919 года не был [8].

К моменту прихода Советской власти в Сибири было скоплен запас продовольственных хлебов около 120 млн. пудов и до 68 млн. пудов фуражных. В первые месяцы 1920 года органами Наркомпрода было получено с Сибири около 20 млн. пудов хлеба, что сократило сибирские хлебные запасы к моменту реализации урожая 1920 года более чем на 150 млн. пудов [9].

По данным статистико-экономического отдела Сибиродкома, хлебная разверстка 1920-1921 годов дала около 60 млн. пудов продовольственных и фуражные хлебов. По более поздним данным вся сумма хлебов полученных в 1920 и 1921 годах по хлебной развёртке с Сибири равнялась 68 млн. пудов [4].

От запасов прежних лет после выполнения хлебной развёртки 1920-1921 годов в сибирской деревне должно было остаться около 95 млн. пудов хлеба. Этими остатками Сибирское крестьянство пополняла недостаток в хлебах, явившийся следствием сильного неурожая, постигшего Сибирь в 1920 году [1]. Валовой сбор хлебов по отдельным губерниям в Сибири в 1920 году был следующий:

- Омская – около 14 млн.;
- Семипалатинская – 5,5 млн.;
- Алтайская – 21 млн.;
- Томская – 22 млн.;
- Енисейская – 16,5 млн.;
- Иркутская – 12 млн.

В целом по Сибири было собрано около 150 млн. пудов хлеба [5].

Определение избытков, то есть недостатков хлебов, сводилась к простой арифметике. Вычислялась наличность и приход зерна, а также расход на предстоящий год. Сопоставлением расхода и прихода определялись продовольственные перспективы нового года. Для определения прихода необходимо было установить средний подесятинный урожай (то есть валовый и чистый, за вычетом семян) данного года, посевную площадь данного же года, и то, и другое по каждому хлебу отдельно.

Потребности каждой территориальной единицы слагались из следующих видов – потребности на обсеменение в будущем году, на продовольствие населению, на корм скоту и на технические нужды – это выделка спирта, пива и тому подобное. Потребность в обсеменении определялась с помощью перемножения среднего высева на предполагаемую площадь засева в будущем году. При плановом хозяйстве это определение не должно представлять было особых затруднений. В прежние годы исчисления семенной потребности упрощались, ибо посевная площадь в небольшие периоды времени изменялась очень медленно. Потребность на продовольствие населения определялась с помощью норм потребления и количества едоков. Технические потребности выяснились по предше-

ствующим годам, ориентировочно учитывалась предыдущая пятилетка.

К сравнению общего сбора и суммы потребностей как раз и давала избыток, то есть недостатки каждой отдельной территориальной единицы. Таким образом задача статистических учреждений при этой работе сводилась к определению основных элементов всей вычислительной операции, наиболее приближающимися к действительности. Все расчёты при определении потребности в хлебе давались на полный продовольственный год, то есть до будущего урожая.

Исходя из выявленных документов можно выделить отдельные категории, которые закладывались для расчётов. Первое – количество едоков. Так в 1920 году за основу были взяты и учтены материалы Всероссийской демографической переписи. В то же время в Сибири по чисто местным условиям ряд районов не был охвачен переписью. К таким районам были отнесены преимущественно северные уезды Томской, Енисейской и Иркутской губерний [9]. Там, где это оказалось возможным, по таким районам были взяты данные сельскохозяйственной городской переписи 1917 года. Фактически можно сказать, что население по всем этим данным учтено было достаточно точно. Однако недоучёт населения по переписи 1920 года едва ли превышал чуть более 1%, как отмечают исследователи.

В течение 1921 года в Сибири имели место механические изменения численности населения – это демобилизация, реэвакуация беженцев, что так же сказывалось на результате учета.

Отдельная статья, которая определялась как расходная – это нормы потребления. Норма потребления хлеба городским и сельским населением были различны. В сельских местностях хлеба на душу населения потребляли в среднем больше, чем в городах.

В Сибири переселенческие статистики в годовых сельскохозяйственных обзорах по отдельным губерниям вычисляли избытки – недостатки хлебов данного сельскохозяйственного года. Нормы потребления хлебов давались ими в зерне, причём нормы потребления фуражных продуктов обычно брались из расчёта на душу населения.

Нормы потребления хлебов в сибирской деревне были выше российских. В тоже время, анализируя данные материалы, мы должны понимать, что нормы установленные и практически применявшиеся при определении избытков сибирскими переселенческими статистиками являлись достаточно глазомерными. Эти нормы носили грубо приблизительный характер. С их помощью с очень большой относительностью определялись избытки – недостатки хлебов по отдельным губерниям. Также стоит отметить, что Сибирский нормы не были проверены никакими специальными работами. В данном случае мы говорим о нормах применявшихся в сельскохозяйственных обзорах. Исходя из этого важно отметить, что подходить к нормам переселенческих статистиков по определению продовольственных потребностей Сибири было бы не вполне рационально. Во-первых, глазомерные нормы непригодны; во-вторых, нормы переселенческих статистиков относятся к мирному времени и первым годам войны, тогда Сибирская деревня имела большие хлебные избытки.

Таким образом подводя итог можно отметить, что начиная с 1919 года весьма активизировался процесс отраслевого статистического учета (сельскохозяйственного, промышленного), нацеленного на установление контроля в отношении хозяйственных структур. Смена власти и идеологических воззрений предписывали формирующимся статистическим учреждениям выполнять сугубо административно-учетную функцию, при этом строго руководствоваться прописанным инструкциям. В условиях политической нестабильности действующим статистическим структурам приходилось ориентироваться самостоятельно, привлекая ранее накопленный потенциал и статистические сведения, соотнося их с действительностью.

Литература

1. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.). Новосибирск, 1976.

2. Горюшкин Л.М. К вопросу о влиянии Первой мировой войны на сельское хозяйство и положение крестьянства в Сибири // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861-1917 гг. Новосибирск, 1967. Вып. 3, Сибирь в период капитализма.

3. Исупов В.А. История становления демографической статистики в Сибири (1920-е-1930-е гг.). В кн. «Становление статистики в Сибири». Новосибирск, 2010. С. 18 – 35.

4. Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917-1937 гг. Новосибирск, 1983.

5. Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 1: Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства.

6. Сибирская Вандея. 1920-1921. Россия XX век. Документы. Т. 2 / Сост., авт. коммент. В.И. Шишкин. М., 2001.

7. Сибирь в лицах / Сост.: В.И. Шишкин, В.А. Исупов. Новосибирск, 2001
8. Соколов В.Н. К производственному плану сельского хозяйства. Омск, 1920.
9. Хозяйственное освоение и социально-демографические процессы в Сибири в XX – начале XXI века. Новосибирск, 2012.
10. Шишкин В.И. Становление советской государственной статистики в Сибири: В кн.: «Становление статистики в Сибири». Новосибирск, 2010, С. 9 – 18.

References

1. Goryushkin L.M. Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900-1917 gg.). Novosibirsk, 1976.
2. Goryushkin L.M. K voprosu o vliyanii Pervoj mirovoj vojny na sel'skoe hozyajstvo i polozhenie krest'yanstva v Sibiri. Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v Sibiri v 1861-1917 gg. Novosibirsk, 1967. Vyp. 3, Sibir' v period kapitalizma.
3. Isupov V.A. Istoriya stanovleniya demograficheskoj statistiki v Sibiri (1920-e-1930-e gg.). V kn. «Stanovlenie statistiki v Sibiri». Novosibirsk, 2010. S. 18 – 35.
4. Krest'yanstvo Sibiri v period stroitel'stva socializma. 1917-1937 gg. Novosibirsk, 1983.
5. Sel'skoe hozyajstvo Sibirskogo kraya. Novosibirsk, 1926. Vyp. 1: Materialy po harakteristike sibirskogo sel'skogo hozyajstva.
6. Sibirskaya Vandeya. 1920-1921. Rossiya HKH vek. Dokumenty. T. 2. Sost., avt. komment. V.I. SHishkin. M., 2001.
7. Sibir' v licah. Sost.: V.I. SHishkin, V.A. Isupov. Novosibirsk, 2001
8. Sokolov V.N. K proizvodstvennomu planu sel'skogo hozyajstva. Omsk, 1920.
9. Hozyajstvennoe osvoenie i social'no-demograficheskie processy v Sibiri v HKH – nachale HKHI veka. Novosibirsk, 2012.
10. SHishkin V.I. Stanovlenie sovetskoj gosudarstvennoj statistiki v Sibiri: V kn.: «Stanovlenie statistiki v Sibiri». Novosibirsk, 2010, S. 9 – 18.

Skopa V.A., Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor), Professor, Altai State Pedagogical University

FROM THE HISTORY OF AGRICULTURAL STATISTICAL ACCOUNTING IN SIBERIA IN 1919-1920 (BASED ON MATERIALS FROM THE SIBERIAN STATISTICAL OFFICE)

Abstract: the article examines a plot dedicated to sectoral statistical accounting in the period 1919-1920 based on the materials of the Siberian Statistical Office. On the basis of systematized information, data are presented on individual sectors of the economy, where the main source for identifying statistical information was the materials of the Ministry of Food of Siberia of the Siberian Statistical Office.

The total consolidated remnants of grain throughout Asian Russia in mid-1919, according to a note from the Ministry of Food of Siberia, were determined according to the following categories: surplus from harvests; consumption; consolidated balances. The main task of the statistical agencies in this work was to determine the basic elements of the entire computational operation, which are closest to reality. All calculations in determining the need for bread were made for a full food year. Determining the excess was reduced to simple arithmetic. Cash and grain receipts were calculated, as well as expenditures for the coming year. By comparing consumption and income, the food prospects of the new year were determined.

By the time of the coming of Soviet power, a stock of food and fodder grain had been accumulated in Siberia. During 1921, mechanical changes in the population took place in Siberia - this is demobilization, re-evacuation of refugees, which also affected the result of the registration.

Keywords: Siberia, history, statistical accounting, agricultural statistics, census

Шувалов Е.Г., аспирант,
Московский государственный областной университет

ЭПИДЕМИИ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XV-XVII ВВ. И МЕТОДЫ БОРЬБЫ С НЕДУГОМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Аннотация: *цель* данной статьи заключается в анализе распространение эпидемий, методов борьбы относительно мировоззрения социума в Московском государстве XV-XVII вв.

Опираясь на кластер письменных источников, в-первую очередь на летописи, где, выделяя вопросы здравоохранения, эпидемий и методы противостояния недугов, выделяя аспекты мировоззрение относительно моровых поветрий. Во-вторых, другая сторона анализа вопроса, представляется через призму «сказаний иностранцев, где взгляд со стороны, обладающие «фундаментом» дисциплинарных знаний, способны раскрыть и сравнить процессы взаимодействия связаны с врачеванием. В данной статье, отображается дискурс относительно методов борьбы с недугом, между рациональным и иррациональным мировоззрением социума, основа которого выступают языческие обычаи, народно-бытовые традиции и христианские догматы. Синтез данных аспектов отображается в качестве особенности культурно-исторического фона. Рассматривая генезис медицины на территории России, необходимо учитывать отсутствие античного культурного наследия, что позволяло синтезировать особый взгляд на методы лечения и природу недугов на различных социальных слоях.

История медицины имеет сингулярное проявление и включает в себя, множество смежных гуманитарных и естественно-научных дисциплин.

Опираясь на основы методологического исследования, которые синтезируется из объективных знаний о действительности, через системный спектр объективности и логического позитивизма. При помощи сравнительно-типологического, ретроспективного и историко-системного *метода,* опираясь на филологические отрасли знаний и дополнительные исторические дисциплины были проанализированы письменные источники, отражающие процесс распространений эпидемий и отношение социума к недугам.

Результат работы заключается в выявление общего дискурса между рациональными и иррациональными взглядами относительно природы недуга.

Ключевые слова: эпидемия, чума, моровое поветрие, заставы, лихие люди, летопись, «сказание иностранцев», традиции, обычаи, христианство, медицина, врачебное дело

Введение

В настоящее время в условиях глобальной пандемии, которая вносит коррективы в здравоохранение и профилактику, деформирует эконмическую систему и деструктурирует социальный уклад, актуально обратить внимание на формирование медицинского дела и методы борьбы с эпидемиями в прошлом. Ретроспективой взгляд и отношение к прошлому способствует к анализу ошибок и формование целостного понимания природы человеческого мировоззрения. Любая эпидемия несет за собой жертвы, корреляция которых зависит о методы борьбы, включающие в себя рациональный подход совместно с научно техническим прогрессом. Отсутствие стагнация в данных аспектов ведет к дисбалансу в пользу недуга.

В современных реалиях, когда человечество столкнулась с неизвестной инфекцией, теряясь в методах противостояния, на первых этапах, что является следствием отсутствия теоретической базы. Итогом, которого становится не только человеческие жертвы, но экстраординарное и деструктивное поведения социума.

Начальный этап формование врачебного дела крайне дискуссионный. Вызванный это особенностями территориального расположения, христианских догмат, языческих традиций и отсутствия античного наследия. Российский исторический процесс и становление культурного информационного пространства, определяется рефлексией через восприятия христианства. История медицины имеет сингулярное проявление и при этом включает в себя, множество смежных гуманитарных и естественно-научных дисциплин. Основы методологического исследования синтезируется из знаний о действительности, через системный спектр объективности и логического позитивизма. Сквозь призму ретроспективного анализа исторической науки и современную информационную технологию, существует возможность сформировать примерный историко-культурный фон прошлого. Наполняемость, которого зависит от структурного содержание и методологических подходов к изучаемой теме.

На территории Руси повальные болезни, приводящие к летальным исходам, называли моровыми или лихими поветриями. Самой страшной болезнью в эпоху Средневековья и Нового времени является бубонная, легочная чума [1]. Эпидемии становятся фактором потрясением и часто фикси-

руются в летописных сводах. В первом случае воспаляются лимфатические узлы, повышается температура появляется нарывов на теле. Источник заболеваниями – чумная палочка, переносчик которых является блохи. Легочная, является более опасной разновидностью. Процесс протекания болезни происходит еще быстрее – активно изменяются биомаркеры, адинамия, кашель, одышка, боль груди, рвота. Таким образом идентифицировать явление второго случая намного сложней, заражение происходит воздушно-капельным путем. Кроме чумы летописи повествуют об эпидемии цинги и тифа. Благодаря этому, можно проследить вектор направлена эпидемий, где эпицентром, как правило выступают приграничные территории и узловые места торговали. Содержательная структура, прямым или косвенным образом влияющие на здоровье и методы борьбы с недугами, дает нам относительно мало информации о врачебной деятельности. Превалирует описание симптоматики, что позволяет нам постулировать о существование эпидемий. Фактуальная и концептуальная информация помогает увидеть общий социально-эмоциональный фон и методы воздействия на моровое поветрие [2]. Противостоянию мору начинается от молебна, крестного хода до формирование карантинных застав [3]. Формы противостояние недугам, прямо пропорционально зависит от социального мировоззрение, образования, уровня правопорядка и вмешательства государственных органов.

Одной из самых первых зафиксированных моровых поветрий на территории Русского государская отображается в летописи Псковской и Софийской 1404 г. [4] Здесь авторы обращают особое внимание на симптоматику протекание недуга. Ретроспективные диагностика позволяет интерпретировать и вывести признаки болезни: воспаленные лимфатические узлы и судороги. Данная эпидемия свое начало берет от Ливонии, распространяется по территории Пскова, Юрьева и уже через четыре года эпидемии достигла Рязанской, Владимирский, Переяславки волости.

Следующий моровое поветрие было отмечен в 1420 г. [5] Опираясь на Московскую летопись, мы видим, что чума затронула Галич, Кострому, Ярославль, Ростов. В 1472 г. «немцы» снова принесли заразу. Локализация недуга: Новгород, Псков и через Торжок, Тверь, Дмитров, Москва.

Достоверный подсчет жертв, затруднителен. Так, например, во время морового поветрия 1552 г, в Новгородских земля погибло свыше 27 тыс. человек [6]. В Москве же только за один день погибало порядком 1000 чел., что противоречит общему числу проживающих на данных территориях. Конец XVII в. эпидемиологическая ситуация улучшается, гаснут крупные очаги распространения, географический ареал уменьшается. На начало века зафиксирован несколько крупных вспышек морового поветрия 1602 г. и 1610 г. Недуг охватил Смоленск и прилегающие города. Согласно Московским летописям, в самому городе умирало в день по 150 человек. Перед русско-польской войной в 1645 г. смертоносная болезнь накрыла Украину, Углич, Переславль-Залеский, Новгород, Псков, Торжок.

На конец века фиксируется мор в Нижнем Поволжье от Самары до Астрахани [7]. Эпицентром эпидемий становится именно регионы, являющиеся центром притяжением торговых взаимоотношений. Рефлексия относительно природы недуга, где, проводя демаркацию можно выделить, что у основания мировоззрения социума, стоит иррациональный религиозный подход. Эсхатологическое и апокалипсическое настроение, сформированные текстами Священного Писания, в частности Откровением Ионна Богослова, воспринимается моровые поветрия как фактор наказания за греховность и отступничество человека от Бога. Искупление наказание возможно только чрез массовые и централизованные крестные ходы, служение обедни и постройка архитектурных сооружения в честь тех или и иных святых. Так, например, в Пскове в 1406 г. была построена церковь в честь святителя Афанасия и Кирилла Александрийского. Летописи повествует, что после данного события чума отступила [8, 9]. Взаимоотношение с властью, также коррелируется с массовыми недугами. В том же Пскове, жители выгнали князя Данила Александровича, считая его виновником распространения заразы. В Новгороде в 1508 г. молитвами и крестным ходом «остановили» чумное поветрия.

Архаичным методом противостояния, которые остаются так или иначе вплоть до XX в. можно отнести языческие бытовые традиции. Такие как опахивание плугом запряженными женщинами, территорию вокруг деревни, сжигание и закапывании крупно рогатого скота или подношение местным святым. Все это аккумулирует в себя этнографические черты языческо-бытовых традиция и апокрифических текстов.

Методы лечения как физическое воздействия отображают реализацию травников и лечебников. Данные сборники народных средств против недугов, в основу которого лежат рецепты растительного происхождения. Процесс лечения флорой, фауной и минеральными компонентами, являлась основной содержательной канвой многих коллективных произведений, приобретающие со временем синтезированную структуру и интерполяционного характера.

Эффективности многих методов являются сомнительными. Один из примеров аргументации можно считать, парадокс с доступности информации. Через интерпретацию систематической ошибки выжившего можно спроецировать не эффективность в прагматическом аспекте, и с большой вероятностью отображающие ремиссию на психосоматическом уровне.

Понимание природы болезни приходит на интуитивном уровне. Возникает предположения, что зараза передается по воздуху. Герберштейн в своих записках рассказывает, что дома в которых проявилась болезнь, заколачивают наглухо досками окна и двери [10]. В первой четверти XVII в. формируется централизованная система застав. Целью которых являлась приостановить распространение чумы. Были созданы карантинные зоны, куда помещали людей, которые так или иначе имели дел с зараженными.

Рефлексируя относительно влияний недугов необходимо учитывать не только человеческие потери, но и деструктивное влияние в экономической, политической и социальной жизни. Голод, бунт, грабежи является неотъемлемой частью крайне отрицательной эпидемиологической обстановки. Демаркация границ, вооруженные столкновения, кризисные явлении Смутного времени усиливает эпидемиологическую обстановку. Голландский путешественник дипломат и купец Исаак Масса указывает в своих воспоминаниях проблемном предвидения по дорогам. Тяжелое экономическое положение и эпидемия сформировала маргинальное сословие промышляющие разбоем и грабежом [11].

Вывод

На основание вышеизложенного, опираясь на письменные исторические источники, можно постулировать о территориальном распространение, методах противостояния недугу и сформулировать через ретроспективную диагностику примерный анамнез заболеваний. В ходе работ были выделены методы противостояние недуга, путем рациональных и иррациональных приемов. Тема генезиса здравоохранение и медицинского дела в российский самоопределение сводится как правило к XVIII в. Возникает дискуссионные вопросы относительно самоопределения врачебного дела до Петровской эпохи. С учетом современных тенденций, где происходит подмена понятий, относительно народно-бытовых и научно-прикладных приемов профилактики, тема здравоохранение является актуализирующей трендом. Современная Российская историческая мысль, обращается к истокам медицинского дела, в частности методам борьбы с моровыми поветриями. Московское государства, становится отправной точкой для формирования централизации медицинского дела. Основой, которой, здесь уже выступает не только бытовые и нравственные особенности, но и выстраивается основу Отечественной медицинской школы. Именно письменные источник на раннем этапе генезиса медицинского дела, способны в большей степени, отобразить синтез и антагонизм рационально-научного и бытового-обыденного взгляда на природу недуга и методы профилактики.

Литература

1. ПСРЛ Т. XXV-М., 2000. С. 3.
2. ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 241.
3. РНБ, ОЛДП О. 17.
4. ПСРЛ Т. V-М., 1851. С. 286.
5. ПСРЛ Т. XXV. М., 2004. С. 244.
6. ПСРЛ Т. III.-СПБ., 1841. С. 251.
7. ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 241.
8. ПСРЛ Т. XI. М., 1978. С. 204 – 205.
9. ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 241.
10. Замысловский Е.Е. Герберштейн и его историко-географические известия. С приложением материалов для историко-географического атласа России. СПБ: Пантелеевых, 1884. 563 с.
11. Краткое известие о Московии в начале XVII в. Масса, Исаак (1587-1635) // Каталог Российской национальной библиотеке: [сайт]. URL: https://primo.nlr.ru/permalink/f/df0lai/07NLR_LMS006862589 (дата обращения: 26.11.2021)

References

1. PSRL T. XXV-M., 2000. S. 3.
2. PSRL. T. XXXIV. M., 1978. S. 241.
3. RNB, OLDP O. 17.
4. PSRL T. V-M., 1851. S. 286.

5. PSRL T. XXV. M., 2004. S. 244.
6. PSRL T. III.-SPB., 1841. S. 251.
7. PSRL. T. XXXIV. M., 1978. S. 241.
8. PSRL T. XI. M., 1978. S. 204 – 205.
9. PSRL. T. XXXIV. M., 1978. S. 241.
10. Zamyslovskij E.E. Gerbershtejn i ego istoriko-geograficheskie izvestiya. S prilozheniem materialov dlya istoriko-geograficheskogo atlasa Rossii. SPB: Panteleevyh, 1884. 563 c.
11. Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v. Massa, Isaak (1587-1635). Katalog Rossijskoj nacional'noj biblioteke: [sajt]. URL: https://primo.nlr.ru/permalink/f/df0lai/07NLR_LMS006862589 (data obrashcheniya: 26.11.2021)

Shuvalov E.G., Postgraduate,
Moscow Region State University

EPIDEMICS IN THE MOSCOW STATE AND METHODS OF DISEASE CONTROL THROUGH THE PRISM OF SOCIAL WORLDVIEW

Abstract: the *purpose* of this article is to analyze the spread of epidemics, methods of struggle regarding the worldview of society in the Moscow state of the XV-XVII centuries.

Relying on a cluster of written sources, first of all on the chronicles, where, highlighting health issues, epidemics and methods of confronting ailments, highlighting aspects of the worldview regarding pestilence. Secondly, the other side of the analysis of the issue is presented through the prism of "legends of foreigners", where the view from the outside, having the "foundation" of disciplinary knowledge, is able to reveal and compare the processes of interaction associated with healing. In this article, the discourse on methods of combating the disease is displayed, between the rational and irrational worldview of society, which is based on pagan customs, folk traditions and Christian dogmas. The synthesis of these aspects is displayed as a feature of the cultural and historical background. Considering the genesis of medicine on the territory of Russia, it is necessary to take into account the absence of ancient cultural heritage, which made it possible to synthesize a special view on the methods of treatment and the nature of ailments on various social strata.

The history of medicine has a singular manifestation and includes many related humanities and natural sciences disciplines.

Based on the fundamentals of methodological research, which is synthesized from objective knowledge about reality, through the systemic spectrum of objectivity and logical positivism.

With the help of a comparative typological, retrospective and historical-systematic *method*, relying on philological branches of knowledge and additional historical disciplines, written sources reflecting the process of spreading epidemics and the attitude of society to ailments were analyzed.

Findings The aim of the work is to identify a common discourse between rational and irrational views on the nature of the disease.

Keywords: epidemic, plague, pestilence, outposts, dashing people, chronicle, "The legend of foreigners", traditions, customs, Christianity, medicine, medical practice

Бабаджанова К.М.,
Скорых Д.Н.,
Белоглазов А.В., кандидат исторических наук, доцент,
Институт международных отношений,
Казанский федеральный университет

ГЕРМАНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ (2014-2020 гг.)

Аннотация: 2020 год стал юбилейным для взаимоотношений России и Германии. Так, в 2020 году исполнилось 75 лет со дня окончания Великой Отечественной войны, где основными участниками были Россия и Германия. В этот же год исполнилось 65 лет с момента установления дипломатических отношений между СССР и Германией. Московский договор был заключен ровно полвека назад, а объединение Германии произошло 30 лет назад. Россия и Германия провели в честь названных событий виртуальные и очные мероприятия, чем показали взаимное твердое намерение стабилизировать отношения. Однако в это же время Россия ожидала от Германии очередных санкций и иных деструктивных мер.

Юбилейные заседания утратили свою торжественность, так как взаимоотношения между Москвой и Берлином сильно охладели, и обе стороны осознавали, что межгосударственные отношения охладели до такой степени, что уже были на грани полного прекращения. Специалисты-международники исследовали реальность восстановления отношений между странами и факторы, которые послужили ухудшению отношений. Ухудшение взаимоотношений между Германией и Россией угрожает безопасности обеих стран.

Ключевые слова: Европейская политика Германии, восточная политика Ангелы Меркель, германо-российские отношения, Бундестаг, украинский кризис, Вторая мировая война, Совет Европы, аннексия Крыма, Совет Безопасности Организации Объединенных Наций, «холодная» война

Для народов Европы значительным событием стало объединение Германии, и это же событие послужило основанием для сближения русских и немцев. Воссоединение Германии стало результатом предварительных действий политиков, представителей деловых кругов, деятелей культуры, властных органов СССР, ФРГ, ГДР. Взаимоотношения России и Германии стали строиться по нескольким направлениям.

1. Между лидерами России и ФРГ стало формироваться доверие, что позволило странам налаживать обмен молодыми специалистами, организовывать интеллектуальную базу для бизнеса. Созданные научные и культурные связи позволили открыто говорить о примирении народов России и Германии, была создана благоприятная основа для сотрудничества [2].

2. Целостная система взаимоотношений между столицами Германии и России сформировалась благодаря активизации торгово-экономических связей, которые формировались еще в СССР. После восстановления единой территории Германии сохранились рабочие места в новых федеральных землях государства, благодаря экономическому фактору [20].

3. Отдельное направление развития отношений между государствами сформировалось в общении парламентов двух государств по поводу вопросов, имеющих кардинальное значение для Европы и для всего мира. Немцы широко используют бундестаг для обсуждения политических вопросов, важных для России, с намерением продолжать диалог. Такими вопросами являются, прежде всего, нарушение основных прав и свобод человека и гражданина, коррупция, трансграничная преступность и подобные вопросы [3].

Современные отношения Германии и России практически прекратились, и этому в публицистической литературе называются разные причины. Министр обороны ФРГ А. Крамп-Карренбауэр открыто обвинила Россию в аннексии Крыма, в войне в Восточной Украине, в кибератаках на государственные учреждения ФРГ и других стран и в кампании дезинформации. Через месяц после выступления Министра обороны ФРГ уже А. Меркель повторила те же претензии, которые стали уже традиционными. Однако А. Меркель в своем выступлении в июне 2020 года заявила, что Германия не желает прекращать сотрудничество с Россией, так как Россия имеет большое стратегическое влияние на Сирию и Ливию. Представители социал-демократической партии Германии, как и Министр обороны в мае 2020 года подчеркнули важность 75-й годовщины окончания Второй мировой войны для последующих поколений и высокую значимость диалога Берлина и Москвы. Все речи объединены одним требованием: Россия должна поменять свою внешнюю политику [1].

Большинство политиков считают, что резкий поворот в отношениях Германии и России произошел в то время, когда канцлером стала А. Меркель, т.е. с 2005 года. А. Меркель не стала про-

должать политику Г. Шрёдера, в соответствии с которой Россия занимала приоритетное место, а стала реализовывать новую восточную политику. Отношения России и Германии практически не изменились в сфере решения вопросов, связанных с энергетикой и безопасностью, но все же значительное влияние оказали два фактора:

– неоднозначная трактовка лидерами Европы выступления В.В. Путина на Международной конференции по безопасности в Мюнхене;

– возникновение разногласий между США и Россией по поводу противоракетной обороны [19].

До избрания на пост А. Меркель между Россией и Германией возникали некоторые разногласия. Германия, например, осуждала конфликт в Чечне и указывала на отдельные нарушения конституционных прав человека. В свою очередь, российское правительство выражало недовольство ролью ФРГ в процессе распада Югославии и в конфликте в Косово. Однако германо-российские отношения продолжали развиваться.

По мнению специалистов, украинский кризис нельзя назвать причиной ухудшения отношений между Германией и Россией, но кризис ярче обозначил имевшиеся противоречия. Германия настаивала на том, чтобы Россия вошла в Европейский Союз в качестве младшего партнера, что позволило бы Германии оказывать давление на Россию и направлять её на демократизацию и либерализацию экономики. Россия пыталась сохранить влияние на территории Украины, и это показало, насколько интересы россиян и немцев различаются на постсоветском пространстве.

Германия и практически все европейские страны считали, что Россия является виновницей в украинском кризисе, поэтому старалось всячески поддерживать украинское правительство, а на российское руководство оказывалось последовательное давление. К концу 2014 года Германия уже явно демонстрировала свое желание поддержать украинское правительство даже в ущерб своим торгово-экономическим связям с Россией. Германское правительство не могло пойти против европейских интересов [6].

В Украине в 2014 году столкнулись интересы многих европейских стран, и намерения России не совпадали с интересами других государств, поэтому Германия не могла сохранять особые отношения с Россией и ограничиваться вербальными протестами против действий России. Германия должна была показать солидарность с европейскими странами и с Северо-Атлантическим альянсом, поэтому приняла жесткие меры против России в виде экономических санкций, хотя немецкое правительство продолжало признавать необходимость развивать взаимовыгодные отношения с Россией. Такая политическая тактика получила название «сдерживание и диалог» и была закреплена в Глобальной стратегии внешней и оборонной политики Европейского Союза в 2017 году [5].

Германия и все европейские страны не желают признавать законность присоединения Крыма к России, хотя В.В. Путин неоднократно сравнивал возвращение Крыма с воссоединением Германии в 1990-х годах. Начиная с 2014 года Германия не ослабляет санкции в отношении России, хотя лидеры государств прилежно встречаются, обсуждая различные вопросы. Можно назвать четыре основных фактора, по которым Германия не ослабляет экономические санкции, а даже их ужесточает:

– во-первых, Германия с 1990-х годов поддерживает Украину как суверенное государство, поэтому германское правительство рассматривает присоединение Крыма как аннексию и как разжигание в Украине сепаратистских настроений. Этим Россия, по мнению политиков Европы и, в частности, Германии, нарушила европейский мирный порядок, который был установлен еще в 1945 году;

– во-вторых, немецкое правительство стало акцентировать внимание на соблюдении и защите прав человека, что послужило тому, что основными составляющими политики стали правовые и этические ценности. Именно поэтому германское правительство считает, что действия России характеризуются презумпцией незаконности и нарушения прав человека и целых народов, и чтобы исправить мнение европейцев о России, российские политические лидеры должны доказать законность своих действий;

– в-третьих, А. Меркель прямо заявила, что теперь не доверяет обещаниям российского президента;

– в-четвертых, ослабление санкций в отношении России привело бы к нарушению единства европейской интеграции, а Германия в качестве своей основной задачи ставит сохранение европейской интеграции [15].

В.В. Путин неоднократно в своих выступлениях высказывался о том, что установление экономических санкций – это своеобразный вид «войны», потому что санкции угрожают не только экономике государств, но и безопасности государств в целом. С другой стороны, В.В. Путин и премьер-министр Д.А. Медведев заверяли население России и, в частности, представителей бизнеса, что экономических санкций не стоит опасаться, так как это реальная возможность для укрепления экономических позиций отечественных производителей, что не лишено здравого смысла и еже-

годно подтверждается экономическими показателями [13].

Д.А. Медведев в 2018 году в своем интервью рассказал, что из-за введенных санкций Европа сильно пострадала. Во-первых, Европа в большом количестве потеряла рабочие места, учитывая, что на российском рынке перестали работать более 1300 компаний с немецким капиталом. Во-вторых, Европа потеряла прибыль, так как утратила товарооборот с крупной державой.

По данным Федерального статистического агентства Германии товарооборот Германии с Россией снизился на 23,7%. В рамках германо-российских отношений было организовано сотрудничество в таких областях как энергетика, машиностроение, сельское хозяйство, химическая промышленность. В результате санкций сотрудничество практически прекратилось, и Германия, как лидер Европейского Союза, понесла наибольший ущерб. Этот факт вызывает недовольство в кругах немецких бизнесменов, потому что им наносится прямой ущерб, и этот факт российские власти берут во внимание для концепции внешней политики, одной из задач которой является стабилизация германо-российских отношений [11].

Специалисты по международным отношениям считают, что для стабилизации германо-российских отношений имеются широкие перспективы.

Во-первых, энергетика. Заинтересованность Германии в недорогом российском газе остается, а строительство «Северного потока-2» было запланировано и согласовано лидерами государств еще до конфликта, связанного с Украиной и Крымом. Сохранение отношений с Россией в энергетическом секторе позволит Германии не только обеспечить собственное население газом, но и перепродать излишки ресурса европейским партнерам. Если Германия практически прекратила отношения с Россией в сфере безопасности, то в вопросах энергетики Германия готова пойти на конфронтацию с США и Брюсселем. Германия в вопросах энергетики и, в частности, в поддержке проекта «Северный поток-2» отличается своими повышенными геополитическими и экономическими интересами. Члены Европейского Союза и Украина пытаются оставить проект «Северный поток-2» без поддержки Германии, хотя А. Меркель продолжает убеждать партнеров в том, что российский газ не поставит Германию и другие европейские страны в зависимость от России [9].

По мнению немецкого канцлера, «Северный поток-2» позволит оказывать давление на Россию и в определенных объемах сохранить украинский транзит газа. Заинтересованность Германии в российском газе позволяет России сохранять надежду на восстановление германо-российских отношений, хотя одного энергетического сектора для этого мало. Важность энергетического сектора в восстановлении отношений между странами еще и в том, что Германии практически невозможно найти альтернативного поставщика газа. США резко выступают против германской поддержки «Северного потока-2», но политика США под девизом «Америка прежде всего» не позволяет им идти на уступки своим европейским партнерам [12].

Во-вторых, урегулирование кризиса в Украине. Международники полагают, что украинский кризис может быть урегулирован посредством применения Минских соглашений, в подписании которых в 2015 году участвовала сама А. Меркель и Президент России. Для урегулирования конфликта нужно, чтобы Россия перестала оказывать влияние на Украину, и Германия смогла бы Украину, как независимое государство, интегрировать в Европейский Союз [8].

Однако такое предположение политиков является спорным, потому что Россия выставляется в глазах европейских государств и виновницей украинского кризиса, и угнетательницей украинского народа, и разжигательницей сепаратизма, что привело к распаду Украины на несколько единиц, и захватчицей чужой территории (Крым). С 2014 года до настоящего времени политическим лидерам России не удалось доказать невиновность российского государства, а европейские страны, и Украина в том числе, не желают признавать законность референдума, проведенного в Республике Крым [21].

В-третьих, для восстановления германо-российских отношений должен использоваться гуманитарный сектор. Лидерам Германии нужно вспомнить об историческом примирении народов после окончания Великой Отечественной войны. Учитывая прошлый опыт, странам нужно воздержаться от вмешательства во внутренние дела друг друга и от недружественной пропаганды, иначе это может привести к полной утрате международной безопасности [14].

В-четвертых, восстановление германо-российских отношений возможно с опорой на политические элиты Германии, которые выражают несогласие с санкционной войной, развернувшейся в Европе и в Германии против Российской Федерации. К таким силам можно отнести Левую Партию, «Альтернативу для Германии», так как они стараются продолжить германо-российский диалог, прерванный украинским кризисом. В настоящий момент трудно сказать, придут ли альтернативные политические силы к Германии к власти, и какова будет их позиция по отношению к России [16].

Германо-российские отношения могут улучшиться, но сценарий может быть и крайне неблагоприятным, что будет угрожать безопасности стран.

1. Германия в настоящее время является союзником Соединенных Штатов Америки, кроме того на территории Германии размещаются войска НАТО, на которые тратятся большие суммы немецких денег. Холодная война закончилась, но опасения немцев перед Россией, как военным противником, остались, и Берлин остается союзником с Вашингтоном, который в Европе рассматривается потенциальным противником Москвы. Позиция Великобритании и США по отношению к России характеризуется повышенной агрессией, позиция Германии не такая напряженная, но все же становится критической к Москве [4].

2. Безопасности также угрожает полярное расхождение взглядов на конфликтные ситуации. Политические лидеры Европы все трагические события рассматривают как результат преступных действий России. ФРГ не является исключением. Самыми яркими событиями, по которым мнения Германии и России расходятся, являются:

– сирийский конфликт. Россия поддерживает политику Б. Асада, оказывает гуманитарную помощь сирийцам, предоставляет сирийскому населению медицинскую помощь, образовательные услуги и иную помощь. Германия такое поведение рассматривает критически, и на основании сирийского конфликта интересы Германии и России опасно сталкиваются [16];

– кибератаки хакеров. Правительство Германии, как и другие европейские страны, имеют стойкое мнение, что атаки на правительственные серверы Германии совершаются с ведома и по поручению Правительства России, и никакие оправдания России не воспринимаются оппонентами. Действия хакеров рассматриваются политическим руководством Германии и правоохранительными органами как планомерная информационная война, успех которой зависит от тех секретных данных, которые составляют государственную тайну Германии;

– «дело Скрипалей». Единодушное мнение европейских стран не смогли опровергнуть никакие экспертизы. Отравляющее вещество «новичок», по мнению всех европейских стран, является продуктом российской химической военной промышленности, примененным в отношении конкретной семьи, глава которой ранее состоял на секретной службе в России. Об отравлении семьи Скрипалей высказывались многие российские политики, приводили доводы, основанные на здравом смысле, но мнение европейцев не изменилось до сих пор, хотя споры стали относительно прохладными [18];

– «новичок» также фигурировал конфликте с отравлением Навального. Это отравление также было использовано немецкими политиками против России. Например, опытный дипломат Германии, организатор Мюнхенской конференции по безопасности Вольфганг Ишингер в интервью журналу Spiegel заявил, что еще до отравления Навального доверие к Москве было сильно подорвано, когда произошел конфликт с семьей Скрипалей, хакерская атака на бундестаг и убийство чеченца в центре Берлина [10].

Начиная с 2014 года, Германия при отсутствии конкретных претензий к России высказывает в сторону России общее обвинение, смысл которого заключается в нарушении либерально-демократического мирового порядка. На самом деле порядок, о котором ведет речь Германия, является ни чем иным, как гегемонией Соединенных Штатов Америки, а Кремль не желает подчиняться европейским ценностям. А. Меркель соглашается с тем, что германо-российские отношения должны развиваться, но Кремль должен быть солидарным с Европейским Союзом и с НАТО. Такое условие не отвергает совсем германо-российского сотрудничества, но и не ускоряет его развития.

3. Международная безопасность находится под угрозой еще и потому, что Германия желает сотрудничать с Россией, но с оглядкой на Польшу, страны Прибалтики, в которых политическое руководство, а с ним и население, настроено категорически антироссийски, так как история Великой Отечественной войны была переписана. Теперь население стран Прибалтики и Польши рассматривает действия Советской Армии не как освобождение от немецкой оккупации, а как установление коммунистической диктатуры или как смена одной оккупации другой оккупацией [7].

Таким образом, безопасность России и Германии оказалась под угрозой с избранием в 2005 году на пост канцлера Германии А. Меркель. Угроза возросла многократно в 2014 году из-за событий, произошедших в Украине. В настоящий момент имеются положительные и отрицательные варианты развития германо-российских отношений.

Отношения будут развиваться, если Германия не просто будет поддерживать проект «Северный поток-2», а станет его реальным участником, не боясь вызвать недовольство стран-членов ЕС. Урегулирование украинского кризиса в соответствии с либерально-демократическими ценностями Запада также может стать поводом для развития отношений. Создание общего гуманитарного сектора также может быть основой для развития отношений Германии и России.

Создается опасность для мира между странами, если Германия продолжит настаивать на переходе России на ценности, которые диктуют США, и которыми руководствуются члены Европейского Союза. Противоречия могут обостриться до опасной степени, если Россия не изменит своего отношения к сирийскому кризису. Также усиление борьбы России с хакерами могло бы прекратить «информационную войну», но при этом нужно привести неопровержимые доказательства того, что российское правительство не причастно к хакерским атакам на правительственные учреждения Германии.

Как бы то ни было, развитие германо-российских отношений зависит от того, каких приоритетов будут придерживаться обе страны.

Литература

1. Бахтуридзе З.З., Рачкова Д.С. Немецкая пресса о внешнеполитической деятельности России: кризис на Украине (2013-2014 гг.) и его последствия. СПб.: Изд-во Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ // Управленческое консультирование. 2020. № 6 (138). С. 30 – 40.

2. Белоглазов А.В., Копцева Е.В. Развитие культурно-гуманитарного сотрудничества России и Германии в контексте кризиса политических взаимоотношений. Казань: Изд-во Автономной некоммерческой организации «Институт культурного наследия» // Международные отношения и общество. 2019. Т. 1. № 4. С. 81 – 92.

3. Битиева З.Р., Смирнов Д.А., Тищенко Д.А. Предпосылки развития отношений России и Германии с помощью взаимодействия парламентских фракций ФРГ и РФ. Позиция фракций Бундестага. М.: Изд-во ООО «Мир науки» // Либерально-демократические ценности. 2019. Т. 3. № 1-2. С. 3.

4. Власов Н.А. Россия в политике безопасности ФРГ на современном этапе. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 11. № 2. С. 184 – 199.

5. Дмитриева С.И., Марченко О.В. Влияние украинского кризиса на российско-германские отношения // Проблемы эффективности государственной власти: внешние и внутренние факторы динамичного развития России: Материалы 5-й Межрегиональной научно-практической конференции. Воронеж: Изд-во Воронежского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. С. 43 – 49.

6. Лазарева Е.В., Берстенева А.А. Экономические связи Германии и России: опыт взаимодействия в кризисных условиях // Европейский регионализм: теория и практика: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. С. 169 – 174.

7. Крондо Н.Б., Дадаян Д.С. Исторические обиды и претензии как основа современной балтийской русофобии. М.: Изд-во Московского гуманитарно-экономического университета // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2019. № 4. С. 82 – 94.

8. Мареева Ю.А. Методы разрешения конфликта на Украине (2014-2016 гг.). Уфа: Изд-во Евразийского научно-исследовательского института проблем права // Евразийский юридический журнал. 2016. № 10 (101). С. 72 – 73.

9. Меркель поддержала «Северный поток-2», отметив необходимость соблюдения интересов Киева [Электронный ресурс] // https://www.interfax.ru. (дата обращения: 19.11.2021 г.)

10. Мюнхенская конференция: ни мира, ни войны [Электронный ресурс]. https://regnum.ru. (дата обращения 19.11.2021 г.)

11. Наконечная А.Ю. Влияние антироссийских санкций на экономическое развитие европейских стран // Российское общество и экономика: исторический опыт и современность: Материалы Студенческой научной конференции. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2017. С. 89 – 90. 135 с.

12. Овчинников Д.С., Шпак М.С., Нечай Е.Е. Северный поток-2: политические противоречия коммерческого проекта. М.: Изд-во ООО «Наука сегодня» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 3 (72). С. 966 – 973.

13. Осинцева Е.С. Негативные и позитивные последствия применения экономических санкций для национальной экономики России // Россия в мировом пространстве: точки экономического роста в современных условиях: Сборник статей по итогам проведения III Международной конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020. С. 136 – 137.

14. Проценко С.Е. Отношения России и ФРГ: история и перспективы. СПб.: Изд-во ИП Пуляк Александр // СКИФ. Вопросы студенческой науки. 2019. № 8 (36). С. 113 – 119.

15. Семенов О.Ю., Белащенко Д.А. Позиция ФРГ в отношении украинского кризиса в контексте проблем европейской безопасности и отношений с Российской Федерацией. Кемерово: Изд-во Кемеровского государственного университета // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-2 (63). С. 236 – 240.

16. Трунов Ф.О. Позиции России и Германии по «сирийскому вопросу»: взаимодействие или взаимное отчуждение? М.: Изд-во Института научной информации по общественным наукам РАН // Россия и современный мир. 2016. № 4 (93). С. 145 – 160.

17. Трунов Ф.О. Проблемы и перспективы взаимодействия ФРГ и РФ в урегулировании вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве. М.: Изд-во Института научной информации по общественным наукам РАН // Россия и современный мир. 2018. № 3 (100). С. 66 – 85.

18. Уткин А.Ю. «Дело Скрипалей»: международно-правовой аспект. М.: Изд-во Министерства иностранных дел РФ // Международная жизнь. 2018. № 4. С. 20 – 28.

19. Харлан А.А. Восточноевропейская политика канцлера ФРГ Ангелы Меркель в контексте персонального восприятия России и Украины. М.: Изд-во ООО «НБ-Медиа» // NB: исторические исследования. 2014. № 6. С. 122 – 137.

20. Эсетова А.М., Гусейнова Э.М. Особенности развития торгово-экономических отношений России и Германии на современном этапе // Неделя науки-2017: Сборник материалов XXXVIII Итоговой научно-технической конференции преподавателей, сотрудников, аспирантов и студентов Дагестанского государственного технического университета. Махачкала: Изд-во Дагестанского государственного технического университета, 2017. С. 200 – 204.

21. Regierungspress ekonferenz vom 3. März [Электронный ресурс]. https://www.bundesregierung.de. (дата обращения: 19.11.2021 г.)

References

1. Bahturidze Z.Z., Rachkova D.S. Nemeckaya pressa o vneshnepoliticheskoj deyatel'nosti Rossii: krizis na Ukraine (2013-2014 gg.) i ego posledstviya. SPb.: Izdatel'stvo Rossijskoj akademii narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente RF. Upravlencheskoe konsul'tiro-vanie. 2020. № 6 (138). S. 30 – 40.

2. Beloglazov A.V., Kopceva E.V. Razvitie kul'turno-gumanitarnogo sotrudnichestva Rossii i Germanii v kontekste krizisa politicheskih vzaimootnoshenij. Kazan': Izd-vo Avtonomnoj nekommercheskoj organizacii «Institut kul'turnogo naslediya». Mezhdunarodnye otnosheniya i obshchestvo. 2019. T. 1. № 4. S. 81 – 92.

3. Bitieva Z.R., Smirnov D.A., Tishchenko D.A. Predposylki razvitiya otnoshenij Rossii i Germanii s pomoshch'yu vzaimodejstviya parlamentskih frakcij FRG i RF. Poziciya frakcij Bundestaga. M.: Izd-vo OOO «Mir nauki». Liberal'no-demokraticheskie cennosti. 2019. T. 3. № 1-2. S. 3.

4. Vlasov N.A. Rossiya v politike bezopasnosti FRG na sovremennom etape. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. T. 11. № 2. S. 184 – 199.

5. Dmitrieva S.I., Marchenko O.V. Vliyanie ukrainskogo krizisa na rossijsko-germanskie otnosheniya. Problemy effektivnosti gosudarstvennoj vlasti: vneshnie i vnutrennie faktory dinamichnogo razvitiya Rossii: Materialy 5-j Mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo filiala Rossijskoj akademii narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii, 2019. S. 43 – 49.

6. Lazareva E.V., Bersteneva A.A. Ekonomicheskie svyazi Germanii i Rossii: opyt vzaimodejstviya v krizisnyh usloviyah. Evropejskij regionalizm: teoriya i praktika: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2019. S. 169 – 174.

7. Krondo N.B., Dadayan D.S. Istoricheskie obidy i pretenzii kak osnova sovremennoj baltijskoj rusofobii. M.: Izd-vo Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo universiteta. Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta. 2019. № 4. S. 82 – 94.

8. Mareeva YU.A. Metody razresheniya konflikta na Ukraine (2014-2016 gg.). Ufa: Izd-vo Evrazijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta problem prava. Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2016. № 10 (101). S. 72 – 73.

9. Merkel' podderzhala «Severnyj potok-2», otmetiv neobhodimost' soblyudeniya interesov Kieva [Elektronnyj resurs] // https://www.interfax.ru. (data obrashcheniya: 19.11.2021 g.)

10. Myunhenskaya konferenciya: ni mira, ni vojny [Elektronnyj resurs]. https://regnum.ru. (data obrashcheniya 19.11.2021 g.)

11. Nakonechnaya A.YU. Vliyanie antirossijskih sankcij na ekonomicheskoe razvitie evropejskih stran. Rossijskoe obshchestvo i ekonomika: istoricheskij opyt i sovremennost': Materialy Studencheskoj nauchnoj konferencii. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, 2017. S. 89 – 90. 135 s.

12. Ovchinnikov D.S., SHpak M.S., Nechaj E.E. Severnyj potok-2: politicheskie protivorechiya kommercheskogo proekta. M.: Izd-vo OOO «Nauka segodnya». Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2021. T. 11. № 3 (72). S. 966 – 973.

13. Osinceva E.S. Negativnye i pozitivnye posledstviya primeneniya ekonomicheskih sankcij dlya nacional'noj ekonomiki Rossii. Rossiya v mirovom prostranstve: tochki ekonomicheskogo rosta v sovremennyh usloviyah: Sbornik statej po itogam provedeniya III Mezhdunarodnoj konferencii. Rostov-na-Donu: Izd-vo YUzhno-Rossijskogo instituta upravleniya – filiala Rossijskoj akademii narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii, 2020. S. 136 – 137.

14. Procenko S.E. Otnosheniya Rossii i FRG: istoriya i perspektivy. SPb.: Izd-vo IP Pulyak Aleksandr. SKIF. Voprosy studencheskoj nauki. 2019. № 8 (36). S. 113 – 119.

15. Semenov O.Yu., Belashchenko D.A. Poziciya FRG v otnoshenii ukrainskogo krizisa v kontekste problem evropejskoj bezopasnosti i otnoshenij s Rossijskoj Federaciej. Kemerovo: Izd-vo Keme-rovskogo gosudarstvennogo universiteta. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 3-2 (63). S. 236 – 240.

16. Trunov F.O. Pozicii Rossii i Germanii po «sirijskomu voprosu»: vzaimodejstvie ili vza-imnoe otchuzhdenie? M.: Izd-vo Instituta nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam RAN. Rossiya i sovremennyj mir. 2016. № 4 (93). S. 145 – 160.

17. Trunov F.O. Problemy i perspektivy vzaimodejstviya FRG i RF v uregulirovanii vooruzhennyh konfliktov na postsovetskom prostranstve. M.: Izd-vo Instituta nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam RAN. Rossiya i sovremennyj mir. 2018. № 3 (100). S. 66 – 85.

18. Utkin A.Yu. «Delo Skripalej»: mezhdunarodno-pravovoj aspekt. M.: Izd-vo Ministerstva inostrannyh del RF. Mezhdunarodnaya zhizn'. 2018. № 4. S. 20 – 28.

19. Harlan A.A. Vostochnoevropejskaya politika kanclera FRG Angely Merkel' v kontekste personal'nogo vospriyatiya Rossii i Ukrainy. M.: Izd-vo OOO «NB-Media». NB: istoricheskie issledovaniya. 2014. № 6. S. 122 – 137.

20. Esetova A.M., Gusejnova E.M. Osobennosti razvitiya torgovo-ekonomicheskih otnoshenij Rossii i Germanii na sovremennom etape. Nedelya nauki-2017: Sbornik materialov XXXVIII Itogovoj nauchno-tekhnicheskoj konferencii prepodavatelej, sotrudnikov, aspirantov i studentov Dagestan-skogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Mahachkala: Izd-vo Dagestanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 2017. S. 200 – 204.

21. Regierungspress ekonferenz vom 3. März [Elektronnyj resurs]. https://www.bundesregierung.de. (data obrashcheniya: 19.11.2021 g.)

Babajanova K.M.,
Skorykh D.N.,
Beloglazov A.V., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Institute of International Relations of Kazan Federal University

GERMAN-RUSSIAN RELATIONS: SECURITY ISSUES (2014-2020)

Abstract: 2020 has become a jubilee year for relations between Russia and Germany. So, in 2020, 75 years have passed since the end of the Great Patriotic War, where the main participants were Russia and Germany. The same year marks 65 years since the establishment of diplomatic relations between the USSR and Germany. The Moscow Treaty was signed exactly half a century ago, and the unification of Germany took place 30 years ago. Russia and Germany held virtual and face-to-face events to honor of the named jubilees, which showed a mutual firm intention to stabilize relations. However, at the same time, Russia was expecting more sanctions and other destructive measures from Germany.

The jubilee meetings lost their solemnity, as the relationship between Moscow and Berlin had grown very cold, and both sides realized that interstate relations had cooled to such an extent that they were already on the verge of a complete cessation. International affairs specialists investigated the reality of the restoration of relations between countries and the factors that served to deteriorate relations. Deteriorating relations between Germany and Russia threaten the security of both countries.

Kewwords: Germany's European policy, Angela Merkel's eastern policy, German-Russia relations, the Bundestag, the Ukrainian crisis, World War II, the Council of Europe, the annexation of Crimea, the United Nations Security Council, the cold war

Колпаков П.А., кандидат исторических наук,
Академия управления Министерства
внутренних дел Российской Федерации

ОЦЕНКА ПРОЕКТОВ ЧАСТНЫХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ КАК МЕХАНИЗМ ПОЛИЦЕЙСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОТРАСЛИ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА II

Аннотация: статья посвящена изучению опыта оценки проектов частных железных дорог как механизма полицейского обеспечения экономической безопасности железнодорожного транспорта в эпоху императора Александра II, когда концессионные соглашения на строительство частными предпринимателями железных дорог получили наибольшее распространение. В результате проведенного исследования определены причины обращения российской монархии к частному капиталу и повышения его значимости в развитии железнодорожной сети с начала второй половины XIX в.; выявлены изъяны в предлагавшихся государством условиях вложения денежных средств в железнодорожный комплекс; определено содержание полицейской функции государства при осуществлении оценки благонадежности предложений о строительстве железных дорог; сформулировано содержание существовавшего в эпоху Александра II механизма полицейского обеспечения экономической безопасности железнодорожного транспорта при оценке частных проектов железнодорожного строительства; проанализированы проекты, имевшие очевидную направленность на обогащение инициаторов без намерения реального развития железнодорожного комплекса. Сделан вывод о востребованности исторического опыта оценки проектов железных дорог в современной России в контексте рассмотрения вопроса привлечения в отрасль частного капитала.

Ключевые слова: железные дороги, железнодорожное строительство, частный капитал, частно-государственное партнерство, концессия, экономическая безопасность, оценка проектов, Александр II

Введение

Актуальность исследования определяется высоким значением защиты железнодорожного комплекса как отрасли национальной экономики от воплощения схем незаконного обогащения при реализации строительных проектов в рамках государственно-частного партнерства.

В соответствии с утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации достижение целей экономической безопасности осуществляется путем решения комплекса задач, среди которых: обеспечение развития эффективной транспортной инфраструктуры и транспортной связанности страны; укрепление единства экономического пространства Российской Федерации, развитие кооперации и хозяйственных связей между субъектами Российской Федерации; сокращение дифференциации субъектов Российской Федерации по уровню и темпам социально-экономического развития, качеству жизни, стимулирование развития экономического потенциала регионов, укрепление их бюджетной обеспеченности [18].

Эксплуатационная длина железнодорожных путей общего пользования в России в 2020 г., согласно данным Росстата, составляла 87024,4 км, а их плотность – 51 км на 10 тыс. территории. Примечательна динамика изменения показателя плотности: с 2005 по 2016 гг. он удерживался на значении 50 км на 10 тыс., в период с 2016 по 2020 гг. – 51км на 10 тыс. км^2 [19, 11]. Таким образом, имея протяженную сеть железных дорог, Российская Федерация к настоящему времени не разрешила проблемы ее низкой плотности, занимая по этому показателю одно из последних мест в мире [10, с. 4].

В контексте обозначенных задач, предусмотренных Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, вопрос связывания территории страны железнодорожной сетью и повышения ее плотности требует реформирования железнодорожного транспорта как отрасли и изменения подходов к ее развитию. Одним из направлений таких преобразований является повышение инвестиционной привлекательности железнодорожных проектов. Стратегией развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года в области совершенствования инфраструктуры рельсовых дорог предусматривается улучшение условий для увеличения государственных и частных инвестиций в проекты, строительство новых железнодорожных линий общего и необщего пользования, собственниками которых будут открытое акционерное общество «Российские железные дороги», государство и частные собственники в различных соотношениях, а также развитие практики строительства и эксплуатации железнодорожных линий на основе концессионных соглашений [16].

Активное вовлечение частного капитала в железнодорожное строительство при очевидных

преимуществах содержит и достаточно высокие риски для национальной экономики, что определяется чрезвычайно высокой стоимостью реализации проектов. Это обстоятельство обуславливает потребность в создании эффективно функционирующих механизмов защиты железнодорожного комплекса от воплощения схем незаконного обогащения при взаимодействии бизнеса с государством.

В настоящее время привлечение частных инвестиций в отрасль еще остается дискуссионным вопросом, в рамках которого экспертным сообществом и заинтересованными сторонами продолжается выработка оптимальных условий их привлечения. Получение результата этой работы, отвечающего интересам государства в части обеспечения экономической безопасности, требует изучения опыта выявления проектов, имевших потенциал умышленного причинения ущерба казне.

Историко-ретроспективный метод исторического исследования позволил обосновать актуальность статьи взаимосвязью рассматриваемых на современном этапе перспектив и возможных решений актуального вопроса повышения плотности железнодорожной сети и опыта государственно-частного партнерства в железнодорожном строительстве в прошлом.

Методологические основы исследования определяются фундаментальными принципами исторической науки – историзма, научной достоверности и объективности. В ходе проведения исследования автор опирался на аппарат общенаучных методов. В частности, методы анализа и абстракции позволили исследовать предложения частных капиталистов о строительстве железных дорог как совокупность относительно обособленных фактов, исключить из фокуса исследовательского внимания утвержденные проекты, а также проекты, отклоненные в связи с их несоответствием государственным планам развития железных дорог, и определить запрещенные к реализации в связи с потенциальной опасностью причинения злонамеренного ущерба. Метод индукции позволил на основе выявленных фактов сделать общий вывод о схеме обогащения неблагонадежных предпринимателей на железнодорожном строительстве. Применение метода дедукции раскрыло связь созданных государством условий привлечения денежных средств частных в железнодорожные проекты и подходов злонамеренных лиц к обогащению за счет казны на железнодорожных стройках.

Историко-генетический, будучи специальным историческим методом, позволил отразить процесс становления и развития в Российской империи частно-государственного партнерства в железнодорожном строительстве.

Теоретическую базу исследования составили работы видных деятелей отечественной экономической науки и народного хозяйства XIX в.: С.Ю. Витте, И.С. Блиоха, В.М. Верховского; публикации современных исследователей, в частности, Н.К. Тарасова, чьи результаты систематизации взглядов российских полицеистов на рубеже XIX-XX вв. были особенно ценны для рассмотрения деятельности по оценке частных железнодорожных проектов как составляющей полицейской функции государства; а также действующие документы стратегического планирования и законодательные акты Российской империи, регулировавшие отдельные аспекты развития железнодорожного комплекса.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для подготовки лекционных материалов по истории российских железных дорог, в рамках повышения квалификации практиков, осуществляющих свою деятельность в сферах государственного управления, транспортного развития и правоохранительной.

Проблема определения источников финансирования развития железнодорожного транспорта в начале правления Александра II

К середине XIX в. стало вполне очевидным отставание России от развитых государств мира в деле строительства железных дорог. Накануне Крымской войны 1853-1856 гг. в России насчитывалось 979 верст железнодорожных линий, что составляло лишь 1,5% мировой железнодорожной сети. Это обстоятельство явилось одной из главных причин поражения русской армии в Крымской кампании. Отсутствие современных путей сообщения, связывавших южные районы России с ее центром, лишило войска необходимых подкреплений, бесперебойного снабжения боеприпасами и продовольствием [1, с. 30]. Анализ процесса снабжения армии в период Крымской войны позволяет сделать вывод не об отсутствии в России необходимых припасов, вооружения, а об их несвоевременной доставке в войска [2, с. 9].

Стратегическое значение «чугунки» определялось чрезвычайной обширностью территории и протяженностью границ империи, необходимостью быстрой переброски войск и их обеспечения [5, с. 364-365].

Кроме обнажившихся в ходе Крымской войны проблем военного снабжения, существовали давно требовавшие разрешения вопросы хозяйственного характера. С изобретением железных дорог местности, значительно удаленные от морей, лишенные даже внутренних водных сообщений, получили возможность принять участие в торговом обмене. При громадных и малонаселенных про-

странствах железные дороги, обладавшие преимуществами быстроты и независимости движения от климатических условий, имели особое значение для экономического развития страны [5, с. 70-71, 344].

Если в период правления Николая I был задан импульс к зарождению в России железнодорожного транспорта как отрасли, то в начале эпохи Александра II был сделан следующий, не менее важный шаг: от осознания обоснованности потребности империи в железных дорогах к поиску действенного способа достижения такой цели.

Рассмотрение сложившейся в послевоенный период в Российской империи экономической ситуации позволяет сделать вывод о том, что альтернативы опоре на вложения частных предпринимателей и аккумулирование денежных средств через выпуск ценных бумаг в деле железнодорожного строительства в это время не существовало.

Финансовые итоги (дефициты) Крымской войны составляли: 1853 г. – 108 829 тыс. рублей; 1854 г. – 146 932 тыс. рублей; 1855 г. – 282 635 тыс. рублей; 1856 г. – 258 374 тыс. рублей. Совокупный дефицит за 1853 – 1856 гг. составил огромную сумму и превысил 796 млн рублей. Половина этой суммы была покрыта выпусками кредитных билетов, а вторая половина – внешними и внутренними займами. [3, с. 28]. Упадок государственного кредита представлял собой явление, как нельзя более неблагоприятное для постройки железных дорог. Отсутствием кредита объясняется, почему с 1853 по 1861 гг. всего открыто было новых путей для движения 975 верст (в течение 1855-1861 гг. выданы были разрешения на постройку дорог: Санкт-Петербурго-Варшавской, Нижегородской, Рижско-Динабургской, Динабурго-Витебской, Варшавско-Бромбергской, Волго-Донской, Московско-Ярославской, Саратовской и Риго-Митавской) [3, с. 68].

Таким образом, в начале правления Александра II военно-стратегические и экономические интересы Российской империи окончательно определили понимание короны о необходимости создания обширной сети железных дорог. Вместе с этим, государственные финансы находились в критическом состоянии, вследствие чего правительство не могло выполнять роль локомотива развития отрасли: дополнительная эмиссия ассигнаций могла стать причиной дальнейшего их обесценивания и утраты способности выполнять функцию всеобщего эквивалента, продолжение изыскания резервов за счет денежных и личных повинностей истощенного войной населения имело негативную перспективу обострения социальных противоречий. Решение проблемы определения источников вложений в железнодорожной строительство воплотилось в частно-государственном партнерстве.

Недостатки условий привлечения частного капитала в железнодорожное строительство в отношении обеспечения государственных интересов

Контракты на строительство и эксплуатацию железных дорог с частными компаниями, как правило, оформлялись в виде высочайше утвержденного устава, либо высочайше утвержденной концессии. Концессия, предусматривавшая реализацию железнодорожного проекта в интересах государства с последующим извлечением лицами, разместившими капитал, прибыли, выдавалась учредителям, которые в течение указанного срока должны были составить акционерное общество для сооружения и последующей эксплуатации дороги [6, с. 8].

Вопрос создания условий, которые бы смогли привлечь деньги частных капиталистов в железнодорожное строительство, был разрешен правительством через предоставление государством гарантий ежегодного дохода, как правило в размере 4-5%, рассчитывавшихся от суммы вложенных на устройство дороги средств. Изъян такого подхода проявил себя уже на этапе становления частно-государственного партнерства в рассматриваемой отрасли.

Данный Сенату императорский указ от 26 января 1857 г. «О сооружении первой сети железных дорог в России» содержал слова самодержца «В сем глубоком убеждении [о необходимости строительства железных дорог в России] Мы вслед за первым прекращением военных действий повелели озаботиться о средствах к лучшему удовлетворению этой неотложной потребности. Внимательное обсуждение указало, что для удобства и скорости лучше обратиться, по примеру всех других стран, предпочтительно к промышленности частной, как отечественной, так и иностранной.». Указанным актом были утверждены условия, предложенные обществом русских и иностранных капиталистов, возглавлявшихся банкиром бароном Штиглицем: «на свой счет и страх устроить в течение десяти лет и потом содержать в течение восьмидесяти пяти лет указанную сеть протяженностью около четырех тысяч верст железных дорог с одним лишь ручательством Правительства за выручение пяти процентов с определенных на сооружение сумм, и с тем, что по миновании означенных сроков, вся сеть обращается бесплатно в принадлежность казны». Общество, именовавшееся Главным Обществом железных дорог Русских, приняло на себя обязательство создать сеть, которая бы простиралась от Санкт-Петербурга до Варшавы и границы с Пруссией, от Москвы до

Нижнего Новгорода, от Москвы через Курск до Феодосии и от Курска или Орла через Динабург до Либавы [13].

В 1861 г., то есть по прошествии 4 лет с утверждения устава, Общество пришло к выводу, согласно которому в связи с уже осуществленными расходами на строительство Варшавской, Ковенской, Нижегородской и Феодосийской железных дорог с учетом подрядных цен на работы и материалы, собранных выпуском акций и облигаций 110 млн рублей будет недостаточно для завершения устройства железнодорожных линий.

Следствием невозможности продолжения действий общества на прежних началах стало издание нового устава, согласно которому обязательства свелись к устройству Варшавской дороги с ветвью к прусской границу 1206 верст и Нижегородской дороге 1616 верст [15, с. 88]. Фактически строительная деятельность общества была свернута. Последние участки его линий окончательно были открыты для движения в 1862 г. На 1 января 1867 г. долг общества перед правительством превысил 79,2 млн рублей (за работы, исполненные правительством и переданные обществу, по ссудам на довершение линий, по ссудам на уплату купонов) [15, с. 92].

Гарантия минимального дохода, выражавшегося в нескольких процентах от затраченного капитала, вне зависимости от способности построенной железной дороги приносить прибыль, во-первых, побуждала капиталистов к завышению расходов на реализацию железнодорожных проектов (таким образом повышалась сумма правительственной выплаты), во-вторых, лишала их мотивации к созданию действительно рентабельного предприятия.

Также значительный спекулятивный интерес к обогащению на железнодорожном строительстве, кроме собственно гарантии, спровоцировала проводившаяся после завершения Крымской войны Российской империей кредитная политика.

К 1857 году Правительство задолжало кредитным учреждениям 553 млн рублей. Обременение бюджета вследствие обязанностей погашения и выплат процентов составляло 30,5 млн рублей ежегодно.

Для уменьшения столь обременительной для государственного бюджета суммы платежей было принято решение о производстве переложения займов на 56 лет с понижением платежа процентов до 4%. Таким образом предполагалось достичь сбережения в расходах ежегодно свыше 11 млн рублей. По предполагавшимся в будущем займам постановлено было производить уплату процентов в размере 4% вместо 5%.

Понижение процентов по значительным ссудам, сделанным правительству, могло быть достигнуто не иначе, как через сокращение выплат кредитными учреждениями по вкладам: ставки были зафиксированы на уровне вместо 4% на 3%, на вклады же казенных учреждений решено выплаты были сокращены до 1,5% годовых. С 1 января 1860 г. – на частные вклады до 2% без начисления сложных процентов.

Решения вызвали отток вкладов, тем более что для безостановочного удовлетворения вкладчиков, затребовавших из банков свои деньги, и для охранения банков от угрожавшей им несостоятельности пришлось вновь прибегнуть к выпуску кредитных билетов [3, с. 48-50]. В таких обстоятельствах условиях по вкладам оказались вовсе не привлекательными.

Выдача концессии на устройство первой сети железных дорог в условиях проводившейся кредитной политики стала причиной спекуляций на акциях Главного Общества железных дорог Русских и вывоза значительных объемов золота заграницу.

Правительство предполагало, что консорциум банкиров, учредивший общество, осуществит привлечение иностранных капиталов. Между тем изгнание вкладов из банков заставило владельцев кредитных билетов обратиться к покупке выпускавшихся ценных бумаг, вследствие чего образовалась премия на акции общества, доходившая до 12 %, которой воспользовались учредители, получившие часть акций по номинальной цене, сбыв их не за границей, а в России [3, с. 52].

Деятельность Главного Общества железных дорог Русских явилась ярким подтверждением необходимости полицейского обеспечения экономической безопасности отрасли железнодорожного транспорта.

Оценка железнодорожных проектов как мера полицейского обеспечения экономической безопасности отрасли

Формирование понимания деятельности государства по превентивному выявлению железнодорожных проектов, где мог присутствовать умысел на обогащение за счет средств казны без выполнения вовсе или в объявленном объеме принятых на себя обязательств, требует определения полицейского обеспечения экономической безопасности отрасли.

Уже в XIX в. австрийский экономист, автор посвященного вопросам экономики железнодорожного транспорта труда «Пути сообщения в народном и государственном хозяйстве» Эмиль Закс отмечал важность полицейских мер государства для соответствующего его интересам развития концессионной системы: «Рассмотрение условий концессий позволяет признать их во всей сово-

купности пригодным средством для того, чтобы поставить твердую границу стремлению к наживе частных предприятий соответственно целям общественного хозяйства и, кроме того, твердо урегулировать деятельность железных дорог путем положительных предписаний, например, полицейских. Само собой разумеющейся представляется обязанность железных дорог к подчинению государственному надзору и к выполнению предписаний соответствующих органов управления в пределах из служебных полномочий. Успешное осуществление государственного надзора приводит к необходимости предоставления государственной власти известного влияния на организацию железнодорожных обществ и на ведение ими дел» [7, с. 153-154].

Профессор Николай Афанасьевич Грифцов в своих лекциях по полицейскому праву, читанных в Императорском Александровском лицее (так стал именоваться знаменитый Царскосельский лицей после переезда в Санкт-Петербург) определял полицейскую деятельность как активность государства, направленную на создание условий благосостояния отдельной личности и на устранение тех опасностей, которые возможны при недостатке этих условий. Полицейская деятельность разделялась им на два вида: первый вид – предписания и запреты, второй – создание «известных» (специальных) полицейских учреждений [17, с. 54].

Полицейская деятельность раскрывалась Н.А. Грифцовым в широком смысле, и не сводилась к работе специальных учреждений охраны порядка, реализуясь также через предписания и запреты иных органов государственного аппарата.

Позицию Н.А. Грифцова поддерживал Александр Евгеньевич Назимов, с 1892 г. читавший лекции по полицейскому праву в Новороссийском университете. Принуждение, необходимое для предупреждения опасности, А.Е. Назимов определял как отличительный признак полицейской деятельности, осуществлявшейся в двух основных формах: административной (устранение существующих опасностей) и полиция безопасности (предупреждение угроз) [17, с. 57].

Полицейская деятельность в данном исследовании понимается как деятельность государства, которой присущи характеристики, определенные указанными учеными-полицеистами: направленность на устранение угроз, реализующаяся через запреты, и обязательность для исполнения.

Обеспечение экономической безопасности государства в рассматриваемый период еще не сформировалось как отдельная функция Министерства внутренних дел или Корпуса жандармов (до его включения в МВД). Мероприятия по защите экономической безопасности реализовывались чинами полиции, жандармерии (например в рамках противодействия хищениям ценных грузов на железных дорогах), имелся опыт создания отраслевой полиции [см. напр. 8, с. 164-173]. Вместе с этим, на этапе становления железнодорожного комплекса перед государством возникла задача обеспечения экономической безопасности железных дорог еще на этапе обсуждения предложений частных капиталистов об их устройстве. Привлечение значительных капиталов недобросовестными предпринимателями могло создать угрозу причинения ущерба вкладчикам в железнодорожное строительство, и вызвать негативные последствия как для экономики империи в целом, так и для железнодорожного комплекса в частности.

Полицейское обеспечение экономической безопасности железнодорожного комплекса воплощалось через механизм определения состоятельности проектов (т.е. оценки способности инициаторов строительства выполнить замысел и создать доходную, необходимую государству дорогу).

Указанный механизм реализовывался в несколько этапов: принятие к рассмотрению проекта, соотнесение его потенциальных результатов с интересами Российской империи, оценка выгодности предлагавшихся условий, оценка благонадежности просителей, наложение запрета (отклонение), обязательного для исполнения в случае несостоятельности предложения и наличия потенциальной опасности причинения ущерба казне.

Оценка состоятельности проектов осуществлялась специализированными отраслевыми органами государственной власти. Первоначально соответствующие полномочия были возложены на Комитет Санкт-Петербурго-Московской железной дороги, учрежденный императором Николаем I в 1842 г., и продолживший свою деятельность и после начала движения по «чугунке», соединившей две столицы [12]. В последующем его функции в разное время выполнялись Комитетом для определения основных начал условий на сооружение железных дорог частными компаниями и Комитетом железных дорог для предварительного обсуждения главных мероположений по частным железным дорогам [9].

Практика предупреждения реализации недобросовестными предпринимателями схем обогащения в рамках частно-государственного партнерства в железнодорожном строительстве в эпоху Александра II

Ярким примером попытки воплощения умысла, направленного на недобросовестное обогащение, является внесение Рижским биржевым комитетом предложения о строительстве железной дороги от Риги до Динабурга.

По ходатайству Рижского биржевого комитета, рассмотренному и одобренному еще в царствование Николая I, высочайше утвержденным положением Комитета железных дорог 18 мая 1853 г. было разрешено составить компанию для сооружения железной дороги от Риги до Динабурга с условием утраты преимущественного права на строительство в случае непредоставления к 1 января 1856 г. результатов инженерных изысканий, сметы, проекта устава и 5% от необходимого на сооружение дороги капитала.

При изучении в Главном управлении путей сообщения и публичных зданий переданных представителями Рижского биржевого комитета сметных расходов на строительство железной дороги было установлено, что необходимый для сооружения путей и сопутствующей инфраструктуры капитал составляет 8 791 171 рубль, а не 12 млн, как было заявлено инициаторами проекта. В то время, когда переговоры по данному вопросу еще продолжались, в лондонской газете «Таймс» появилась статья англичанина Робинсона, связанного с Рижским биржевым комитетом, в которой была изложена программа Риго-Динабургской железной дороги, и вместе с тем указано, что компании этой железной дороги дарована правительством гарантия в 4% с капитала в 12 млн рублей. Таким образом, несмотря на то, что какого-либо решения относительно строительства дороги еще не состоялось, автором статьи готовилась благодатная почва для привлечения капитала по довольно выгодном условиям.

Поиск причин столь сомнительной активности Робинсона привел к тому, что 5 апреля 1856 г. Рижским биржевым комитетом было донесено Главноуправляющему путей сообщений и публичных зданий о принятии мер к обличению действий Робинсона, допускавшихся без ведома и разрешения.

Явившийся в мае Робинсон представил Главноуправляющему переписку Рижского биржевого комитета, из которой можно было заключить, что комитет, искажая в смете исчисления расходов, стремился к увеличению размера выплат по государственной гарантии.

Вслед за этим министр финансов уведомил главу ведомства путей сообщения о том, что на Лондонской бирже уже появились в продаже акции Риго-Динабургской железной дороги по 86 фунтов за 100 штук, что могло иметь вредные последствия для российских предприятий. От передачи ложных сведений о состоявшемся решении относительно размера капитала злоумышленники перешли к сбору денежных средств. Для избежания возможного ущерба акции Риго-Динабургской железной дороги были исключены из торгов Комитетом Лондонской биржи.

Проект строительства был дискредитирован вскрывшимися обстоятельствами настолько, что вовсе мог не состояться. Ситуация была урегулирована после вмешательства генерал-губернатора Лифляндии, Эстляндии и Курляндии Александра Аркадьевича Суворова (внука великого русского полководца Александра Васильевича Суворова), который подал 31 января 1856 г. Александру II записку о необходимости дарования Рижскому акционерному обществу гарантий в 4,5% [4, с. 74-75]. 23 января 1858 г. император утвердил Устав Общества Рижско-Динабургской железной дороги [14]. С 1861 г. по дороге началось движение.

Интересным с точки зрения рассмотрения случаев обращения к государству для получения значительных ассигнований для проведения работ по априори невыполнимым в XIX веке проектам является внесенное некими «иностранцами Куртином и Легетром» 13 марта 1867 г. в Комитет железных дорог предложение о производстве изысканий для построения железной дороги из Европы через Россию, Персию и Афганистан в Ост-Индию для соединения Парижа с Калькуттой. Дорогу эту в пределах России предлагалось вести от Балты на Николаев, Херсон, Перекоп, Керчь. Керченский пролив предлагалось перейти мостом (!) и далее по восточному берегу Черного моря протянуть пути на Поти, Тифлис и Ленкорань. Грандиозной и совершенно не подкрепленной ни значительным капиталом, ни весомым опытом устройства дорог идее, сопутствовало испрашивание 380 тысяч рублей государственных средств на предварительное исследование условий работ. Явственность мотивов дельцов стала причиной отклонения проекта [4, с. 126].

Выводы

Взошедшим на трон в 1881 году императором Александром III был реализован курс на значительное усиление роли государства в железнодорожном строительстве. Вошедшее в историю как эпоха «Великих реформ» время правление его отца достаточно отчетливо вскрыло как преимущества привлечения частного капитала к развитию железнодорожного сообщения, так и сопряженные угрозы экономической безопасности отрасли, которые создавали нечистые на руку предприниматели и авантюристы, стремившиеся нажиться на государственных гарантиях. Рассмотренный в настоящей статье исторический опыт подтверждает необходимость организации надлежащего полицейского обеспечения защиты государственных ассигнований, направляемых на железнодорожное строительство в рамках государственно-частного партнерства.

Литература

1. Аксёненко Н.Е., Лапидус Б.М., Мишарин А.С. Железные дороги России: от реформы к реформе. М.: Транспорт, 2001. 335 с.

2. Бесов А.Г. О причинах и итогах Крымской войны 1853-1856 гг. // Восточный архив. 2006. № 14-15. С. 5 – 10.

3. Блиох И.С. Финансы России XIX столетия. История – статистика. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1882. Т. 2. 304 с.

4. Верховской В.М. Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 г. включительно: в 2-х вып. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1898. Вып. 1. 176 с.

5. Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанный ЕИВ Великому князю Михаилу Александровичу в 1900-1902 гг. СПб., 1912. 588 с.

6. Дроздова Н.П. Государственно-частное партнерство в России при строительстве и эксплуатации железных дорог в XIX – начале XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Менеджмент. 2015. Вып. 2. С. 74 – 115.

7. Закс Э. Экономика железнодорожного транспорта и его роль в народном хозяйстве / Эмиль Закс; пер. с нем. А.И. Зака. М.: Транспечать, 1923. 251 с.

8. Колпаков П.А. Исторический очерк о применении особого административно-правового режима в целях обеспечения экономической безопасности горнорудной промышленности и металлургии на отдельных территориях Российской империи в XIX в. // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2(58). С. 164 – 173.

9. Комитеты железнодорожные // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907.

10. Логвинова Р.М. Существующая мировая транспортная система и место России в ней (железнодорожный транспорт) // Вестник сельского развития и социальной политики. 2016. № 2 (10). С. 2 – 6.

11. Плотность железнодорожных путей общего пользования на 10000 квадратных километров территории по субъектам Российской Федерации.xlsx (Таблица) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/23455# (дата обращения 08.11.2021)

12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 17. Ч. 1. № 15265.

13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 32. Ч. 1. № 31448.

14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 33. Ч. 1. № 32713.

15. Сборник сведений о железных дорогах в России. Отделы 1 и 2. СПб.: Типография И. Шумахера, 1867. 409 с.

16. Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года, утвержденная Правительством Российской Федерации от 17 июня 2008 г. № 877-р. [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. URL: http://static.government.ru/media/files/DkdcT7dHs4fGLrhkK5llk0egvr4rA2QZi.pdf (дата обращения 08.11.2021)

17. Тарасов Н.К. Российская полицеистика конца XIX – начала XX века об основаниях и пределах мер государственного принуждениях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (89). С. 51 – 60.

18. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 08.11.2021)

19. Эксплуатационная длина железнодорожных путей общего пользования.xlsx (Таблица) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/23455# (дата обращения 08.11.2021)

References

1. Aksyonenko N.E., Lapidus B.M., Misharin A.S. ZHeleznye dorogi Rossii: ot reformy k reforme. M.: Transport, 2001. 335 s.

2. Besov A.G. O prichinah i itogah Krymskoj vojny 1853-1856 gg. Vostochnyj arhiv. 2006. № 14-15. S. 5 – 10.

3. Blioh I.S. Finansy Rossii XIX stoletiya. Istoriya – statistika. SPb.: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1882. T. 2. 304 s.

4. Verhovskoj V.M. Istoricheskij ocherk razvitiya zheleznyh dorog v Rossii s ih osnovaniya po 1897 g. vklyuchitel'no: v 2-h vyp. SPb.: Tipografiya Ministerstva putej soobshcheniya, 1898. Vyp. 1. 176 s.

5. Vitte S.YU. Konspekt lekcij o narodnom i gosudarstvennom hozyajstve, chitannyj EIV Velikomu knyazyu Mihailu Aleksandrovichu v 1900-1902 gg. SPb., 1912. 588 c.

6. Drozdova N.P. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v Rossii pri stroitel'stve i ekspluatacii zheleznyh dorog v XIX – nachale XX vv. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya Me-nedzhment. 2015. Vyp. 2. S. 74 – 115.

7. Zaks E. Ekonomika zheleznodorozhnogo transporta i ego rol' v narodnom hozyajstve. Emil' Zaks; per. s nem. A.I. Zaka. M.: Transpechat', 1923. 251 s.

8. Kolpakov P.A. Istoricheskij ocherk o primenenii osobogo administrativno-pravovogo rezhima v celyah obespecheniya ekonomicheskoj bezopasnosti gornorudnoj promyshlennosti i metallurgii na otdel'nyh territoriyah Rossijskoj imperii v XIX v. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2021. № 2(58). S. 164 – 173.

9. Komitety zheleznodorozhnye. Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890-1907.

10. Logvinova R.M. Sushchestvuyushchaya mirovaya transportnaya sistema i mesto Rossii v nej (zheleznodorozhnyj transport). Vestnik sel'skogo razvitiya i social'noj politiki. 2016. № 2 (10). S. 2 – 6.

11. Plotnost' zheleznodorozhnyh putej obshchego pol'zovaniya na 10000 kvadratnyh kilometrov territorii po sub"ektam Rossijskoj Federacii.xlsx (Tablica) [Elektronnyj resurs]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/23455# (data obrashcheniya 08.11.2021)

12. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. 17. CH. 1. № 15265.

13. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. 32. CH. 1. № 31448.

14. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. 33. CH. 1. № 32713.

15. Sbornik svedenij o zheleznyh dorogah v Rossii. Otdely 1 i 2. SPb.: Tipografiya I. SHumahera, 1867. 409 s.

16. Strategiya razvitiya zheleznodorozhnogo transporta v Rossijskoj Federacii do 2030 goda, utverzhdennaya Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii ot 17 iyunya 2008 g. № 877-r. [Elektronnyj resurs]. Pravitel'stvo Rossijskoj Federacii. URL: http://static.government.ru/media/files/DkdcT7dHs4fGLrhkK5llk0egvr4rA2QZi.pdf (data obrashcheniya 08.11.2021)

17. Tarasov N.K. Rossijskaya policeistika konca XIX – nachala XX veka ob osnovaniyah i predelah mer gosudarstvennogo prinuzhdeniyah. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 4 (89). S. 51 – 60.

18. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 2 iyulya 2021 g. № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs]. Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossijskoj Federacii. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (data obrashcheniya: 08.11.2021)

19. Ekspluatacionnaya dlina zheleznodorozhnyh putej obshchego pol'zovaniya.xlsx (Tablica) [Elektronnyj resurs]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/23455# (data obrashcheniya 08.11.2021)

Kolpakov P.A., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.),
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia

EVALUATION OF PRIVATE RAILWAY PROJECTS AS A MECHANISM FOR POLICING THE ECONOMIC SECURITY OF THE INDUSTRY DURING THE REIGN OF ALEXANDER II

Abstract: the article is devoted to the study of the experience of evaluating private railway projects as a mechanism of policing (implemented by the state, aimed at preventing malicious damage) of the economic security of railway transport as an industry in the era of Emperor Alexander II, when concession agreements for the construction of railways by private entrepreneurs were most widespread. As a result of the conducted research, the reasons for the appeal of the Russian monarchy to private capital and increasing its importance in the development of the railway network since the beginning of the second half of the XIX century were identified; flaws in the conditions for investing money in the railway complex offered by the state to private entrepreneurs were identified; the content of the state's police function in assessing the reliability of proposals for the construction of railways was determined; the content of the mechanism of policing the economic security of railway transport that existed in the era of Alexander II when evaluating private railway construction projects was formulated; projects that had an obvious focus on enriching initiators without the intention of taking actions aimed at the real development of the railway complex were analyzed.

Keywords: railways, railway construction, private capital, public-private partnership, concession, economic security, project evaluation, Alexander II

Никитин Д.С., кандидат исторических наук,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

АНГЛО-ИНДИЙЦЫ НАЧАЛА XX В. В ВОСПРИЯТИИ ИНДИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ (НА ПРИМЕРЕ АУРОБИНДО ГХОША И ГАЗЕТЫ «КАРМАЙОГИН»)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности восприятия индийскими революционерами начала XX в. англо-индийского сообщества – особой прослойки населения Британской Индии. На примере статей бенгальского националиста Ауробиндо Гхоша, опубликованных в 1909-1910 гг. в газете «Кармайогин», показаны изменения в отношении к британскому правлению и англо-индийскому сообществу, произошедшие в индийском национальном движении в исследуемый период. В отличие от умеренного крыла Индийского национального конгресса, радикалы требовали принятия более активных и действенных методов борьбы с целью скорейшего освобождения Индии от британской власти. В условиях подготовки реформы Морли-Минто 1909 г., считавшейся в революционных кругах недостаточной и малоэффективной, радикалы обвиняли умеренных в сотрудничестве с англо-индийской бюрократией, критиковали консервативную англо-индийскую прессу, призывавшую правительство к применению репрессивных мер против революционеров, однако признавали при этом огромную роль англичан в истории Индии, в становлении ее политической культуры. Результаты исследования могут быть использованы при изучении колониализма и истории колониальных обществ, особенностей зарождения и развития национально-освободительных движений в странах Азии, политической культуры Индии начала XX в.

Ключевые слова: Британская Индия, англо-индийцы, Бенгалия, Ауробиндо Гхош, «Кармайогин», национальное движение

Серия раннебуржуазных революций начала XX в. в колониальных и полуколониальных странах («пробуждение Азии») обострила отношения между коренным населением и европейскими поселенцами. Эта тенденция затронула и те территории, где революционная ситуация не переросла в революцию – главным образом, Британскую Индию, где, в силу полуторавекового господства англичан, сформировалась относительно немногочисленная, но устойчивая прослойка англо-индийского населения, представленного как чиновниками колониального аппарата, так и «неофициальными» (от английского «unofficial») лицами – плантаторами, торговцами, служителями культа и т.д. В реалиях XIX – начала XX в. (вплоть до переписи населения 1911 г.) под термином «англо-индийцы», как правило, понимались лица британского происхождения, родившиеся или постоянно проживавшие в Индии [1, с. 151]. Именно эта категория населения выступала олицетворением британской власти, поскольку ее представители осуществляли непосредственное управление «на местах», и потому вопрос о характере взаимоотношений между англо-индийцами и основной частью населения в годы усиления революционной активности принимает особое значение для понимания механизмов функционирования колониального общества начала XX в.

Отправной точкой для индийского варианта «пробуждения Азии» стал осуществленный вице-королем Британской Индии лордом Керзоном в октябре 1905 г. раздел Бенгальского президентства на две провинции, в результате которого произошло не выделение территорий с преимущественно небенгальским населением в отдельную административно-территориальную единицу, а раскол бенгальского народа по религиозному признаку – новую провинцию (Восточная Бенгалия и Ассам) составили в основном земли, населенные мусульманами. На фоне прочих принимавшихся лордом Керзоном мер, направленных на снижение влияния индийских националистов в обществе, раздел Бенгалии был воспринят значительной частью населения как попытка «расколоть бенгальскую нацию», что, в свою очередь, привело к началу движения свадеши (бойкота иностранных товаров) и усилению революционных тенденций в национальном движении.

С начала XX в. в Бенгалии возникали тайные общества [2, p. 470], целью которых становилась борьба за независимость Индии от Великобритании – в том числе, и вооруженным путем. В отличие от умеренных деятелей Индийского национального конгресса (ИНК) [3, p. 6], в своих идейно-политических воззрениях заговорщики отталкивались не от европейской либеральной мысли, а от переосмысления религиозных традиций индуизма, продолжавшегося на протяжении практически всего предшествующего столетия [4]. В частности, заметное место в идеологии радикальных сторонников индийской самостоятельности занимала концепция «карма-йоги» – «йоги действия»,

получившей, благодаря усилиям неоиндуистского философа Свами Вивекананды, известность и в среде европейских интеллектуалов [5, с. 17-26]. В среде индийских националистов «карма-йога» понималась как деятельность, направленная на достижение свараджа (независимости или самоуправления) – лидер националистов Махараштры Бал Гангадхар Тилак, в частности, писал, что «карма-йога ведет к свараджу» [6, p. 245].

Новые веяния в национальном вопросе привели и к появлению новых, ярких лидеров-националистов. Одним из них стал Ауробиндо Гхош (1872-1950) – поэт и философ, основатель интегральной йоги. Гхош, который получил образование в Англии, по возвращении в Индию в 1893 г. служил на различных административных должностях, и сравнительно поздно включился в национально-освободительное движение. Короткий, но яркий период активной борьбы, окончившийся в 1910 г., ознаменовался изданием газет «Банде Матарам» и «Кармайогин», ставших заметным событием бенгальской общественно-политической жизни того времени.

Если «Банде Матарам» была ежедневным изданием, выходившем на пике движения свадеши, то «Кармайогин», первый номер которого увидел свет летом 1909 г., выходил уже на спаде движения [7]. Это, однако, не повлияло на остроту поднимавшихся в журнале вопросов, среди которых заметное место занимала и проблема взаимоотношений с англо-индийцами.

Важной особенностью исследуемого периода была подготовка реформы законодательных советов (реформа Морли-Минто 1909 г.), которая проводилось открыто, с учетом мнения разных слоев населения, и с привлечением лидеров умеренного крыла ИНК – в частности, Г. К. Гокхале. После раскола Конгресса в декабре 1907 г. и выхода радикальной фракции из его состава Гхош в «Кармайогине» рассматривает умеренных как союзников «Англо-Индии» [8, p. 419, 379, 377, 337, 117]. «Горячие патриоты бенгальской умеренной школы, ликующие в рядах Англо-Индии» [8, p. 117] выступают предателями национального дела, поскольку поддерживают «сокрушающую новый дух политику Морли» [8, p. 117], а их логика «близка логике англо-индийцев, призывающих нас быть довольными и лояльными потому, что Англия – не Россия, и репрессии здесь никогда не бывают столь же дикими, как репрессии там» [8, p. 119]. Такая позиция Гхоша объясняется тем, что радикальное крыло индийских националистов не принимало положений реформы, поскольку считало ее недостаточной, не отвечавшей потребностям Индии. Схожим образом относился к политике властей и Б.Г. Тилак, неоднократно выступавший с критикой индийского правительства до своего ареста в 1908 г. [6]. Таким образом, статьи Гхоша подчеркивали разницу позиций умеренного руководства Конгресса и не входящей в состав ИНК радикальной фракции, которая на фоне протестов по поводу раздела Бенгалии становилась все более популярной.

Другой стороной вопроса о грядущей реформе была идея особого представительства мусульман в законодательных советах, и в контексте взаимоотношений англо-индийского сообщества с религиозными общинами Индии Гхош высказывал опасения, что национальное движение может пойти на поводу у «низкого мотива» – соперничества с мусульманами, проистекавшего из «официального покровительства и англо-индийской благосклонности», в силу которых схема реформ расценивалась как промусульманская [8, p. 303]. Гхош предполагал, что в том случае, если индусская община погрязнет в политических противоречиях с мусульманами, «националистическая партия не сможет присоединиться к движению» [8, p. 303]. Действительно, развитие движения свадеши сопровождалось индусско-мусульманскими столкновениями как в Бенгалии [2, p. 444], так и в других провинциях, а схема реформ, предполагавшая создание отдельных избирательных курий для мусульман, зачастую расценивалась индусами как чрезмерная уступка англо-индийского чиновничества мусульманскому меньшинству.

Отношение англо-индийского сообщества к росту политической активности в годы революционного подъема также становилось предметом внимания «Кармайогина». В одном из публичных выступлений (текст которого был опубликован в газете) Гхош анализировал взгляды англо-индийского сообщества на политические ассоциации и объединения, возникавшие в Индии. Гхош утверждал, что первые политические ассоциации «искали помощи у других и не обращались к внутренним источникам силы» [8, p. 72], но впоследствии принципы политической организации стали меняться, ассоциации перестали быть «инструментом для выражения растущей идеи» [8, p. 73], а превратились в действенное средство, и определенную роль в этой трансформации играли, по мнению Гхоша, англо-индийцы: «Наши англо-индийские братья, которым мы так многим обязаны, оказали нам услугу еще и тем, что они всегда насмехались над нами как над слабосильными, людьми, которые были обречены на вечное рабство и всегда были расой рабов, потому что у народа Бенгалии не было воинского дара, потому что они физически не сильны, потому что тот, кто решит нанести им удар, может нанести его и не ожидать ответного удара» [8, p. 73]. События, раз-

вернувшиеся после раздела Бенгалии, заставили англо-индийцев «сменить тон» [8, p. 74] и убедиться в растущей силе индийского самосознания.

По мнению Гхоша, англо-индийская общественность в начале века была озабочена постоянными поисками «пугала», на которое можно было бы возложить вину за растущее народное недовольство, однако опасения оказывались беспочвенными. Сначала на эту роль был избран «король Бенгалии» Сурендранат Банерджи, но в 1909 г. он был объявлен «опорой Британской империи, представителем Индии, за которым стоит могущественная организация, поклявшаяся в верности, сотрудничестве и поддержке реформы Морли» [8, p. 146]. Впоследствии «главной опасностью для Империи» был объявлен популярный бенгальский националист Б.Ч. Пал, а затем – основатель лондонского журнала «Индийский социолог» Ш. Кришнаварма. Поиски «врага», согласно Гхошу, превратили англичан в «в нервную дрожащую старуху, влюбленную в воображаемые ужасы» [8, p. 147]; однако в индийских условиях того времени подобные явления в британской и англо-индийской прессе возникали из-за участившихся случаев нападений на англичан в Индии. В апреле 1908 г. в результате террористического акта в Музаффарпуре погибли жена и дочь адвоката П. Кеннеди, и начавшийся в мае судебный процесс по этому делу вызвал большой общественный резонанс [9, f. 112-113]. Алипурский процесс, на котором Ауробиндо Гхош был одним из обвиняемых, но был оправдан, освещался в англо-индийской прессе. Гхош отмечал, что оценки результатов процесса в ведущих англо-индийских изданиях показывают мнение «англичанина, деморализованного империей», считающего, что «суды должны не заниматься выяснением истины, а использоваться в качестве политического инструмента для мести и запугивания политических противников» [8, p. 328]. Вместе с тем, Гхош критиковал только указанную «деморализованную империей» часть англо-индийского сообщества, полагая, подобно многим своим современникам, что англичане принесли Индии и много пользы [8, p. 73]. Не отрицая существования террористического крыла в движении индийских националистов, Гхош подчеркивал, что он и его соратники являются сторонниками мирной революции с целью скорейших преобразований в системе управления Индией [8, p. 328], а не изгнания всех англичан из страны.

В 1910 г. Ауробиндо Гхош уехал из британских владений и поселился в принадлежащем Франции Пондишери, где окончательно обратился к практикам йоги и отошел от политической деятельности. Издание «Кармайогина» прекратилось. Однако популярность революционного крыла национального движения в Индии продолжала расти, неудовлетворенность индийского общества результатами реформы Морли-Минто и инертность конгрессистских умеренных вела к пересмотру тактики национального движения. Англо-индийское сообщество, большая часть которого с момента возникновения национального движения относилась к нему отрицательно, не приняло этих перемен, и в начале XX в. число активных сторонников индийских националистов среди англо-индийцев сокращалось. В свою очередь, индийские революционеры, не разделявшие идеологию умеренных, иным образом оценивали роль Англии в истории Индии и взаимоотношения между колонией и метрополией. Средства, с помощью которых умеренные стремились добиться медленной, последовательной трансформации страны в самоуправляемое владение Великобритании, представлялись радикалам малоэффективными, а попытки соглашения и сотрудничества с англо-индийской бюрократией – ошибочными. Поэтому в отношении революционеров к англо-индийскому сообществу в исследуемый период наблюдается определенная двойственность. С одной стороны, революционеры признавали большие заслуги англо-индийцев в приобщении Индии к европейской политической культуре и не выступали против «неофициальной» части сообщества, но, с другой стороны, активная программа действий приводила их к столкновениям с англо-индийской бюрократией и прессой. Усилению напряженности между индийцами и англо-индийским сообществом способствовало как появление тайных обществ, принявших террор в качестве метода борьбы против британских колонизаторов, поскольку в результате террористических актов страдали и случайные лица, не являвшиеся целью террористов, так и движение свадеши, в результате которого возросло число преступлений против европейских поселенцев.

Таким образом, в статьях Ауробиндо Гхоша для газеты «Кармайогин» в 1909-1910 гг. отразились многочисленные противоречия бурного периода революционного подъема в истории Индии, нашедшие свое выражение, в том числе, и во взаимоотношениях с англо-индийским сообществом, непосредственно осуществлявшим управление административным аппаратом колоний.

Литература

1. Савинов И.Н. Англо-индийская община в XIX в.: основные направления развития и социальной адаптации // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв. № 8. Сер.: Альбионика. Вып. 4. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 151 – 157.
2. Sarkar S. The swadeshi movement in Bengal, 1903-1908. New Delhi: People's Publishing House, 1973. 564 p.
3. Argov D. The ideological differences between moderates and extremists in the Indian national movement. London, 1964. 302 p.
4. Скороходова Т.Г. Духовные искания индийской интеллигенции и универсализация индуизма // Культура и искусство. 2015. № 2. С. 122 – 132. DOI: 10.7256/2222-1956.2015.2.14314
5. Роллан Р. Вселенское Евангелие Вивекананды. Самара : Самарский дом печати, 1994. 224 с.
6. Bal Gangadhar Tilak. His writings and speeches. Madras : Ganesh & Co, 1922. 426 p.
7. Шри Ауробиндо. О себе. СПб.: Адити, 2010. 590 с.
8. Sri Aurobindo. Karmayogin. Political Writings and Speeches, 1909-1910. Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram Press, 1997. 471 p.
9. Proposed Amendment of the Press and Registration of Books Act XXV of 1867. Bill for the Prevention of Incitements to Murder and to Other Offences in Newspapers // National Archives of India. Home Political A. 1908 Jun. P. 57 – 86. URL: https://www.abhilekh-patal.in/jspui/handle/123456789/2724040

References

1. Savinov I.N. Anglo-indijskaya obshchina v XIX v.: osnovnye napravleniya razvitiya i social'noj adaptacii. Imagines mundi: al'manah issledovanij vseobshchej istorii XVI-XX vv. № 8. Ser.: Al'bionika. Vyp. 4. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013. S. 151 – 157.
2. Sarkar S. The swadeshi movement in Bengal, 1903-1908. New Delhi: People's Publishing House, 1973. 564 p.
3. Argov D. The ideological differences between moderates and extremists in the Indian national movement. London, 1964. 302 p.
4. Skorohodova T.G. Duhovnye iskaniya indijskoj intelligencii i universalizaciya induizma. Kul'tura i iskusstvo. 2015. № 2. C. 122 – 132. DOI: 10.7256/2222-1956.2015.2.14314
5. Rollan R. Vselenskoe Evangelie Vivekanandy. Samara : Samarskij dom pechati, 1994. 224 s.
6. Bal Gangadhar Tilak. His writings and speeches. Madras : Ganesh & Co, 1922. 426 p.
7. SHri Aurobindo. O sebe. SPb.: Aditi, 2010. 590 s.
8. Sri Aurobindo. Karmayogin. Political Writings and Speeches, 1909-1910. Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram Press, 1997. 471 p.
9. Proposed Amendment of the Press and Registration of Books Act XXV of 1867. Bill for the Prevention of Incitements to Murder and to Other Offences in Newspapers. National Archives of India. Home Political A. 1908 Jun. P. 57 – 86. URL: https://www.abhilekh-patal.in/jspui/handle/123456789/2724040

Nikitin D.S., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.),
National Research Tomsk State University

ANGLO-INDIANS OF THE EARLY XX CENTURY IN THE PERCEPTION OF INDIAN REVOLUTIONARIES (AUROBINDO GHOSH AND THE «KARMAYOGIN» NEWSPAPER)

Abstract: the article examines the peculiarities of the perception of the Anglo-Indian community by the Indian revolutionaries of the beginning of the XX century. Using the example of articles by the Bengali nationalist Aurobindo Ghosh published in 1909-1910 in the newspaper Karmayogin, the changes in attitude towards British rule and the Anglo-Indian community that occurred in the Indian national movement during the period under study are shown. Unlike the moderate wing of the Indian National Congress, the radicals demanded the adoption of more active and effective methods of struggle in order to liberate India from British rule as soon as possible. In the context of the preparation of the Morley-Minto reform of 1909, which was considered insufficient and ineffective in revolutionary circles, the radicals accused the moderates of collaborating with the Anglo-Indian bureaucracy, criticized the conservative Anglo-Indian press, but at the same time recognized the important role of the British in the history of India and the formation of its political culture. The results of the research can be used in the study of colonialism and the history of colonial societies, the peculiarities of the origin and development of national liberation movements in Asian countries, the political culture of India at the beginning of the XX century.

Keywords: British India, Anglo-Indians, Bengal, Aurobindo Ghosh, «Karmayogin», national movement

Астанина Е.А., кандидат исторических наук, доцент,
Тихоокеанский государственный университет,
Цуканов С.С., кандидат исторических наук, доцент,
Дальневосточный филиал Российского
государственного университета правосудия

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РСФСР В 1937 Г.

Аннотация: интерес со стороны современных исследователей к проблеме взаимоотношений власти и общества в советский период обращает внимание на региональный аспект этого вопроса. Предметом исследования статьи является советская молодежная политика и ее реализация на Дальнем Востоке. На основе архивного материала рассматривается политическое и военно-патриотическое направления политики ВКП(б) и ВЛКСМ в 1937 г. Принятие новой Конституции в декабре 1936 г. и обострение международной обстановки актуализировало необходимость усиления работы партийных и комсомольских органов по указанным направлениям. Повышение политической грамотности и военно-патриотическая подготовка становятся приоритетными задачами в работе с молодежью со стороны молодежных организаций Дальнего Востока. Учитывая, что 1937 г. ознаменовался очередным витком репрессий, рассмотрение реализации молодежной политики в один из сложных периодов истории СССР представляет особое научное значение.

Ключевые слова: Дальний Восток, военно-патриотическое воспитание, молодежная политика, комсомольская организация, оборонная работа, политическая грамотность

Введение новой Конституции СССР, утвержденной 5 декабря 1936 г. VIII чрезвычайным съездом Советов, было воспринято комсомольскими организациями «как коренной поворот» в работе с молодежью. В докладе А.В. Косарева на майском пленуме ЦК ВЛКСМ было заявлено о необходимости еще большего «вовлечения молодежи в политическую жизнь страны, в работу по управлению государством, в усилении политической активности молодежи» Эта задача по мнению первого секретаря «обязывает ВЛКСМ к коренному улучшению всей своей политико-воспитательной работы среди молодежи и усиливает ответственность комсомола перед ВКП(б) за организацию и за правильное руководство всей молодежью СССР» [6. Оп. 2. Д. 132. Л. 10].

Решением пленума было принято включить в повседневную работу комсомольских комитетов организацию изучения ленинизма, ключевых событий истории партии, текущей политики советской, подготовку к выборам в Советы по новой избирательной системы, как среди комсомольцев, так и несоюзной молодежи. Внимание заслуживает также решение о восстановлении обсуждения положения внешнего положения СССР [6. Оп. 2. Д. 132. Л. 14]. Обострение международной обстановки, которое постепенно вызревало на протяжении 1930-х гг., перешло в активную фазу, поэтому не случайно еще одним направлением, на которое комсомольским организациям следовало сделать упор, становится оборонная работа или военно-патриотическое воспитание молодежи.

Вопросы повышения военно-политической грамотности всегда были в приоритете на Дальнем Востоке, особенно, учитывая его приграничное положение и удалённость от центра. Еще 25-28 января 1937 г. на очередном пленуме ДКК ВЛКСМ было уделено особое внимание выполнению решений комсомольских съездов и ЦК ВЛКСМ относительно политического и военного образования молодежи. Характерной является справка о политработе в г. Комсомольске: «Создана и работает сеть кружков и школ политического образования комсомольцев и молодежи – 70 политшкол и 85 кружков по изучению основных моментов истории партии. Горком сумел подобрать большую группу подготовленных пропагандистов из числа комсомольцев и партийного актива. Однако работа с пропагандистами организована плохо (…). Оборонная работа и особенно противовоздушная оборона преданы забвению» [5. Оп. 1. Д. 310. Л. 203-204].

Подобное положение дел носило не единичный характер. Так, проверка состояния политического образования на ликеро-водочном заводе и кирпичном заводе № 2 Сталинского района г. Хабаровска в начале весны 1937 г. отметила «На спиртоводочном заводе работает до 100 человек молодежи, в большинстве девушки, а учатся только в школе политграмоты 3 человека. На кирпичном заводе № 2 внесоюзная молодежь вовсе не учится, а там работает 220 человек. Конституция не изучается» [3. Оп. 1. Д. 8. Л. 66].

Следуя решениям Пленума ЦК ВЛКСМ, выход из сложившейся ситуации бюро Хабаровского ОК ВЛКСМ видело в обеспечении учебой в политшколах и кружках всех комсомольцев, вовлечении в эти кружки лучшей передовой части

внесоюзной молодежи, а также организации лекций для молодежи по вопросам текущей политики и международного положения [3. Оп. 1. Д. 8. Л. 66].

5 марта Хабаровское бюро ОК ВЛКСМ приняло постановление «О ходе изучения новой Сталинской Конституции». Согласно постановлению все райкомы комсомола совместно с РайОНО должны были срочно проверить пригодность имеющихся преподавателей по Конституции и прислать подробные характеристики на каждого из них в обком ВЛКСМ. Кроме того, все райкомы ВЛКСМ и комсомольские организации школ были обязаны провести с учащимися 7, 8, 9 и 10 классов беседы о необходимости изучения Сталинской Конституции и организовать соцсоревнования среди учащихся «за отличное усвоение конституции и за отличную работу» [3. Оп. 1. Д. 8. Л. 48].

Через месяц бюро ДКК ВЛКСМ отметило, что «комсомольские организации совершенно неудовлетворительно организуют борьбу за глубокое усвоение Конституции, недостаточно разъясняли учащейся молодежи всю важность изучения Сталинской Конституции» [5. Оп. 1. Д. 312. Л. 97]. В связи с этим было принято решение о замене преподавателей и проведении регулярных докладов о ходе изучения Конституции [5. Оп. 1. Д. 312. Л. 98].

Однако принятые весной постановления о работе по политическому воспитанию молодежи очень тяжело реализовывались на практике. При слушании 9 мая на заседании бюро ДКК ВЛКСМ доклада «О предварительных итогах приема сети политобразования комсомольцев», выяснилось, что значительное количество комсомольцев до сих пор не обучается в политшколах и кружках. Так, в Михайлово-Амурском районе из 442 комсомольцев обучается всего 109 человек, в Шмаковском из 612 – 271. Кроме того, «имеют место факты, когда в начальных политшколах наряду с комсомольцами с высшим и средним образованием занимаются малограмотные» (Завитинский, Могочинский, Молотовский, Бурятинский районы) [5. Оп. 1. Д. 312, Л. 126].

Такая же ситуация прослеживалась и с организацией работы политшкол и кружков. В Ханкайском районе из 25 пропагандистов не было утверждено 18 человек, в Шмаковском из 27 – 9, в Посьетском из 96 – 29. Не утверждались на бюро большинства райкомов также учебные планы, состав политшкол и кружков. Однако самым нетерпимым фактом отмечалось то, что «значительная часть кружков по изучению основных этапов истории ВКП(б) не перешли еще на новую программу, не проинструктировали тщательно каждого в отдельности пропагандиста по вопросам перехода на новую программу» [5. Оп. 1. Д. 312, Л. 126].

31 июля бюро Хабаровского ОК утвердило смету на комсомольское политобразование на 1937 г. В постановлении были утверждены ставки штатных пропагандистов. По г. Хабаровску было утверждено 5 ставок с окладом 400 руб. в месяц. По сельским райкомам (Нанайский, Постышевский, Лазовский, Калининский, Кур-Урмийский): по одному штатному пропагандисту с окладом от 300 до 350 руб. [3. Оп. 1. Д. 8. Л. 104]. Безусловно, при всех вышеперечисленных недостатках постановки политико-воспитательной работы, такое количество ставок пропагандистов была крайне низким.

С утверждением в июле «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» [2, с. 2-14] и началом осенью избирательной кампании, вопрос политической грамотности еще более актуализировался. Необходимо было подготовить комсомольские организации к выборам в Советы согласно новой избирательной системе.

28 октября бюро ДКК ВЛКСМ приняло постановление, согласно которому комсомольские организации должны были провести собрания рабочей, колхозной и учащейся молодежи по разъяснению избирательного закона; взять шефство над избирательными участками, помочь оборудовать их: оформить лозунгами, плакатами, помочь сделать ящики для голосования [1, с. 107]. Кроме того, все первичные организации должны были «проверить наличие неграмотных среди рабочих, колхозников, служащих и их семей, прикрепить к ним комсомольцев для разъяснения избирательного закона, порядка выборов вплоть до голосования, с тем, чтобы не дать возможности врагу использовать неграмотность отдельных людей для вражеской агитации» [5. Оп. 1. Д. 314. Л. 14]. При выполнении постановления, комсомольским организациям надлежало связаться с подшефными частями Красной Армии, Тихоокеанского Флота и Амурской флотилией для помощи территориальным организациям. В села было решено отправить группы агитаторов для разъяснения избирательного закона, а опыт лучших из них осветить на страницах газет «Тихоокеанский комсомолец» и «Знамя пионера» [5. Оп. 1. Д. 314. Л. 15].

Материалы о работе советов исполкомов Хабаровской области свидетельствуют о том, что в период подготовки и проведения выборов по изучению Конституции и Положения о выборах в Верховный Совет было организовано 2173 кружков, которые своей работой охватили 49 тыс. избирателей, проведено 1660 бесед-читок. Всего по Хабаровской области было задействовано 1546 агитаторов, большая часть которых была молодежь [4. Оп. 1. Д. 112. Л. 50]. Такими конкретными дей-

ствиями со стороны дальневосточного комсомола решалась задача по III пленума ЦК ВЛКСМ о вовлечении молодежи в политическую жизнь страны.

Военно-патриотическое воспитание реализовывалось главным образом через оборонную работу. Она входила в сферу деятельности Общества содействия авиационному и химическому строительству СССР (Осоавиахим), которое занималось подготовкой молодых людей к последующей службе в Вооруженных Силах. Большое внимание уделялось системе ПВХО, а также подготовке значкистов ГСО и ГТО, а также юных ворошиловских стрелков.

4 марта 1937 г. на заседании бюро ДКК ВЛКСМ был рассмотрен вопрос «Об участии комсомола в организационном укреплении первичных организаций Осоавиахим». Выяснилось, что «организации не ведут никакой воспитательной работы с членами общества, не организуют военного воспитания молодежи». Было решено провести по краю отбор 500 человек из числа комсомольского актива для работы председателями первичных организаций со следующей разверсткой по областям края: Приморская область – 100 человек, Хабаровская и Уссурийская по 80, Амурская – 65, Нижне-Амурская – 30, Зейская – 45, Еврейская и Сахалинская по 40 человек, Камчатская – 20 [5. Оп.1. Д. 312. Л. 54].

Уже через месяц 3 апреля бюро Хабаровского ОК ВЛКСМ повторило краевое решение, увеличив количество комсомольцев – активистов по области до 100 человек. Разверстка по райкомам Хабаровской области: Хабаровский ГК – 35, Лазовский РК – 5, Бикинский – 7, Постышевский – 5, Нанайский – 5, Комсомольск – 20, Вяземский – 5, Калининский – 8, Кур-Урмийский – 5, Хабаровский сельский – 5 [3. Оп. 1. Д. 8. Л. 68-69].

Учитывая неудовлетворительное состояние оборонной работы в физкультурных организациях Хабаровской области, 20 апреля бюро ОК ВЛКСМ постановило обратить основное внимание на организацию и проведение следующих мероприятий: «максимальное развитие и систематическое обучение физкультурников средствам защиты и нападения; организовать военно-морскую учебу в секции прыгунов в воду, автомотоклуб, секции – стрелковую, велосипедистов, парашютную, и планерную» [3. Оп. 1. Д. 8. Л. 87].

Необходимость военно-политического воспитания транслировалась и на страницах периодической печати. 13 марта было принято сразу два постановления бюро ДКК ВЛКСМ относительно двух газет – «Тихоокеанский комсомолец» и «Знамя пионера». Редакции «Тихоокеанский комсомолец» постановлялось освещать опыт работы армейского комсомола, пропагандировать на своих страницах различные военные специальности, показывать конкретных людей, владеющих ими, а также приступить к популяризации нового военно-полевого устава [5. Оп. 1. Д. 312. Л. 68]. Подобная работа отводилась и редакции «Знамя пионера»: полнее освещать героику Дальнего Востока, жизнь и борьбу пограничников, бойцов ОКДВА знакомить с биографиями выдающихся полководцев страны; помогать читающим овладевать военными знаниями, отдельных военных специальностей (связисты, пулеметчики, танкисты, саперы) [5. Оп. 1. Д. 312. Л. 71].

22 марта ДКК ВЛКСМ утвердил Контрольные цифры по подготовке специальных и массовых военно-санитарных кадров в системе Красного Креста на 1937 г. Согласно плану по Дальнему Востоку необходимо было подготовить 43 тыс. значкистов ГСО 1 степени, 2650 значкистов ГСО 2 степени, 32 дружины, провести 2060 курсов медицинских сестер [5. Оп. 1. Д. 312. Л. 83].

7 апреля в Хабаровский областной комитет Российского Общества Красного Креста (РОКК) был направлен документ, обязывающий «основной упор в организации всей военно-санитарной работы взять на полное выполнение присланных контрольных цифр». При этом, первостепенной задачей в этой работе подчеркивалось обеспечение массовой подготовки значкистов 1 ступени ГСО из числа комсомольцев и внесоюзной молодежи со 100% охватом женской молодежи. Далее в документе отмечалось: «В вопросе организации санитарной помощи в условиях военного времени будут играть особое значение кадрово-санитарные дружины, поэтому их укомплектование должно быть произведено полностью из наиболее подготовленных людей. Конечно, обязательно, чтобы в составе дружин, комсомольская прослойка составляла бы превалирующую часть, а начальники дружин обязательно были бы комсомолки значкисты 2 ступени» [5. Оп. 1. Д. 312а. Л. 69].

Основным способом вовлечения молодежи в оборонное движение, как и прежде, оставалась военная пропаганда. В апреле бюро Хабаровского ОК ВЛКСМ приняло решение всем комсомольским горкомам и райкомам области, во-первых, немедленно приступить к вербовке в военные училища, особенно охватить своей работой средние учебные заведения и рабочую молодежь предприятий, а во-вторых, организовать широкую разъяснительную и справочную работу среди молодежи через печать и особые объявления о порядке поступления в военные училища. Лучшие комсомольцы должны были объединяться в бригады по вербовке в военные училища в

средних учебных заведениях и на предприятиях [3. Оп. 1. Д. 8. Л. 77]. Подобными мерами предполагалась подготовка молодежи для вступления в состав Вооруженных сил.

Однако в целом по краю военно-патриотическая работа была налажена неудовлетворительно. Особенно это касалось сельской местности, где оборонная работа была поставлена гораздо ниже, чем в городе. Недостаточное финансирование и невнимание со стороны государственных органов и комсомольских организаций являлись главными причинами подобного положения.

Так, 19 марта бюро Хабаровского ОК при рассмотрении вопроса «О работе первичных организаций ВЛКСМ пограничного села Виноградовки Вяземского района» отметило крупные недостатки в развертывании массовой оборонной работы: «Первичная организация Осоавиахима до сих пор не организована, ворошиловских стрелков нет и не готовятся, отсутствуют мелкокалиберные винтовки, патроны, противогазы и популярная военная литература ГАХК. Ф. 967. Оп. 1. Д. 8. Л. 62. Закономерным было решение ОК исправить недостатки, поручив «отделу крестьянской молодежи вместе с Облсоветом наметить и провести мероприятия по укрупнению массовой оборонной работы в пограничных селах» [3. Оп. 1. Д. 8. Л. 63-64].

Симптоматичным было утверждение через месяц учебного плана семинара секретарей первичных организаций ВЛКСМ колхозов, согласно которому из 110 часов – на изучение международного положения СССР, включая его географию с ведущими державами, и оборонные вопросы («изучение винтовки, противогаза, и вопросы подготовки населения к самозащите») отводилось по 20 часов [3. Оп. 1. Д. 8. Л. 73].

В рамках военной пропаганды проводились многочисленные мероприятия, призванные не только познакомить молодежь с военными специальностями, но и решить проблему финансирования. Так, ДКК ВЛКСМ в постановлении «О Дне авиации» от 28 июля 1937 г. определил одной из задач комсомольских организаций наряду с массово-политической работой способствующей ознакомлению молодежи с основами авиационной культуры провести сбор средств с трудящихся путем материальной базы аэроклубов, планерных и парашютных вышек и авиа-модельных мастерских [5. Оп. 1. Д. 313а. Л. 69].

10-17 октября на VII краевой конференции ВЛКСМ важнейшим участком работы комсомольской организации «особенно здесь на ДВК» было отмечено «укрепление обороноспособности нашей страны и военное обучением молодежи». Однако при этом подчеркивалось, что «враги народа возглавлявшие комсомольское и осоавиахимовское руководство в крае проводили линию на срыв военного обучения молодежи, подменяли повседневное руководство и проверку военного обучения молодежи парадной шумихой, очковтирательством и прожектерством» [5. Оп. 1. Д. 308. Л. 24].

Далее в документах конференции приводились результаты этого «срыва»: «Имеющиеся в крае 8 аэроклубов влачат жалкое существование, только 4 имеют свои аэродромы. Частые случаи аварии и поломок материальной части. Политработа в аэроклубах отсутствует» [5. Оп. 1. Д. 308. Л. 25]. Учитывая тот факт, что с середины 1937 г. начался новый виток репрессий, подобными разоблачениями с одной стороны создавался образ «врага народа», а с другой реализовывались задачи по военно-патриотическому воспитанию молодежи, которой следовало стать проводником политики советской власти.

11 ноября ДКК ВЛКСМ было принято постановление «О развертывании оборонной работы среди трудящейся молодежи края», которое подвело итог военно-патриотической работе 1937 г. Согласно этому решению предполагался широкий план по дальнейшему военному воспитанию дальневосточной молодежи. Перед ОК, ГК и РК ВЛКСМ совместно с политорганами организаций Осоавиахима ставились задачи в течение декабря: во-первых разработать практические мероприятия, а именно «во всех предприятиях, учреждениях, совхозах, колхозах, учебных заведениях, в средних школах сформировать молодежные учебно-боевые единицы (отделения, взводы, роты, батальоны). Амурскому, Хабаровскому, Приморскому и Нижне-Амурскому ОК и ГК Комсомольска организовать военно-морские отряды».

Во-вторых, «организовать кружки по изучению военного дела с учетом характера и значения производства и наличия территориально расположенных частей по родам войск. Просить командование частей о выделении кадров военруководителей в системе кружков военных знаний».

В-третьих, «просить штабы ОКДВА и ТОФ в разработке общей программы по примеру содержания курса молодого бойца и специальных программ для кружков связи, танкистов, ворошиловских всадников, пулеметчиков, а также программ для военно-морских кружков». Помимо этого предлагалось установить единые оборонные дни [5. Оп. 1. Д. 314. Л. 27].

Таким образом, перед комсомольскими организациями края ставилась генеральная задача всестороннего военного обучения молодежи. Центральная роль в обеспечении организации и конкретной реализации на практике оборонно-массовой работы отводилась комсомольскому ак-

тиву, представители которого назначались на руководящие посты в соответствующих организациях. Однако слабый организационный уровень, низкое финансирование и, в большинстве случаев, некомпетентность комсомольских руководителей в вопросах обороны становились препятствиями на пути реализации задачи.

Наряду с военно-политическим направлением молодежной политики, комсомольские организации продолжали проводить культурно-просветительную работу: борьбу с неграмотностью, детской беспризорностью, антирелигиозную пропаганду среди молодежи. Однако сложившаяся внутриполитическая и международная обстановка обуславливали выбор стратегических направлений молодежной политики, которая являлась привилегией партийно-государственного аппарата. Дальневосточное комсомольское руководство было подчиненно в политическом и идеологическом плане органам центральной власти, а потому не могло влиять на выбор как приоритетных направлений работы с молодежью, так и способов их реализации, которые делегировались ЦК ВЛКСМ и ЦК ВКП(б). Развитие политики по отношению к молодёжи проходило в крае в русле общегосударственной линии.

Литература

1. Астанина Е.А. Антирелигиозная пропаганда в работе дальневосточных комсомольских организаций в конце 1930-х гг. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10-1. С. 105 – 109.

2. Вестник Академии Наук. № 9. 1937. 50 с.

3. ГАХК – Государственный архив Хабаровского края. Ф. 967 (Хабаровский обком ВЛКСМ г. Хабаровска). Оп. 1. Д. 8.

4. ГАХК – Государственный архив Хабаровского края. Ф. 1508 (Хабаровский областной Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Исполнительный комитет). Оп. 1. Д. 112.

5. ГАХК – Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-618 (Дальневосточный краевой комитет ВЛКСМ). Оп. 1. Д. 308, 310, 312, 312а, 313а, 314.

6. РГАСПИ – Российский государственный Архив социально-политической истории. Ф. М-1 (Центральный комитет ВЛКСМ). Оп. 2. Д. 132.

References

1. Astanina E.A. Antireligioznaya propaganda v rabote dal'nevostochnyh komsomol'skih organizacij v konce 1930-h gg. Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2014. № 10-1. S. 105 – 109.

2. Vestnik Akademii Nauk. № 9. 1937. 50 s.

3. GAHK – Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraya. F. 967 (Habarovskij obkom VLKSM g. Habarovska). Op. 1. D. 8.

4. GAHK – Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraya. F. 1508 (Habarovskij oblastnoj Sovet rabochih, krest'yanskih i krasnoarmejskih deputatov. Ispolnitel'nyj komitet). Op. 1. D. 112.

5. GAHK – Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraya. F. P-618 (Dal'nevostochnyj kraevoj komitet VLKSM). Op. 1. D. 308, 310, 312, 312a, 313a, 314.

6. RGASPI – Rossijskij gosudarstvennyj Arhiv social'no-politicheskoj istorii. F. M-1 (Central'nyj komitet VLKSM). Op. 2. D. 132.

Astanina E.A., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Pacific National University,
Tsukanov S.S., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice

MILITARY AND POLITICAL EDUCATION OF YOUTH IN THE FAR EAST OF THE RSFSR IN 1937

Abstract: the interest of contemporary researchers in the problem of government – society relations in the Soviet period draws attention to the regional aspect of this issue. The subject of the article is the Soviet youth policy and its implementation in the Far East. Based on archival material the political and military-patriotic policy of the CPSU (b) and the Komsomol in 1937 are considered. The adoption of the new Constitution in December 1936 and aggravation of the international situation actualized the necessity to intensify the work of party and Komsomol bodies on the above directions. Political literacy and military-patriotic training became priority tasks in the work with the youth of the regional youth organizations. Considering that 1937 was marked by another round of repressions, consideration of the implementation of youth policy during one of the difficult periods in the history of the USSR is of particular scientific importance.

Keywords: Far East, military-patriotic education, youth policy, Komsomol organization, defense work, political literacy

Куликова Т.Н., аспирант,
Ершова Т.В., доктор исторических наук, профессор,
Институт гуманитарных наук,
Московский городской педагогический университет

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ МОСКОВСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Аннотация: в статье рассматривается актуальная для исторической науки тема жилищных условий московского студенчества. Актуальность темы обусловлена необходимостью уточнения тех исторических факторов, которые стали поводом для студенческих волнений в исследуемый период. Одним из них является так называемый «жилищный вопрос» – проблема поиска жилья и устройства быта в период обучения в университете.

Автор статьи акцентирует свое внимание на бытовых вопросах, волновавших московских студентов в исследуемый период, а также на проблемах поиска жилья иногородних студентов, прибывших в Москву на обучение. Цель статьи заключается в выявлении особенностей жилищных условий московских студентов в конце XIX – начале XX веков.

Методология исследования основана на историческом подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также ряд специальных методов: контент-анализ научной литературы по теме исследования и метод ретроспективного анализа, метод источниковедческого анализа. По итогам проведенного исследования автор статьи пришел к следующим выводам: жилищные условия студенчества в Москве стали, несомненно, одним из факторов недовольства по причине отсутствия света, тепла и элементарных бытовых условий.

Ключевые слова: московское студенчество, жилищные условия, бытовые условия, Москва, исторический анализ

Актуальность темы обусловлена тем, что жилищно-бытовые трудности студенчества исследуемого периода стали поводом для роста недовольства и радикальных настроений этой части общества. Серьезной бытовой проблемой для студента конца XIX – начала XX вв. являлся поиск подходящего жилья. Доказательством данного тезиса служат материалы студенческой квартирной переписи, проведенной Обществом взаимопомощи студентов-юристов Московского университета, в Москве в 1907 году с целью выявления жилищных условий, в которых проживали студенты.

Данный документ является важнейшим источником изучения проблемы жилищных условий московских студентов в исследуемый период.

Согласно студенческой квартирной переписи, проведенной Обществом взаимопомощи студентов-юристов Московского университета [5, с. 23], студенты-москвичи часто меняли свое место жительства. Обычно искать жилье приходилось тем студентам, кто приезжал в Москву издалека, и был вынужден учиться вдали от дома. В Москве насчитывалось 74,3% учащихся высших учебных заведений, которые пользовались наемным жильем [5, с. 23].

Если сравнивать студенческую квартирную перепись, проведенную Обществом взаимопомощи студентов-юристов Московского университета в 1907 году, с переписью студентов из других городов (Томска – 75,5% [12, с. 39], Киева – 84% [6, с. 10], Харькова – 86,5% [2, с. 6]), то выясняется, что показатель числа иногородних студентов по Москве ниже. Это связано с тем, что в большей степени Московский университет пополнялся за счет студентов-москвичей.

Студенты из обеспеченных, зажиточных семей либо жили с родителями или с родственниками в собственных домах, либо снимали отдельные квартиры в аристократических районах Москвы: улицы Остоженка, Пречистенка, Арбат, Поварская, Большая и Малая Никитские. Таких студентов насчитывалось 22,2% (1682 человека) из 7596 опрошенных Обществом взаимопомощи студентов-юристов Московского университета в 1907 году [5, с. 20].

Студенчество, в основном провинциальная и беднейшая его часть, заселяло так называемый «Латинский квартал» Москвы, который располагался в местности Патриаршего пруда между двумя Бронными улицами, Малым Козихинским переулком – «Козихой» и Палашевским переулком. Здесь находилось множество мелких квартир, которые снимали студенты.

В начале Большого Козихинского переулка располагались «два больших заброшенных барских дома с флигелями» [1, с. 167]. Один из этих домов назывался «Чебышевской крепостью», или «Чебышами», по фамилии их владелицы, вдовы поручика Марьи Чебышевой, другой получил прозвище «Ад». Известный знаток нравов и быта

москвичей Гиляровский писал, что такое название дом получил из-за того, что в 60-х гг. XIX вв. здесь располагалась штаб-квартира кружка студентов-нечаевцев «Ад» [1, с. 167]. Студенты также заселяли несколько зданий домовладельца Гирша, который сдавал дешевые квартиры.

На этих улицах и переулках здесь можно было найти и снять маленькую квартиру. К началу учебного года на воротах домов появлялись объявления о сдаче комнат. Например, в своем парижском сборнике воспоминаний, посвященном «памяти русского студенчества», М. Осоргин, русский писатель, журналист, один из деятельных и активных масонов русской эмиграции, отмечал: «На Большой Бронной нет ворот без записки о комнате для студента, и выбор не легок… » [9, с. 13] Поселится здесь необходимо для того, чтобы окунуться и почувствовать атмосферу студенчества начала XX вв. « Устроить свое логово непременно нужно на Бронной или в одном из ее переулков – в Палашевском, Козихинском, до круга Садовой, потому, что тут живет ядро московского студенчества» [9, с. 13].

Снять отдельную квартиру могли себе позволить только 3,5% (243 опрошенных Обществом взаимопомощи студентов-юристов Московского университета в рамках студенческой квартирной переписи 1907 года), 74,3% (5668 человек) снимали часть квартиры или одну комнату [5, с. 22].

Комнаты были маленькими, темными и сырыми. Из мебели – только кровать, стол и стул, который тоже можно было использовать в качестве спального места. На случай прихода гостей можно было попросить у хозяйки второй стул. В своем парижском сборнике воспоминаний М. Осоргин пишет: «если появятся клопы – можно ножки кровати поставить в баночки с водой» [9, с. 13].

Помимо квартир с клопами, приходилось снимать квартиры со вшами и тараканами. Как вспоминает Л.П. Соколова-Ковальчук: «что всего хуже было на этой квартире, так это то, что мы нигде так не вшивились, как здесь. Вся эта нечисть переходила к нам от самой вшивой хозяйки и ее такой же дочери» [10, с. 172].

Темнота тоже не помеха получению образования. Как отмечал М. Осоргин, «днем на ученье, вечером с лампой, керосин ваш, жгите, сколько хотите» [9, с. 13]. В таких комнатках иногда поселялось до 4-х студентов.

Стоила такая комната 7, 10, а иногда и 12 рублей, в зависимости от размеров и удобств. Поиску подходящей приличной квартиры или комнаты мешал недостаток средств.

Бывали случаи, когда хозяйка могла предоставить бесплатную комнату и питание бедному студенту до окончания университета, с условием, что после он обязан был жениться на дочерях. Иногда хозяйки сдавали комнаты «в тайном притоне», или же в комнатах по – соседству содержались «публичные девицы, которых хозяйка выдавала за певичек» [5, с. 67]. Иногда хозяйки, сдающие квартиры в аренду, обращались со студентами очень грубо: не выполняли условий договора аренды, воровали продукты, домогались взаимного внимания. Эти проблемы часто становились поводом для перемены места жительства.

Во всех городах студенты стремились селиться поближе к высшим учебным заведениям, и Москва не была исключением. Район Бронных улиц был своего рода «корпоративным» местом московского студенчества. Недалеко находился Тверской бульвар с его пивными и небольшими ресторанчиками, «приспособленными к студенческим потребностям» [7, с. 391]. Особенно популярен был трактир Романова на углу Малой Бронной и Тверского бульвара. Студенты собирались там обычно вечером, для дружеской беседы, которая плавно перетекала в пение студенческих и революционных песен. В сборнике «Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия», сохранилась запись такого мнения москвича, оставшегося неизвестным: «…улицы оглашались веселыми студенческими песнями загулявшего юношества…» [7, с. 391].

Еще одним признаком «корпоративности», некой «профессиональности» Бронной слободы являлась церковь Иоанна Богослова в Бронниках, которая была построена в XVII в., но в начале XX в. стала любимой приходской церковью студентов «Латинского квартала».

Журналист П. Иванов, который исследовал студенческий быт в конце XIX в., писал о том, что студент считал эти места – родными, потому что «он веровал, что селиться вне студенческого лагеря стыдно порядочному студенту» [8, с. 132].

Главной проблемой в перемене мест жилья были также бытовые условия. Вот как П. Иванов описывает подобное жилье: «На стене огромные серые пятна от сырости. Холод, особенно под утро – пар изо рта валит. Ложишься в постель с ощущением, что погружаешься в холодную воду…» [4, с. 31]. В 3623 комнатах проблемами являлись: тонкие звукопроницаемые перегородки (48%), холодные комнаты (36%), нет канализации (24%), сырые или полусырые квартиры (20,6%), темные и полутемные (16,2%), 7,5% проходные комнаты и 5% – располагались в подвалах [5, с. 69].

Также подходящее жилье студенты могли найти в дешевых гостиницах. Такое жилье стоило – дешевый номер от 20 рублей и выше, 30 – 40 рублей – получше. В Москве такие гостиницы под названиями «Дания», «Кавказ», «Северный по-

люс», «Сербия», «Черногория» были разбросаны по всему городу. Номер обычно был оборудован дешевой мебелью: диван, стол, пара кресел [3, с. 306].

Студент – москвич мог найти себе место жительства и в общежитии – пансионе с полным содержанием (например, при Московском инженерном училище или Духовной академии). Общежития содержались за счет государства и за счет общественности. Студенческие общежития также строились и за счет средств благотворителей. В Москве существовало два подобных учреждения, открытых на средства купцов Ляпиных (Большая Дмитровка) и Лепешкинских (Арбат).

Первое общежитие получило презрительное прозвище «Лапинка». Это общежитие было устроено в бывшем фабричном корпусе и представляло собой грязную ночлежку: неприятные запахи, редко сменяемое постельное белье, столовая казарменного типа. Проживание в «Лапинке» было бесплатным. «Попавшие сюда спиваются и прямой дорогой отправляются на Хитров рынок» [4, с. 40].

А общежитие при Московском университете, учрежденное купцом Лепешкиным, наоборот, являло собой образцовый порядок – чистые номера, телефон, библиотека, столовая с «превосходными обедами» [3, с. 308]. Но в таком общежитии могли жить только достаточно обеспеченные студенты, т.к. стоимость проживания составляла 25 рублей в месяц.

Проблема студенческих общежитий особо остро прозвучала весной 1899 г. во время всероссийской забастовки студентов, когда для нормализации обстановки правительство вынуждено было пойти на определенные уступки. Министр народного просвещения Н.П. Боголепов своим циркуляром заявил о необходимости сооружения на государственные средства студенческие общежития для иногородних студентов. Такие общежития должны были быть платными, бесплатно могли только пользоваться стипендиаты (Циркуляр Министра Народного Просвещения Н.П. Боголепова от 8 июля 1899 года) [11].

По плану Н.П. Боголепова, казенные общежития предназначались, в первую очередь, для обеспеченных студентов, которые и так жили в благоустроенных квартирах. В общежитии при московском университете таких студентов насчитывалось 110 человек. Им было по карману оплачивать номера на одного стоимостью 130 рублей за полугодие или на двоих – по 112,5 рублей, вносимых не помесячно, а единовременно. Остальные 40 человек пользовались льготами по оплате и проживали в более дешевых тройных номерах [4, с. 73],

Такие общежития постепенно должны были стать опорой администрации учебных заведений в поддержании порядка. В этих общежитиях в основном проживали благонадежные студенты. В общежитиях царила атмосфера несвободы, очень часто заведующие общежитиями бывали грубы с постояльцами, вели список всех проступков проживающих, следили за ними. Это все отпугивало студентов от таких заведений.

Например, в общежитии Московского инженерного училища Министерства путей сообщения запрещалось принимать посторонних лиц в учебное время, хранить книги или картины преступного содержания. В любое время в комнату могли зайти директор или инспектор. В 1903 г. собрание студентов училища признало такие порядки далее нетерпимыми, что «доказывается прогрессивным ежегодным уменьшением живущих в нем». Студенты требовали введения в общежитии училища режима студенческого самоуправления (Центральный Государственный Архив Москвы. Ф. 231. Оп. 2. Д. 78. Л. 52-53).

В годы революции 1905-1907 гг. в министерстве просвещения встал вопрос о том, что стараться селить в общежитиях обеспеченных, а следовательно – благонадежных студентов, делает бессмысленным саму цель создания общежитий – обеспечить жильем действительно нуждающихся.

В июле 1907 г. Советом Министров были утверждены правила «О студенческих общежитиях» – они запрещали устраивать собрания, администрация вуза обязывалась регулярно предоставлять сведения о жильцах общежитии. В случае невыполнения этих правил предписывалось такие общежития закрывать.

В 1906-1907 гг. общежития были упразднены во всех высших учебных ведомствах. Позднее, в 1909 г. студенты сами проявляли активность в процессе создания общежитий. «Студенческое общество борьбы с жилищной нуждой» в Московском университете с целью организации студенческих общежитий и совместных групп учащихся для найма квартир [3, с. 312]. Были также проекты создания кооперативных домов и квартир. Но, к сожалению, они так и остались нереализованными.

В основной массе своей не только студент – москвич, но и учащийся любого крупного университетского города вынужден был проводить не один день в поисках подходящего ему по возможностям (это от 7 до 15 руб.) и желаниям помещения. Он селился недалеко от своего высшего учебного заведения, нередко вскладчину с двумя или тремя собратьями. И зачастую испытывал неудобства не только от соседей по квартире, но и от найденных им по объявлению соседей по комнате. Однако с нахождением жилья, соседей по комнате трудности студенческой квартирной жизни не за-

канчивались. Начинались бытовые трудности, связанные с плохими условиями жизни. Холод, сырость, темнота все это по отдельности или вместе было неотъемлемой характеристикой большинства квартир и сопровождало студента все годы его студенческой жизни. Кто-то селился в подвале, кто-то снимал угол, кто-то жил в мансарде. Такими условиями характеризовалось большинство жилых помещений, причем отсутствие тепла и света было наиболее распространенным явлением.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) Состояние жилищных условий, в которых проживало московское студенчество, было крайне неудовлетворительным. Вопиющие факты бытовой неустроенности (наличие кровососущих насекомых, антисанитария, отсутствие освещения и тепла), отмеченные в воспоминаниях и документах исследуемого периода, позволяют заключить, что бытовые жилищные проблемы становились не только поводом для смены места жительства, но и для радикализации настроений московского студенчества.

2) При отсутствии элементарных бытовых условий для обучения в среде московского студенчества исследуемого периода зарождаются идеи политического террора. В ответ на такие настроения столичные власти не предприняли никаких мер для улучшения жилищных условий студентов, напротив, общежития были упразднены как рассадник неблагонадежности. В целом можно заключить, что проблема жилищных условий стала одним из факторов роста недовольства и политических протестов московского студенчества.

Литература

1. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Минск: Народная Асвета, 1980. 350 с.

2. Записки императорского Харьковского университета. Харьков: Паровая типолитография «М. Зильберберг и Сыновья», 1912. 445 с.

3. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 392 с.

4. Иванов П.В. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. (Очерки). М.: Типография Штаба Московского военного округа, 1903. 301 с.

5. Каблуков Н.А. Студенческий квартирный вопрос в Москве (Студенческая квартирная перепись в Москве в 1907 г.). М.: Общество взаимопомощи студентов-юристов Московского университета, 1908. 79 с.

6. Квартирная перепись киевского студенчества // Студенческая жизнь. 1910. 2 мая. 68 с.

7. Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М.: Правда, 1989. 544 с.

8. Муравьев В.Б. Улочки – шкатулочки, московские дворы (Москва. Возвращенные имена). М.: «Тверская, 13», 1998. 269 с.

9. Осоргин М.А. «Посолонь». Памяти русского студенчества. Сборник воспоминаний. Париж: «Свеча», 1934. 225 с.

10. Страницы истории России в летописи одного рода (Автобиографические записки четырех поколений русских священников). М.: Отчий дом, 2004. 774 с.

11. Циркуляр Министра Народного Просвещения Н.П. Боголепова от 8 июля 1899 года. Научный портал «Документы XX века». URL: http://doc20vek.ru/node/3774 (дата обращения: 17.01.2022)

12. Экономическое положение томских студентов. Томск: Паровая типолитография П.И. Макушина, 1902. 55 с.

References

1. Gilyarovskij V.A. Moskva i moskvichi. Minsk: Narodnaya Asveta, 1980. 350 s.

2. Zapiski imperatorskogo Har'kovskogo universiteta. Har'kov: Parovaya tipolitografiya «M. Zil'berberg i Synov'ya», 1912. 445 s.

3. Ivanov A.E. Studenchestvo Rossii konca XIX – nachala XX veka. Social'no-istoricheskaya sud'ba. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 1999. 392 s.

4. Ivanov P.V. Studenty v Moskve. Byt. Nravy. Tipy. (Ocherki). M.: Tipografiya SHtaba Moskovskogo voennogo okruga, 1903. 301 s.

5. Kablukov N.A. Studencheskij kvartirnyj vopros v Moskve (Studencheskaya kvartirnaya perepis' v Moskve v 1907 g.). M.: Obshchestvo vzaimopomoshchi studentov-yuristov Moskovskogo universiteta, 1908. 79 s.

6. Kvartirnaya perepis' kievskogo studenchestva. Studencheskaya zhizn'. 1910. 2 maya. 68 s.

7. Moskovskaya starina: Vospominaniya moskvichej proshlogo stoletiya. M.: Pravda, 1989. 544 s.

8. Murav'ev V.B. Ulochki – shkatulochki, moskovskie dvory (Moskva. Vozvrashchennye imena). M.: «Tverskaya, 13», 1998. 269 s.

9. Osorgin M.A. «Posolon'». Pamyati russkogo studenchestva. Sbornik vospominanij. Parizh: «Svecha», 1934. 225 s.

10. Stranicy istorii Rossii v letopisi odnogo roda (Avtobiograficheskie zapiski chetyrekh pokolenij russkih svyashchennikov). M.: Otchij dom, 2004. 774 s.

11. Cirkulyar Ministra Narodnogo Prosveshcheniya N.P. Bogolepova ot 8 iyulya 1899 goda. Nauchnyj portal «Dokumenty XX veka». URL: http://doc20vek.ru/node/3774 (data obrashcheniya: 17.01.2022)

12. Ekonomicheskoe polozhenie tomskih studentov. Tomsk: Parovaya tipolitografiya P.I. Makushina, 1902. 55 s.

Kulikova T.N., Postgraduate,
Ershova T.V., Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Institute for the Humanities,
Moscow City Pedagogical University

HOUSING CONDITIONS OF MOSCOW STUDENTS AT THE END OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Abstract: the article deals with the topic of housing conditions of Moscow students, which is relevant for historical science. The relevance of the topic is due to the need to clarify those historical factors that became the reason for student unrest in the study period, one of them is the so-called «housing issue» – the problem of finding housing and living arrangements during the period of study at the university. The author of the article focuses on everyday issues that worried Moscow students during the study period, as well as on the problems of finding housing for nonresident students who arrived in Moscow to study. The research goal is to identify the features of the living conditions of Moscow students in the late XIX – early XX centuries.

The research methodology is based on a historical approach and includes the methods of the general scientific group (analysis, synthesis, induction, deduction), as well as a number of special methods: content analysis of scientific literature on the research topic, retrospective analysis and source analysis method. Based on the study results, the author of the article came to the following conclusions: the housing conditions of students in Moscow have undoubtedly become one of the factors of dissatisfaction due to the lack of light, heat and basic living conditions.

Keywords: Moscow students, living conditions, domestic arrangements, Moscow, historical analysis

Шамситдинов Р.Р., кандидат исторических наук, декан,
Андижанский государственный университет,
Республика Узбекистан

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИОГРАФИИ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА В УЗБЕКИСТАНЕ (1937-1938 гг.)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности историографии Большого Террора в Узбекистане. Отдельное внимание уделено доступным и открытым фактам, которые позволяют сделать выводы о масштабе и глубине проблемы. В тоже время акцент сделан на фрагментарности имеющихся данных, недоступности многих документов, архивных фондов, которые позволили бы осветить важные аспекты проводимых репрессии и преследований, а также сформировать реалистическое понимания исторического опыта, для предупреждения и предотвращения повторений схожих ошибок и катастроф в современном и будущем.

Ключевые слова: террор, Сталин, репрессии, расстрел, списки, СССР

Великая чистка, также известная как «Большой террор», представляла собой жестокую политическую кампанию под руководством советского диктатора Иосифа Сталина по устранению несогласных членов Коммунистической партии и всех, кого он считал угрозой. Дебаты о точном количестве жертв появляются в научной прессе в течение нескольких лет и характеризуются большим расхождением, часто в несколько миллионов, между высокими и низкими оценками. Используя переписи населения и другие данные, ученые продуцируют противоречивые расчеты рождаемости, смертности и арестов, чтобы подсчитать уровни смертности жертв Большого террора (1937-1938 гг.)

Хотя оценки разнятся, большинство экспертов считают, что не менее 750 000 человек были казнены во время Большого Террора, который проходил примерно между 1936 и 1938 годами. Более миллиона других людей были отправлены в принудительные трудовые лагеря, известные как ГУЛАГ [1]. Отдельный акцент необходимо сделать на том, что помимо узников ГУЛАГа, пострадало также огромное количество человек, которые были помещены в тюрьмы (см. рис. 1). По разным данным их количество колеблется от 200 тыс. до 1 млн. чел. [7].

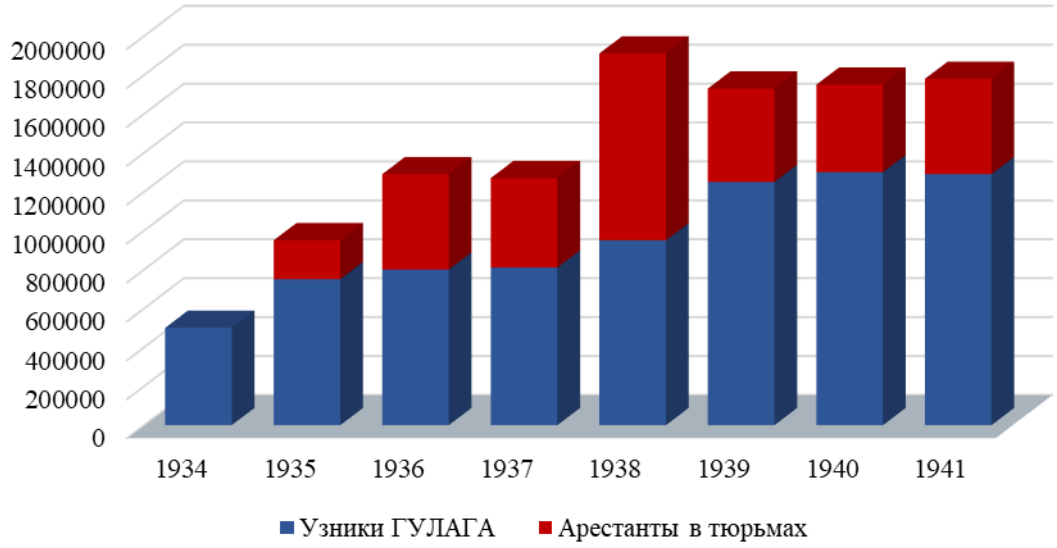

Рис. 1. Численность людей, находящихся в ГУЛУГах и советских колониях

Историки спорят о точных мотивах Великой чистки. Некоторые утверждают, что действия Сталина были продиктованы его желанием сохранить власть диктатора. Другие видят в этом его способ укрепить и объединить Коммунистическую партию Советского Союза. По мнению автора, к этим мотивам следует добавить устремление сохранить советскую власть, государство любыми способами. Также есть мнение, что рост нацизма в Германии и милитаризма в Японии представляли большую опасность для СССР. В связи с чем эти угрозы еще больше подтолкнули Сталина к проведению чистки в попытке объединить и укрепить свою страну.

Особого внимания тематика Большого Террора заслуживает в контексте изучения истории Узбекистана, в процессе детального исследования количества жертв и потерь, которые стали результа-

том репрессий, преследований, расстрелов, депортаций, реализуемых советскими властями в Республике в 1930-1940 гг. Согласно историческим данным с 1920 по 1940 год в Узбекистане было арестовано около 100 тысяч человек, из них 13 тысяч расстреляны. Среди жертв сталинских репрессий были такие выдающиеся личности, как Абдулла Кадыри, Фитрат, Чулпон и др.

Актуальность данной темы также связана с отсутствием в научном публичном дискурсе единого взгляда на позиционирование прошлого узбекского народа в целом. Несмотря на то, что народы, населяющие Узбекистан на протяжении многих десятилетий XX века, становились объектом политических репрессий большевистской власти, в настоящее время сформировались две полярные концепции относительно трактовки исторической памяти об этом историческом периоде прошлого.

Первая концепция советско- или русоцентрическая, которая базируется на выразительной пропаганде ее сторонниками общности происхождения и развития «братских народов», а также целесообразности жертв ради всеобщего счастливого будущего.

Вторая концепция – национально ориентированная – в рамках нее ученые и исследователи делают акцент на утверждение собственной концепции истории Узбекистана. Само существование первой концепции и создание в ее лоне многочисленных мифологем, свидетельствуют о длительном отсутствии четкой стратегии формирования государственной памяти в Узбекистане и исторической памяти народа в целом.

Поэтому одной из актуальных проблем, требующих сегодня объективного подхода и детального анализа, является проблема отражения коллективных представлений о Большом Терроре в Узбекистане в исторической памяти современного общества, учитывая особенности трактовки сталинских времен в советский период. Также, по мнению автора, результаты исследования помогут раскрыть вопрос формирования национальной исторической памяти узбекского народа на современном этапе.

Большой террор 1937-1938-х гг. в советском публичном пространстве и научном дискурсе нашел свое отражение в работках таких авторов как: Бабаев Т.З., Журба М.А., Жолоб М.П., Доценко В.О., Суржикова Н.В., Косырева А.М., Гребенщикова И.В., Ефимов К.А.

Государственный террор, как атрибут тоталитарного режима, анализируется в публикациях Ермаковой В.А., Колесниковой А.Г., Кононенко А.А., Белова Д.А., Воробьева Е.П.

Особенностям сталинских репрессий в период коллективизации посвятили свои труды Абдрахманов Б.Д., Шадрина А.В., Саипова К.Д., Разгон В.Н., Кондрашин В.В., Сухова О.А.

В отличие от русской периодики, в узбекской нарратологии можно отметить крайне незначительное количество специальных трудов и монографических изданий, посвященных исключительно историографии Большого Террора или политических репрессий 1930-х гг. Только в последнее время начали появляться отдельные труды и публикации по данной тематике, из их числа необходимо отметить работы Р.Т. Шамсутдинова, Н.Ф. Каримова и др. Имеющиеся работы имеют синтезированный характер, также их отличительными чертами является использование новых методов исследований, новых форм подачи материала. В частности, ученые начали активно применять методы, заимствованные из других наук, – социологические, психологические, политологические и т.д. Кроме того, публикации часто носят многожанровый характер и включают в себя исторические портреты, очерки, эссе, одновременно с подачей архивных документов, мемуаров.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, цель статьи заключается в комплексном исследовании событий, фактов, последствий большого террора в Узбекистане.

В процессе анализа автором использовались архивные документы, изучение которых позволяет прочувствовать ощущение холодной рациональности Большого террора. Например, в источниках, посвященных «кампании раскулачивания» 1932 года, четко указано количество скота и личных вещей, «экспроприированных» у кулаков или богатых крестьян Узбекистана. Также в отдельных архивных фондах можно ознакомиться с ордерами на арест, приказах о казнях, подписанными признательными показаниями и задокументированными мольбами членов семьи.

Архивные исследования последних годов позволили решить некоторые вопросы, но многое о Большом Терроре все еще остается невыясненным. Для ясности следует отметить, что, к примеру, советское правительство не называло аресты и казни партийных и государственных работников террором, а скорее частью ответных мер на предполагаемые террористические заговоры и действия.

В условиях появления все большего количества научных исследований по изучению истории массовых репрессий происходит значительный рост роли источниковедения и используемых в его рамках приемов и методов работы с документальными данными. После 1991 года историческая наука обогатилась новым, специфическим видом источников – архивно-следственными делами. Хотя в научное обращение были введены только дела реабилитированных граждан и далеко не все ис-

следователи получили возможность работать с ними, библиография работ, написанных с их использованием, насчитывает сотни единиц. Однако, несмотря на имеющиеся наработки, очевидные достижения и прогресс, продолжает существовать необходимость создания источниковедческих публикаций, также в данном контексте актуализируется разработка методических приемов работы с этим достаточно сложным и противоречивым источником.

На сегодняшний день, по мнению автора, для фундаментального и всестороннего исследования Большого Террора в Узбекистане крайне необходимым является описание и анализ не только архивно-следственных дел, но и архивных фондов, где они хранятся. Комплексное изучение источников в пределах одного фонда, раскрытие их информативных возможностей, исходящих из структуры и состава документов, имеет большое значение для исследования региональных особенностей исторического процесса.

Yekelchyk S., автор книги «Великий Страх: сталинский террор 1930-х годов» (The Great Fear: Stalin's Terror of the 1930s, by James Harris), считает, что история террора в Узбекистане состоит из множества этапов, и затрагивает значительное количество различных групп, что требует серьезного изучения. Автор пишет, что последние годы он много работал в архивах и столкнулся с многочисленными делами, с которых ярлык «секретно» не был снят и доступ к ним без специального разрешения запрещен. По мнению автора, эта ситуация говорит о том, что политика изучения архивов в Узбекистане требует пересмотра, чтобы хотя бы был свободный доступ к таким фондам.

На сегодняшний день о Большом Терроре в Советском Союзе имеются следующие данные.

Согласно с официальными данными началом «Большого террора» стал приказ НКВД СССР №00447 «О репрессировании бывших уголовников, кулаков и других антисоветских элементов» от 30.07.1937. В тоже время, имеющиеся на сегодняшний день архивные документы НКВД (телеграммы, переписка, приказы) позволяют сделать вывод о том, что массовые репрессии властями готовились еще за долго до даты принятия приказа. Также приказом №00447 были установлены и утверждены лимиты (планы) на наказание граждан. Приговоры по I-й категории означали «расстрел», по II-й категории – к заключению в лагерях ГУЛАГ.

В качестве доказательства того, что власти еще на рубеже 30-х гг. начали планировать репрессии, можно привести постановление ЦИК Узбекистана от 2 декабря 1929 года «О ликвидации крупных безработных хозяйств в Хорезмской области», в соответствии с которым всего было сослано 55 человек, в том числе 18 богачей, 14 бывших ханских родственников, 10 священников, 8 купцов, 4 ростовщика, признанных вредными для сельского населения [3]. Хотя этот период времени формально еще не относится к Большому террору Сталина, но его ключевые события дают отчетливое представление о том, что гонения, необоснованные преследования и репрессии были характерной чертой и фактически нормой существования правящей верхушки СССР по отношению к многонациональному населению советских республик.

Как свидетельствуют данные фонда «Шахидлар Хотираси» (Жертвы репрессий), в сентябре 1937 года на территории, где расположен современный Узбекистан, карательные органы арестовали и осудили 10 700 человек. Из них 3613 приговорены к смертной казни, а 7087 получили приговор в виде 8-10 лет лишения свободы. В период с 13 по 28 ноября было осуждено 1611 человек, а в декабре 1937 года количество осужденных составило 3610 человек.

Созданная большевиками ВЧК (или Всероссийская комиссия по чрезвычайным ситуациям, предшественник НКВД и КГБ) в период с декабря 1917 по 1936 год выдвинула обвинения против 450 000 невиновных в Узбекистане. Это был период, когда очень многие люди были приговорены только к краткосрочным заключениям и впоследствии отпущены за отсутствием состава преступления. Однако в 1937 и 1938 годах государство развернуло крупную кампанию против врагов народа и очень многие из этих людей были схвачены, преданы суду и снова заключены в тюрьму [4].

Исторические справки свидетельствуют о том, что И. Сталин лично утвердил список, который включал в себя 496 человек. Из них 59 получили приговор в виде 10 лет лишения свободы, 437 – приговорены к расстрелу.

Согласно архивных документов всего таких «расстрельных» списков было 6 штук. Один список подписал Исаак Шапиро, а пять – Владимир Цесарский. Список Шапиро был многочисленным, он содержал фамилии 293 людей, из них 248 были расстреляны (см. табл. 1).

Таблица 1

Данные о приговорах по «сталинским спискам» в Узбекистане за 1937-1938 гг. [7]

Дата	Подпись	1 категория	2 категория
10.07.1937	Цесарский В.	1	1
03.02.1938	Цесарский В.	5	
05.03.1938	Цесарский В.	27	3
28.03.1938	Цесарский В.	155	10
19.04.1938	Цесарский В.	1	
12.09.1938	Шапиро И.	248	45
Всего		437	59

Сталинские чистки 1938-1939 годов уничтожили этническую узбекскую коммунистическую элиту, а также большинство мусульманского духовенства (основной источник сопротивления коммунистическому правлению в первые годы Сталина), узбекское академическое сообщество и творческую интеллигенцию.

Отдельно необходимо отметить историю ГУЛАГов. Например, Петров Н.В. в своем труде «История империи ГУЛАГ» пишет, что наибольшая смертность в колониях наблюдалась в тех регионах Узбекистана, Казахстана и Азербайджана, куда принимались осужденные, эвакуированные с передовой. В этих республиках за несколько месяцев умирали до 4% заключенных [5].

В табл. 2 представлены данные об этнических групп в лагерях ГУЛАГа.

Таблица 2

Этнические группы в лагерях ГУЛАГа, 1 января 1937-1940 гг. (чел.) [8]

Этническая группа	1937	1938	1939	1940
Россияне	494827	621733	830491	820089
Украинцы	138318	141447	181905	196283
Белорусы	39238	49818	44785	49743
Татары	-	22916	24894	28232
Узбеки	29141	19927	24499	26888
Евреи	11903	12953	19758	21510
Немцы	-	998	18572	18822
Казахи	-	11956	17123	20166
Поляки	-	6975	16860	16133
Грузины	4351	6974	11723	12099
Армяне	5089	6975	11064	10755
Туркмены	-	4982	9352	9411

В конце августа 2021 года Верховный суд Узбекистана оправдал 115 человек, казненных или отправленных в лагеря в 1920-1930-х годах. Реабилитированные были признаны жертвами советских репрессий комиссией, учрежденной указом президента Шавката Мирзиёева.

По шести отдельным уголовным делам 115 человек были приговорены к смертной казни или, в большинстве случаев, к длительным срокам тюремного заключения. В основном эти факты относятся к событиям, которые произошли в Узбекской Социалистической Советской Республике под эгидой ОГПУ, предшественника НКВД, КГБ. Однако одно из дел находилось в ведении Высшего революционного суда Хорезмской Народной Советской Республики.

Оправданные жертвы малоизвестны в общей картине ранней советской Средней Азии. За исключением, возможно, Носирхантура Камолхонтураева, министра просвещения недолговечной Туркестанской автономии (1917-18), который позже поднял восстание в Намангане, остальные граждане являются анонимными персонажами, а не номинальными руководителями «басмаческого» (национально-освободительного) движения [9].

Журналисты, утверждают, что реальное число людей, имеющих право на очищение их имени, намного больше. Список, в который вошли многие лица, репрессированные за свои религиозные убеждения, был составлен назначенной государством рабочей группой.

По уголовным делам, рассмотренным Верховным судом, не было вынесено ни одного пригово-

ра. Большинство из них были приговорены к расстрелу или заключению в лагеря тройками Наркомата. Причиной относительно небольшого числа реабилитированных является то, что большая часть исходных документов все еще находится в России.

На сегодняшний день открытым остается вопрос о реабилитации лидеров восстания «басмачей» против советской власти. Также необходимо еще раз взглянуть на суд над войсками Туркестанского легиона, которых обвиняли в союзе с немецкими фашистами.

Таким образом, подводя итоги, проведенного исследования отметим, что важным событием конца 1930-х годов стали повсеместные репрессии, которые включали задержание и депортацию, тюремное заключение или казнь миллионов советских граждан, что получило свое название в историографии, как Большой Террор. В статье детально рассматриваются особенности и последствия Большого террора в Узбекистане. Изучению этого периода посвящен значительный массив научных публикаций, освещающих разные стороны проблемы. Однако, констатируя значительный интерес к проблеме со стороны ученых и историков, отметим, что исследование региональных особенностей Большого Террора все еще не приобрело должного масштаба.

В процессе исследования историографии Большого Террора в Узбекистане, необходимо отметить ряд противоречивых тенденций.

Во-первых, как отмечают специалисты, неудовлетворительная доступность архивных материалов для изучения и публикации, поскольку доступ к некоторым архивам остается ограниченным.

Во-вторых, многие работы, посвященные «большому террору» в различных его проявлениях, не являются системными специальными исследованиями, а представляют скорее подборки документов вперемешку с историческими очерками.

С учетом вышеизложенного, по мнению автора, системности, аналитичности рассмотрения теоретико-концептуальных вопросов данной предметной плоскости очевидно не хватает. В целом можно отметить, что исследуемая тема освещается фрагментарно и не системно.

Литература

1. Edele, Mark Peter Whitewood: The Red Army and the Great Terror. Stalin's Purge of the Soviet Military // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Band 66: Heft 3. 2018. P. 540 – 541.

2. Аблажей Н.Н. Депортации из СССР периода большого террора // Исторический курьер. 2019. № 1 (3). С. 8.

3. Репрессия. 1937-1938 гг.: Документы и материалы / Под ред. Н.Ф. Каримова / Сост.: Р.Т. Шамсутдинов, Э.Ю. Юсупов, А. Мамажонов, Э. Дусматов. Вып. 3: Жертвы Большого террора из Узбекистана. 1937 год, ноябрь. Т.: Шарк, 2007. 496 с.

4. Кириллов В.М. «Большой террор» в российской историографии // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2019. № 5. С. 70 – 82.

5. Петров Н.В. История империи ГУЛАГ // [Электронный ресурс]. URL: http://www.pseudology.org/GULAG/Glava02.htm

6. Джунусбаев С.М., Косанбаев С.К., Филиппов В.Р. Трагические судьбы представителей казахской национальной интеллигенции в период тоталитаризма // Вестник науки Южного Казахстана. 2019. № 3 (7). С. 53 – 59.

7. Репрессия. 1937-1938 гг.: Документы и материалы. Вып. 1. / Сост.: Р.Т. Шамсутдинов, Н.Ф. Каримов, Э.Ю. Юсупов. Т.: Шарк, 2005. 288 с.

8. ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917-1960 / Сост.: А.И. Кокурин и Н.В. Петров. М.: Материк, 2000. 885 с.

9. Распоряжение Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по более глубокому изучению наследия и увековечению памяти жертв репрессий» от 8 октября 2020 г., № Р-5598 URL: https://lex.uz/docs/5041021

References

1. Edele, Mark Peter Whitewood: The Red Army and the Great Terror. Stalin's Purge of the Soviet Military. Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Band 66: Heft 3. 2018. P. 540 – 541.

2. Ablazhej N.N. Deportacii iz SSSR perioda bol'shogo terror. Istoricheskij kur'er. 2019. № 1 (3). S. 8.

3. Repressiya. 1937-1938 gg.: Dokumenty i materialy. Pod red. N.F. Karimova. Sost.: R.T. SHamsutdinov, E.YU. YUsupov, A. Mamazhonov, E. Dusmatov. Vyp. 3: ZHertvy Bol'shogo terrora iz Uzbekistana. 1937 god, noyabr'. T.: SHark, 2007. 496 s.

4. Kirillov V.M. «Bol'shoj terror» v rossijskoj istoriografii. Ezhegodnik Mezhdunarodnoj associacii issledovatelej istorii i kul'tury rossijskih nemcev. 2019. № 5. S. 70 – 82.

5. Petrov N.V. Istoriya imperii GULAG. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.pseudology.org/GULAG/Glava02.htm

6. Dzhunusbaev S.M., Kosanbaev S.K., Filippov V.R. Tragicheskie sud'by predstavitelej kazahskoj nacional'noj intelligencii v period totalitarizma. Vestnik nauki YUzhnogo Kazahstana. 2019. № 3 (7). S. 53 – 59.

7. Repressiya. 1937-1938 gg.: Dokumenty i materialy. Vyp. 1. Sost.: R.T. SHamsutdinov, N.F. Karimov, E.YU. YUsupov. T.: SHark, 2005. 288 s.

8. GULAG (Glavnoe upravlenie lagerej) 1917-1960. Sost.: A.I. Kokurin i N.V. Petrov. M.: Materik, 2000. 885 s.

9. Rasporyazhenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan «O dopolnitel'nyh merah po bolee glubokomu izucheniyu naslediya i uvekovecheniyu pamyati zhertv repressij» ot 8 oktyabrya 2020 g., № R-5598 URL: https://lex.uz/docs/5041021

Shamsitdinov R.R., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Dean, Andijan State University, Republic of Uzbekistan

SOME ASPECTS OF THE HISTORIOGRAPHY OF THE GREAT TERROR IN UZBEKISTAN (1937-1938)

Abstract: the article examines the features of the historiography of the Great Terror in Uzbekistan. Special attention is paid to accessible and open facts that allow us to draw conclusions about the scale and depth of the problem. At the same time, the emphasis is placed on the fragmentary nature of the available data, the inaccessibility of many documents, archival funds, which would make it possible to highlight important aspects of the ongoing repression and persecution, as well as to form a realistic understanding of historical experience, to prevent and prevent the recurrence of similar mistakes and catastrophes in the present and future.

Keywords: terror, Stalin, repression, execution, lists, USSR

Ильясов Л.М., кандидат филологических наук, докторант,
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (ЭНЕОЛИТ, РАННЯЯ БРОНЗА)

Аннотация: статья посвящена проблемам трансформации погребальной обрядности на Северном Кавказе в эпоху энеолита и ранней бронзы.

Автор рассматривает трансформацию погребальной обрядности, включая сооружения и ритуальные традиции, на переходном этапе от энеолита к ранней бронзе, а также в течение всего периода ранней бронзы.

Погребальные традиции несут в себе информацию о социально-экономическом укладе, религиозных традициях и культурно-хозяйственных связях древнего общества. Инвентарь погребений является индикатором социальной неоднородности населения, богатые оружием и металлическими предметами захоронения свидетельствуют о высоком социальном статусе погребенных.

На трансформацию погребальной обрядности помимо экономических и идеологических факторов, повлияли миграционные процессы, происходившие в регионе в середине III тыс. до н.э., что привело не только к резкому изменению погребальных традиций в отдельных районах Северного Кавказа, но и к значительному их разнообразию. В результате северокавказская культура средней бронзы приобрела синкретические черты, включавшие в себя традиции и майкопской, и куро-аракссской культур ранней бронзы.

Ключевые слова: погребальная обрядность, погребальные сооружения, инвентарь погребений, энеолит, ранняя бронза, майкопская культура, куро-аракссская культура, северокавказская культура, религиозные культы

Погребальная обрядность (сооружения, ритуал, инвентарь) является важным источником для изучения религиозных представлений, социальной структуры и межкультурных связей населения древнейшего времени, а также исследования преемственности в развитии и смене археологических культур.

Погребальные традиции существовали уже в верхнепалеолитическую эпоху и связаны с формированием у людей отношения к смерти, с их стремлением установить какие-то правила перехода из земной жизни в мир потусторонний и тем самым спасти свое общество от вымирания [14, с. 28].

Погребальный обряд как комплекс, включающий в себя определенный тип сооружения, ритуал и инвентарь складывается в период неолита, а в эпоху энеолита приобретает завершенные черты, трансформация которых становится возможной лишь при изменениях социально-экономического уклада, религиозных представлений или влиянии иной, более развитой культуры.

Погребальных сооружений энеолитического времени на территории Северного Кавказа выявлено сравнительно немного: Нальчикский грунтовый могильник; подкурганные некрополи в Центральном Предкавказье; два одиночных захоронения в Чечне.

Нальчикский могильник является одним из наиболее исследованных энеолитических погребальных памятников Северного Кавказа. Захоронения совершались в грунте, без определенных могильных конструкций, в скорченном положении, по оси восток-запад (в большинстве случаев), костяки густо посыпались красной краской [6, с. 31].

В некоторых погребениях умершие лежат на правом боку, в других – на левом. Характер погребального инвентаря (ножевидные пластины, каменные браслеты, костяные нагрудные пластины), по мнению исследователей, дает возможность отнести захоронения на правом боку к мужским, и следовательно, на левом – к женским. Однако отсутствие подобных вещей в некоторых могилах с костяками на правом боку, может свидетельствовать об определенном социальном статусе погребенных с каменными браслетами и пластинами, а также о ритуальной дифференциации в энеолитических погребальных сооружениях по полу, возрасту и социальному статусу [4, с. 6].

Кроме того, инвентарь погребений, который состоял из каменных скребковидных орудий, пластин, отщепов, фрагментов керамики, каменных браслетов, подвесок из клыков оленя и резцов быка, бус различной формы, отражал характер хозяйственной деятельности населения и его религиозные представления. Основанием для отнесения ранних погребений Нальчикского могильника к эпохе энеолита послужила находка в одном из захоронений медного колечка [8, с. 138].

Энеолитические погребения, инвентарь которых по ряду черт соотносится с материалами

Нальчикского могильника, были открыты в середине XX в. и на территории Чечни. Одно из них выявлено при проведении строительных работ на окраине Грозного, другое, подкурганное – у села Бамут [7, с. 16]. В обоих случаях в могилах были обнаружены кремневые ножевидные пластины с ретушью по краям, скорченные и густо посыпанные красной краской костяки. Подобные аналогии в погребальном обряде и предметах быта в различных районах Северного Кавказа могут не только предполагать активные экономические связи между племенами региона [8, с. 147-148], но и свидетельствовать об их принадлежности к одному этнокультурному миру.

В конце энеолита на территории Северного Кавказа происходит определенная трансформация погребальной обрядности, которая проявляется прежде всего в изменении формы погребальных сооружений (наряду с грунтовыми могилами появляются курганные захоронения), установлении более твердого регламента ориентировки костяка, появление ритуальной дифференциации (инвентарь, форма могилы) по полу и социальному статусу [4, с. 8]. Этот процесс, несомненно, должен был отражать и эволюцию религиозных представлений местного населения. По все видимости, в эпоху энеолита сохраняются культы, зародившиеся в глубокой древности, о чем свидетельствуют определенные ритуалы и инвентарь погребений. Например, традиция посыпания тела умершего красной краской, появившаяся еще в эпоху верхнего палеолита, может свидетельствовать о вере в загробную жизнь, а скорченное положение костяка на левом или правом боку («поза эмбриона») – о культе Матери-Земли и возможности нового рождения [17, с. 16]. Появление подкурганных захоронений, по мнению С.Н. Кореневского, связано с новыми формами социальной дифференциации погребального обряда древнего общества, что подтверждается также небольшим количеством курганов, относящихся к эпохе энеолита [4, с. 7].

Однако энеолитическая культура Северного Кавказа не была однородной ни по направлению культурно-экономических связей, ни по характеру керамики и погребальному обряду, что определило своеобразие зародившейся на ее основе культуры ранней бронзы.

С одной стороны, население Северо-Западного Кавказа уже в эпоху неолита испытывало определенное влияние племен трипольской культуры (Юго-Восточная Европа). С другой, материалы энеолитической культуры Центрального Предкавказья (Терский бассейн) указывают на то, что культурные контакты и миграции между Передней Азией и Северным Кавказом имели очень древний характер. Например, фрагменты керамики (днища, стенки, венчики), найденные при раскопках на энеолитических поселениях Тяллинг I и Тяллинг II в Чечне, обнаруживают параллели с энеолитическими материалами Предкавказья (Агубековское поселение, Галюгай II, Замок) и Южного Кавказа (Сиони-Цопи (Грузия), Лейлатепе (Азербайджан) [4, с. 17-23]. Маршруты и характер связей с племенами Восточного Закавказья также свидетельствуют о продвижении отдельных переднеазиатских племен на Северный Кавказ [8, с. 9].

Во второй половине IV – начале III тыс. до н.э. энеолит Северного Кавказа постепенно сменяется археологической культурой ранней бронзы, которая получила название по имени курганного погребения, найденного в конце XIX в. вблизи города Майкоп.

Майкопский курган и открытая ранее группа курганных захоронений вблизи станицы Новосвободной, в определенной степени продолжая погребальные традиции энеолита (скорченное на боку положение костяка, посыпание красной краской), по характеру инвентаря (большое количество металлических изделий) представляли уже эпоху ранней бронзы.

В XX в. в течение нескольких десятилетий погребальные и бытовые памятники майкопской культуры были открыты в Ставрополье, Кабардино-Балкарии, Чечне (у ст. Мекенской на Тереке, у селения Бамут на Фортанге, у станицы Ассиновской, у селения Бачи-Юрт на реке Гонсол, у селений Сержень-Юрт и Зандак на самом востоке региона).

В 2017 г. были обнаружены майкопские захоронения в курганном погребении в 2 км к юго-западу от города Гудермес [2, с. 53].

Таким образом, майкопская археологическая культура в период своего расцвета распространилась на всю предгорную и равнинную часть Северного Кавказа от Таманского полуострова на западе и до границы Дагестана на юго-востоке [8, с. 199].

В период расцвета майкопской археологической культуры формы подкурганных погребальных сооружений становятся разнообразными. Подвергаются трансформации грунтовые ямы, унаследованные от энеолитической эпохи: дно могил обмазывается глиной или выкладывается галькой, стены обкладываются деревом или камнем, при этом встречаются самые различные сочетания подобных элементов. Появляются подкурганные захоронения на горизонте, каменные ящики и каменные гробницы, впускные могилы в насыпи курганов [4, с. 9]. Погребения часто окружаются кромлехами.

Археологические материалы, обнаруженные в различных районах Северного Кавказа, дали воз-

можность выделить два этапа в развитии майкопской культуры: 1) ранний (Майкопский курган, древний горизонт Мекенских курганов); 2) поздний (курганы у станицы Новосвободной, Бамутские курганы) [15, с. 78].

Погребальный инвентарь ранних памятников майкопской культуры отличается крайней архаичностью и представлен кремневыми и обсидиановыми орудиями труда в виде сегментов и трапеций, каменными зернотерками, скребками, сверлами, долотами, костяными шильями, рыболовными крючками, оружием в виде клиновидных каменных топоров, кремневыми наконечниками стрел, копий, дротиков, украшениями в виде каменных браслетов [15, с. 71]. Однако богатое погребение Майкопского кургана, которое содержало сосуды и украшения из золота и серебра, медные орудия труда, разнообразную керамику [8, с. 212], свидетельствует о социальной дифференциации ритуального обряда у носителей майкопской археологической культуры уже на раннем этапе ее существования.

Погребальные памятники второго этапа майкопской культуры (Новосвободненские и Бамутские курганы) более разнообразны и богаче по содержанию (золотые и серебряные украшения, бронзовые орудия труда и оружие, бронзовые котлы и чаши, ангобированные и лощеные сосуды с орнаментом. Именно ко второму периоду относятся появление погребальных сооружений в виде каменных ящиков и гробниц (дольменов), разделение которых носит условный характер и основано на их размерах.

К началу II тыс. до н.э. наиболее яркие черты майкопской культуры постепенно угасают под влиянием различных факторов. К важнейшим из них относятся: прекращение контактов с Передней Азией и активизация связей с населением степной полосы Причерноморья и Поволжья, более отсталым в социально-культурном плане, с последующей инфильтрацией отдельных групп степных племен в среду майкопцев. По мнению исследователей, прекращение контактов между Северным Кавказом и Передней Азией связано с миграционной активностью на Южном Кавказе племен куро-араксской культуры, которые, перемещаясь из южных районов региона на север, перекрыли коммуникационные маршруты [1, с. 62].

Характер погребальной обрядности (обычай захоронения в курганах, использование красной краски, скорченное положение костяка; каменные орудия и украшения) свидетельствует о том, что основную роль в возникновении майкопской археологической культуры сыграли местные энеолитические традиции Северного Кавказа.

В быстром расцвете майкопской культуры важную роль сыграли носители урукской культуры (Древний Шумер), на рубеже IV-III тыс. до н.э. мигрировавшие на Северный Кавказ по западному побережью Каспийского моря [10, с. 9].

Основанием для предположения распространения майкопской культуры с востока на запад стало выявление памятников позднего энеолита на Южном Кавказе (лейлатепинская культура), которые обнаруживают, с одной стороны, генетические связи с энеолитическими материалами Северной Месопотамии, с другой – с культурой ранней бронзы Северного Кавказа [11, с. 67]. Подтверждается это и открытием новых памятников майкопской культуры на самом востоке ареала (Западный Дагестан, Восточная Чечня) [2, с. 53].

В религиозных представлениях майкопских племен наряду с культами различных животных, пришедшими, по всей видимости, из Передней Азии, существовали и более древние культы гор, рек, лесов, восходящие к палеолиту. Фрагменты глиняных статуэток, найденные в различных археологических комплексах майкопской культуры, имеют отношение к древним земледельческим культам. Богатый инвентарь погребений подтверждает существование веры в загробную жизнь. Орудия труда в погребениях свидетельствуют о том, что древние люди верили в продолжение профессиональной деятельности в потустороннем мире [17, с. 17].

Судя по каменным кольцам вокруг погребений – кромлехам, среди племен майкопской культуры был распространен культ неба и небесных светил, что было свойственно в то же время и населению Передней Азии. Например, в Уруке в конце IV тыс. до н.э. существовал культ бога неба Ана, которому был посвящен так называемый «Белый храм» [3, с. 115].

На позднем этапе своего развития майкопская культура на юге и юго-востоке приходит с соприкосновение с так называемой куро-араксской культурой ранней бронзы Закавказья, которая зародилась в конце IV тыс. до н.э. в междуречье Куры и Аракса, а также на Армянском нагорье. Во второй половине II тыс. до н.э. куро-араксская культура (месхетский и шидакартлийский варианты) распространилась на юг и на север – на Дагестан и южные и юго-восточные районы Чечни, Ингушетии и Осетии [6, с. 43].

Для носителей куро-араксской культуры были характерны различные виды погребальных сооружений: грунтовые могильники (грунтовые ямы, каменные ящики и склепы) и курганы.

Курганные погребения совершались в грунтовых ямах и прямоугольных каменных ящиках, дно которых обмазывалось глиной или выкладывалось

галькой, вокруг захоронений сооружались кромлехи. Стены могил иногда обкладывались камнем, могли использоваться и деревянные конструкции. Эти традиции были характерны и для населения, создавшего майкопскую культуру.

В грунтовых могильниках преобладали захоронения в прямоугольных каменных ящиках и склепах. Подковообразные каменные склепы были характерны для северо-месопотамской, малоазиатской и эгейской культур и, вероятно, появились у куро-аракcских племен под влиянием переднеазиатских традиций [16, с. 7]. Стены склепов возводились сухой кладкой из камней, кверху они суживались, образуя ложносводчатое перекрытие. Хронологическое соотношение различных видов погребальных сооружений (грунтовых ям, каменных ящиков и склепов) пока не выяснено [9, с. 34-35].

Исследователи отмечают большое разнообразие погребальных сооружений и обрядов не только в пределах территорий, но и отдельных могильников [5, с. 175]. Формы погребальных сооружений и характер инвентаря могут нести информацию о социальном статусе умершего, особенно, если разные типы погребений находятся в границах одного некрополя. Например, захоронения в одиночных курганах на деревянных колесницах в окружении золотых и серебряных предметов свидетельствуют о высоком социальном положении погребенных [5, с. 166].

Погребения в куро-аракcских некрополях совершались на боку, в скорченном виде, с произвольной ориентировкой. Они могли быть коллективными, парными и одиночными. В некоторых могилах встречаются костяки без черепов, что может свидетельствовать о ритуальном использовании черепов и их захоронении отдельно от тела в жилых помещениях или рядом с ними. Некоторые исследователи предполагают, что такого типа погребения принадлежат людям, принесенным в жертву, т.е. отражают обряды человеческого жертвоприношения [5, с. 165].

Инвентарь погребений содержал глиняные сосуды, металлические предметы (изредка золотые украшения), зооморфные и антропоморфные глиняные фигурки, в некоторых могилах сохранились остатки заупокойной пищи и кости жертвенных животных.

Могильники Северной Осетии (Нижнекобанский и Дзуарикауский могильники, могильник Загли Барзонд) содержат материалы, свидетельствующие о миграции племен из Закавказья на позднем этапе развития куро-аракcской культуры, а также в посткуро-аракcский период. Погребения совершены в каменных ящиках и каменных бочковидных в плане гробницах. Костяки размещены в скорченном виде, на боку, ориентированы произвольно. Погребальный инвентарь содержит глиняные сосуды, пастовые и сердоликовые бусы, подвески, бронзовые браслеты, подвески-амулеты из зуба оленя и собачьего клыка, бусы из горного хрусталя. По мнению В.Л. Ростунова, погребальный обряд куро-аракcских могильников из Северной Осетии максимально приближается к обряду захоронений могильника Амиранис-гора (Южная Грузия), а погребальные сооружения идентичны во всех технологических деталях. Однако материалы погребений также свидетельствуют о длительных контактах северокавказского населения с жителями Южного Кавказа, в том числе и после угасания куро-аракcской культуры в этом регионе [13, с. 27].

В местах соприкосновения майкопской и куро-аракcской культур (территория Чечни и Ингушетии) выявлено наличие куро-аракcских материалов в майкопских погребениях (Бамутские курганы) [7, с. 23].

В предгорьях Северной Осетии майкопское население вытесняется куро-аракcскими и посткуро-аракcскими племенами [12, с. 24], а на востоке и юго-востоке Чечни и Ингушетии контакты майкопских и куро-аракcских племен приводят к появлению смешанных поселений и возникновению культуры синкретического типа, содержащей черты обеих культур [5, с. 16]. При этом ни в одном районе Кавказа, кроме Чечни и Ингушетии, не выявлены памятники, «в которых бы органически сочетались элементы майкопской и куро-аракcской культур» [8, с. 366]. Необходимо отметить, что куро-аракcская культура обладала рядом общих черт с майкопской археологической культурой Северного Кавказа, которые проявляются в погребальном обряде, керамике и предметах вооружения, что может свидетельствовать об их общих истоках.

Религиозные представления куро-аракcских племен, как об этом свидетельствует инвентарь погребений, были разнообразными: культ богини плодородия, вера в загробную жизнь, и, по всей видимости, связанный с почитанием предков культ домашнего очага. Наличие кромлехов в подкурганных захоронениях свидетельствует о существовании культа неба. Фигурки домашних животных в погребениях отражали почитание божеств, покровительствующих разведению крупного рогатого скота, и имитировали жертвоприношение [5, с. 163].

Таким образом, можно говорить о трансформации погребальной обрядности в IV-III тыс. до н.э. на Северном Кавказе, которая отражала социально-экономические, миграционные процессы, про-

исходившие в этот период в регионе, а также эволюцию религиозных представлений населения.

В эпоху энеолита наряду с грунтовыми могильниками появляются курганные погребения и становится более разнообразным погребальный инвентарь, что свидетельствует об усложнении социальной жизни и дифференциации похоронного ритуала по полу, возрасту и социальному статусу. Среди энеолитических племен Северного Кавказа были распространены, восходящие к палеолиту культ плодородия и вера в загробную жизнь.

В эпоху ранней бронзы (майкопская культура) курганные погребения становятся преобладающими, усложняются и становятся более разнообразными конструкции могил, наряду с грунтовыми ямами на позднем этапе появляются каменные ящики и дольменообразные гробницы. Становится более разнообразным инвентарь погребений, усиливается дифференциация ритуала по социальному статусу (появляются богатые захоронения с золотыми и серебряными предметами, оружием и орудиями труда).

Миграция на Северный Кавказ племен ранней бронзы Закавказья на позднем этапе ее существования приводит в одних районах вытеснению майкопских племен и появлению новой погребальной обрядности, в других – возникновению синкретического типа культуры, сочетавшего в себе признаки обеих.

Инвентарь погребений свидетельствует о распространении на Северном Кавказе культа неба и небесных светил под влиянием мировоззрения переднеазиатских племен (урукская культура), что в свою очередь повлияло на конструкцию погребальных сооружений и ориентацию умерших по сторонам света.

К концу III тыс. до н.э. майкопскую культуру сменила так называемая северокавказская культура средней бронзы. Сходные черты в погребальной обрядности, керамике, совпадение территории распространения дают возможность предположить, что майкопская культура послужила основой для зарождения северокавказской культуры.

Формы погребальных сооружений, керамики, характер декора и орнаментальные мотивы (в первую очередь двойная спираль) свидетельствуют о преемственных связях северокавказской культуры и с куро-аракссской археологической культурой ранней бронзы [6, с. 261].

Погребальные сооружения северокавказской культуры представлены курганами, грунтовыми ямами, каменными ящиками, каменными склепами, что стало возможным благодарю синтезу в ней постмайкопских и посткуро-аракссских традиций.

Литература

1. Ахундов Т.И. О связях майкопской традиции с Южным Кавказом и Ближним Востоком // Археология, этнография и фольклористика. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе: Материалы международной научной конференции. Махачкала, 2007. С. 61 – 64.

2. Вальчак С.Б., Малашев В.Ю., Леонтьева А.С., Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., Тангиев М.А., Дачаев И. С.-Х., Сайпудинов М.Ш., Фризен С.Ю., Шаушев К.Б. Раскопки кургана эпохи бронзы в Гудермесском районе Чеченской Республики // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22-29 апреля 2018 г. Карачаевск, 2018. С. 53 – 55.

3. История Древнего Востока. Под редакцией В.И. Кузищина. М.: «Высшая школа», 2002. 462 с.

4. Кореневский С.Н. Археологические признаки социальной дифференциации в погребальном обряде эпохи энеолита, ранней бронзы Центрального Предкавказья // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1988. С. 6 – 15.

5. Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа (V-III тыс. до н.э.). Л.: Наука, 1970. 190 с.

6. Марковин В.И. Северокавказская культурно-историческая общность // Археология бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 254 – 286.

7. Мунчаев Р.М. Из истории раннебронзового века в Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1966. С. 9 – 28.

8. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 414 с.

9. Мунчаев Р.М. Куро-аракссская культура // Археология бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 8 – 57.

10. Мунчаев Р.М. Урукская культура (Месопотамия) и Кавказ // Археология, этнография и фольклористика. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе: Материалы международной научной конференции. Махачкала, 2007. С. 8 – 9.

11. Мусеибли Н.А. Лейлатепинская культура позднего энеолита и ее влияние на раннебронзовые культуры Кавказа // Археология, этнография и фольклористика. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе: Материалы международной научной конференции. Махачкала, 2007. С.65 – 69.

12. Ростунов В.Л. К вопросу об этнокультурных процессах в предгорной зоне Северной Осетии в III тыс. до н.э. (По материалам погребальных памятников) // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Международный симпозиум. Новороссийск, 18-24 марта 1991 г.: Тезисы докладов. Л., 1991. С.22-24.

13. Ростунов В.Л. Куро-араксские могильники Северной Осетии // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1988. С. 21 – 64.

14. Семенов В. Первобытное искусство. Каменный век. Бронзовый век. СПб.: Издательский дом «Азбука-Классика», 2008. 589 с.

15. Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965. 160 с.

16. Чубинишвили Т.Н. О взаимоотношениях кавказской («куро-араксской») культуры с переднеазиатской культурой в III тысячелетии до н. эры // VII Международный Конгресс Антропологических и Этнографических Наук. М., Август 1964. Доклад. Изд-во «Мецниереба», Тбилиси, 1964. С. 3 – 10.

17. Элиаде М. История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий. М.: Академический проект, 2014. 431 с.

References

1. Ahundov T.I. O svyazyah majkopskoj tradicii s YUzhnym Kavkazom i Blizhnim Vostokom. Arheologiya, etnografiya i fol'kloristika. Novejshie arheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya na Kavkaze: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Mahachkala, 2007. S. 61 – 64.

2. Val'chak S.B., Malashev V.YU., Leont'eva A.S., Mamaev H.M., Mamaev R.H., Tangiev M.A., Dachaev I. S.-H., Sajpudinov M.SH., Frizen S.YU., SHaushev K.B. Raskopki kurgana epohi bronzy v Gudermesskom rajone CHechenskoj Respubliki. Kavkaz v sisteme kul'turnyh svyazej Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. XXX «Krupnovskie chteniya». Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Karachaevsk, 22-29 aprelya 2018 g. Karachaevsk, 2018. S. 53 – 55.

3. Istoriya Drevnego Vostoka. Pod redakciej V.I. Kuzishchina. M.: «Vysshaya shkola», 2002. 462 s.

4. Korenevskij S.N. Arheologicheskie priznaki social'noj differenciacii v pogrebal'nom obryade epohi eneolita, rannej bronzy Central'nogo Predkavkaz'ya. Pogrebal'nyj obryad drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnogo Kavkaza. Ordzhonikidze: RIO SOGU, 1988. S. 6 – 15.

5. Kushnareva K.H., CHubinishvili T.N. Drevnie kul'tury YUzhnogo Kavkaza (V-III tys. do n.e.). L.: Nauka, 1970. 190 s.

6. Markovin V.I. Severokavkazskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost'. Arheologiya bronzy Kavkaza i Srednej Azii. Rannyaya i srednyaya bronza Kavkaza. M.: Nauka, 1994. S. 254 – 286.

7. Munchaev R.M. Iz istorii rannebronzovogo veka v CHecheno-Ingushetii. Arheologo-etnograficheskij sbornik. Groznyj: CHecheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. S. 9 – 28.

8. Munchaev R.M. Kavkaz na zare bronzovogo veka. M.: Nauka, 1975. 414 s.

9. Munchaev R.M. Kuro-araksskaya kul'tura. Arheologiya bronzy Kavkaza i Srednej Azii. Rannyaya i srednyaya bronza Kavkaza. M.: Nauka, 1994. S. 8 – 57.

10. Munchaev R.M. Urukskaya kul'tura (Mesopotamiya) i Kavka. Arheologiya, etnografiya i fol'kloristika. Novejshie arheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya na Kavkaze: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Mahachkala, 2007. S. 8 – 9.

11. Museibli N.A. Lejlatepinskaya kul'tura pozdnego eneolita i ee vliyanie na rannebronzovye kul'tury Kavkaza. Arheologiya, etnografiya i fol'kloristika. Novejshie arheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya na Kavkaze: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Mahachkala, 2007. S.65 – 69.

12. Rostunov V.L. K voprosu ob etnokul'turnyh processah v predgornoj zone Severnoj Osetii v III tys. do n.e. (Po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov). Majkopskij fenomen v drevnej istorii Kavkaza i Vostochnoj Evropy. Mezhdunarodnyj simpozium. Novorossijsk, 18-24 marta 1991 g.: Tezi-sy dokladov. L., 1991. S.22-24.

13. Rostunov V.L. Kuro-araksskie mogil'niki Severnoj Osetii. Pogrebal'nyj obryad drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnogo Kavkaza. Ordzhonikidze: RIO SOGU, 1988. S. 21 – 64.

14. Semenov V. Pervobytnoe iskusstvo. Kamennyj vek. Bronzovyj vek. SPb.: Izdatel'skij dom «Azbuka-Klassika», 2008. 589 s.

15. Formozov A.A. Kamennyj vek i eneolit Prikuban'ya. M.: Nauka, 1965. 160 s.

16. CHubinishvili T.N. O vzaimootnosheniyah kavkazskoj («kuro-araksskoj») kul'tury s peredneaziatskoj kul'turoj v III tysyacheletii do n. ery. VII Mezhdunarodnyj Kongress Antropologicheskih i Etnograficheskih Nauk. M., Avgust 1964. Doklad. Izd-vo «Mecniereba», Tbilisi, 1964. S. 3 – 10.

17. Eliade M. Istoriya very i religioznyh idej: ot kamennogo veka do elevsinskih misterij. M.: Akademicheskij proekt, 2014. 431 s.

Ilyasov L.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Doctoral Candidate,
Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

ON THE QUESTION OF THE TRANSFORMATION OF FUNERAL RITES IN THE NORTH CAUCASUS (ENEOLITHIC, EARLY BRONZE AGE)

Abstract: the article is devoted to the problems of transformation of funeral rites in the North Caucasus in the Eneolithic and Early Bronze Ages.

The author examines the transformation of funeral rites, including buildings and ritual traditions, at the transitional stage from the Eneolithic to the Early Bronze Age, as well as during the entire period of the Early Bronze Age.

Funeral traditions carry information about the socio-economic structure, religious traditions and cultural and economic ties of the ancient society. The burial inventory is an indicator of the social heterogeneity of the population; burials rich in weapons and metal objects testify to the high social status of the buried. In addition to economic and ideological factors, the transformation of funeral rites was influenced by migration processes that took place in the region in the middle of the 3rd millennium BC, which led not only to a sharp change in burial traditions in certain regions of the North Caucasus, but also to their significant diversity. As a result, the North Caucasian culture of the Middle Bronze Age acquired syncretic features, which included the traditions of both the Maikop and the Kura-Araxes cultures of the Early Bronze Age.

Keywords: funeral rites, burial structures, burial inventory, Eneolithic, Early Bronze Age, Maikop culture, Kuro-Araks culture, North Caucasian culture, religious cults

Новиков С.В., доктор исторических наук, профессор,
Омский государственный аграрный
университет им. П.А. Столыпина

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СУВЕРЕННОЙ РОССИИ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ РОССИЙСКОГО ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ (1990-1995)

Аннотация: во второй половине XX в., пройдя через опыт тоталитарных режимов, миллионы граждан различных стран обратились к политическим силам заявившим себя сторонниками христианской демократии. Христианско-демократические партии в Италии и в Западной Германии способствовали стабилизации послевоенной политической ситуации. В 1961 г. под назв анием «Всемирный христианско-демократический союз» был создан ныне носящий название «Центристского демократического интернационал». С середины 1970-х по 1999-е гг. демохристиане участники антитавторитарных и антитоталитарных движений в различных странах.

Создание политических организаций христианско-демократической направленности имело место в СССР в годы перестройки. К 2000-м гг. стало ясно, что в Российской Федерации реализовать идею не удалось.

Автор, базируясь на принципе историзма, понимаемый в традиционном ключе анализируя работы российских и зарубежных исследователей, привлекая материалы архивов, прессу и документы движения дает оценку деятельности Российского христианского демократического движения (РХДД) в годы перестройки и становления суверенной России.

Задачей статьи является реконстукция истории РХДД, анализ её отношения к советскому политическому строю, союзному государству, изменению социально-экономической системы страны, а так же отражение в програмных документах движения видения политического строя, государственного устройства и экономической системы в посткоммунистической России.

Позицией движения по вышеуказанным вопросам объясняются политические неудачи российских христианских демократов.

Ключевые слова: Народно-Трудовой Союз российских солидаристов, перестройка, «Церковь и перестройка», Российское Христианско-Демократическое Движение, Новоогаревский процесс, «Основной Закон Российской Федерации переходного периода»

Обращение к истории возникновения христианско-демократического направления в политическо спектре перестроечной РСФСР и суверенной России не случайно. Партии христианско-демократической направленности возникшие в середине XIX в., со второй половины XX в. успешно решали имеющиеся в посттоталитарных странах социально-политические и экономические проблемы. Опыт Италии, ФРГ, Португалии и Испании вдохновлял сторонников этого направления социальной и полиической мысли в СССР. Но, несмотря на наличие христианско-деморатических партий на постсоюзном пространстеве в Российской Федерации направление как политическая сила не состоялось.

Исследования об организациях христианско-демократического толка, тем более о РХДД не многочисленны, целесообразно выделить следующие.

В 2002 г. выходит в свет книга А.А. Амплеевой, заявленная в качестве «аналитического обзора», в работе рассматривается христианско-демократическое движение – одно из социально-политических направлений, во многом определивших послевоенное общественное устройство мира. Автор предпринимает попытки анализа деятельности политиков данного направления в досоветской России, а также в РСФСР и Российской Федерации в 1989-1995 гг. Относительно последнего периода упомянуты Христианско-демократический союз России (ХДСР), Московский и Санкт-Петербургский Христианско-демократический союз (ХДС), Российская христианско-демократическая партия (РХДП) , Российский союз молодых христианских демократов. Отдельному анализу подвергнута деятельность РХДД [1, с. 70-73, 75-78].

Несомненный интерес в развитии темы представляет книга А.В. Щипкова подробно освящающая деятельность христианских-демократов в России 1980-х – 1990-х гг.[2].

Помимо указанных авторов к изучению РХДД обратились в своих работах А.А. Фоменков и М.С. Новиков. Первый, анализирует идеологию движения на фоне деятельности русских националистов [3, с. 201-210]. Второй, состояние структур РХДД

его взаимоотношения с Народно-Трудовым Союзом российских солидаристов (НТС), Конгрессом русских общин(КРО) и другими заявившими себя националистами силами [4, с. 44, 46-47, 52, 58, 74, 79-80, 90, 97, 131, 150, 210, 263, 265]. Помимо указанных работ имеют место статьи освящающие те или иные аспекты деятельности РХДД.

Зарубежных исследований по российской христианской демократии нет. Однако, в рамках характеристик политической жизни перестроечного СССР и суверенной России можно выделить исследования М. Урбана [5], В. Резингер и Б. Мораски [6]. Интерес в контексте изучения РХДД представляет переведенная с английского работа Э. Жерар, С. Ван Хеке посвященная христианско-демократическим партиям Западной Европы после окончания холодной войны [7].Содержание этих работ позволяют опосредованно характеризовать деятельность РХДД.

Обратить внимания следует и на работы по проблемам взаимозависимости религиозных отношений и политической жизни. Например, работа Б. Дубина, опубликованноя в журнале основанном Московским центром Карнеги [8], исследование Р.Н. Лункина анализируют влияние религии на политический процесс [9].

К числу зарубежных разработок можно отнести материалы исследовательского Центра Пью (PEW RESEARCH CENTER) Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе [10]. Подобные работы позволяют сопоставить деятельность РХДД с процессами происходившими в православной среде граждан РСФСР и РФ.

При написании статьи были использованы различные источники.

Справочники содержащие данные о РХДД. Информации о деятельности организации в 1990 г. вошла в справочник А.А. Данилова и М.Р. Дубровского [11]. Данные справочно-аналитеческого сборника «Партии, движения и объединения России», характеризуют потенциал РХДД на начало 1993 г. [12]. Упоминается РХДД и в более поздних справочниках.

Информация о РХДД в РСФСР и в суверенной России содержится в фондах: Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центра документации новейшей истории Новосибирской области (ЦДНИНО); нашла отражения в изданиях г. Новосибирска: «Свободная демократическая Сибирь», «Сибирская газета», а так же сети Internet.

Оценки советского политического строя, союзно-федеративного государственнного устройства и экономической системы базирующейся на государственной собственности и плановом ведении хозяйства представлены сборнике материалов РХДД [13], «Основные положения политической программы Российского Христианско-демократического движения» принятые Учредительной конференцией РХДД и хранятся в РГАСПИ. Взгляды на перспективы государственного строительства в России 1992-1995 гг. озвучны на I Създе РХДД, даны на страницах газеты «Путь» (Москва) и издания независимого агенства новостей «Партинформ» (Москва).

Эти источники идеологически различны, в некоторых аспектах противоречат, а в ряде случаев дополняют друг друга. Однако их комплексное применение дает возможность реконструирования истории РХДД и анализа её отношения к советскому политическому строю, союзному государству, изменению социально-экономической системы страны, а так же отражение в програмных документах движения видения политического строя, государственного устройства и экономической системы в посткоммунистической России.

Анализ деятельности РХДД был бы не полным без упоминания о Сэмюэле Филлипсе Хантингтоне. Этот социолог и политолог, автор концепции «волн демократизации» в 1977-1978 гг. являлся координатором отдела планирования в Совете национальной безопасности США, в 1978-1989 гг. директором Центра международных отношений. Рассматривая религию как фактор политических изменений он впоследствии обозначил «третью волну» с 1974 по 1991 г. – от падения диктатуры в Португалии до распада СССР. По его мнению политическая роль религии в «третьей волне» демократизации была решающей [9, с. 12-13].

Обратим внимание на список Думы РХДД куда вошли: москвичи – народный депутат РСФСР, отец Г.П. Якунин; иконописец Б. Бычевский; руководитель юношеского Христианского движения О. Денисенко; христианский писатель В.И. Карпец; историк Е. Поляков; диссидент, член Народно-Трудового Союза российских солидаристов (НТС) В.А. Сендеров; христианский публицист из г. Риги А.Ю. Казаков; христианский деятель из г. Одессы О. Костенко; руководитель Ленинградской группы ХДС В.В. Савицкий; церьковный деятель из г. Калинин А. Чибисов, руководитель Калужского объединения РХДД А. Шутько. Сопредседателями Думы стали москвичи – народный депутат РСФСР, священник В.С. Полосин; народный депутат РСФСР, христианский филосов, член НТС В.В. Аксючиц и христианский писатель Г.А. Анищенко [2, с. 74; 14, с. 3,5].

Данный список приведен не случайно. Обратимся к биографиям 5 из 15 упомянутых организаторав РХДД имеются сети Internet. Обратим внимание на возраст российских христианских демо-

кратов: В.В. Аксющиц родился в 1949 г., В.С. Полосин в 1956 г., Г.А. Анищенко в 1952 г. [15-17]. Несколько выпадают из возрастного ряда Г.П. Якунин родившийся в 1934 г. и А.Ю. Казаков – 1965 г. [18-19]. Однако это не влияет на вывод о том, что становление взглядов будующих организаторов РХДД происходило в годы развертования «третьей волны» демократии. Дело в том, советские СМИ, оценивая происходящие процессы с коммунистических позиций тем не менее доводили до граждан СССР информацию о событиях в Португалии, Испании, Польше, где христианские демократы являлись противниками авторитарных и тоталитарных режимов как правого, так и левого толка, сторонниками назревших реформ. Примером такого влияния является биография В.В. Аксючица. В КПСС вступил в годы службы в ВМФ (с 1972 г. офицер запаса), в 1978 г. закончил филосовский факультет МГУ по отделению научный коммунизм, поступил в аспирантуру. Возглавлял студенческую, а затем аспирантскую партийную организацию. Из КПСС вышел «по идейным соображениям», принял православие [4, с. 262].

История возникновения РХДД может рассматривается с двух позиций.

Первоя позиция. Первым объединением, объявившим себя выразителем идей христианской демократии, стал ХДСР (август 1989 г.), который возглавил бывший политзаключенный и правозащитник А.И. Огородников. Однако вскоре последовал ряд расколов, и из ХДСР выделились московский ХДС (В. Ротт), ХДС Ленинграда (В.В. Савицкий), Российская христианско-демократическая партия (А.В. Чуев), Российский союз молодых христианских демократов (Д.С. Анцыферов). В апреле 1990 г. параллельно было создано РХДД (В.В. Аксючиц) [1,с.75]. С учетом последующих идейных и организационных размежеваний христианских демократов подразделяют на два направления:

- западническое: Христианско-демократический союз России (А.П. Огородников), Российский христианско-демократический союз (В.В. Савицкий, Р. Якунин), Российская христианско-демократическая партия (А.В. Чуев);

- почвенническое направленние РХДД (В.В. Аксючиц) [20, с. 133].

Другая позиция связана с началом работы в СССР НТС, позиционирующего себя в качестве русской национальной организации. В 1987 г. вышел его програмный документ «Путь к будущей России», распространенный в СССР. На базе указанного документа в 1989 г. была создана программа Демократического Союза (ДС), а в 1990 г. были учреждены такие организации как РХДД, Партия конституционных демократов («Партия народной свободы») и Российская национально-республиканская партия (РНПР) [4, с. 42, 44-45]. Это «политическое кланирование» отразилось в созданной по горячим следам литературе, где ДС (сторонники созыва Учредительного собрания) и РХДД (сторонники созыва Земского Собора) причислены к «ультролиберальному» политическому направлению [11, с. 46-47]. Данная политическая метоморфоза объяснима – НТС не обозначал будующее устройство России. Этот подход позволил солидаристам создавать в СССР любые политические организации.

Учредительная конференция РХДД состоялась 8-9 апреля 1990 г. Инициаторами создания движения являлись организации отказавшиеся от ступления в ХДСР: Российское движение молодых христиан, независимая ассоциация сохранения церковного искуства, христианские воскрестные школы, театр «Ковчег», журнал «Выбор», группа «Церьковь и перестройка». Одновременно с движением была создана одноименная партия – «партия Аксючица» [21, с. 91]. Над участниками витал дух антикоммунизма отраженный в походной песне НТС:

Над Россией могучей
Вьются черные тучи,
Много лет уж под игом она,
Под чекистским наганом,
Под марксистским дурманом
Задыхается наша страна… [22].

Организаторы приняли «Декларацию», в которой атеизм и материализм рассматривались как источник энергии и целеполагания коммунизма, а последний провозглашался радикальнейшей в мировой истории богоборческой доктриной и силой... Библейскими предтечами коммунизма определялись потомки Каина, строителя Вавилонской башни. Коммунизм, по мнению авторов документа, нацелен не столько на уничтожение цивилизации как таковой, сколько на духовную гибель человечества [23].

Программа движения содержала следующие тезисы;

- в государственной политике РХДД «выступает за подготовку и созыв Всероссийского Земского Собора, который призван восстановить прерванную революционным переворотом приемственность законной власти». В вопросе о форме правления в Российском государстве движение придерживалось позиции непредрешенности. В переходный период жизнеспособной формой государственного устройства считалась «президентская республика»;

- в национальном вопросе РХДД выступало за то, чтобы в Российском государстве были гаран-

тированны права наций – органичным «явилось бы разнообразие национально-государственных форм: автономных, федеративных, конфедеративных и иных», которые осуществлялись бы «местными органами самоуправления и обеспечивались Российским государством»;

- в вопросе сохранения союзного государства РХДД выступала за «деимпериализацию» идеологического монстра – СССР стремясь к выработке сбалансированных форм этой деимпериализации с учетом мирового опыта. В документе указывалось, что: «Народы пожелавшие отделится от метрополии, должны иметь реальную возможность это сделать. С другой стороны, процесс отделения не должен выражатся в безумное, безответственное дробление страны» (механизм – плебисцита всего населения перед отделением территории);

- в вопросе о статусе русского населения Российское государство должно «разработать и осуществлять эффективную программу по защите интересов той части российского населения, которая останется на отделившихся территориях» [13, с.35-36, 44, 45, 46].

- в сфере экономических и социальных отношений РХДД выступал за децентрализированную интенсивную экономику («социальную рыночную экономику»), базирующуюся на «частной собственности и христианской справедливости; конкуренции и солидарности; за равноправие всех форм собственности при антимонопольном законодательстве». Механизм создания многоукладной экономики – приватизация части основных фондов путем продажи непосредственно и через акции в коллективную и частную собственность. Эта система базируется на сильной социальной политике [14, с. 30].

Сам В.В. Аксючиц путал поятие «Учредительное собрание» с термином «Земский Собор». При этом в качестве соответствующей отечественным реалиям формы правления называл конституционную монархию [3, с. 203].

Дума РХДД была зарегистрирована в Октябрьском районном Совете г. Москвы в качестве добровольной общественной организации 4 июня 1990 г. Как следствие Программа и Устав РХДД стали юридическими документами [24, с. 21]. Со второй половины 1990 г. РХДД занималось созданием региональных структур. Помимо существующих в Москве, Ленинграде, были заявлены региональные отделения. Калужское, Борисоглебское, Орловское, Липецкое, Воронежское, Нижегородское, Калининградское, Пермское, Таганрогское, Тверское, Иркутское, Владимирское, Одесское, Свердловское и ряд других [23].

В то же время под влиянием НТС шло создание организаций ДС и РХДД в регионах. Данные организации определялись НТС как дружественные представляющие её либерально-демократическое и христианско-демократическое крыло. Например, РХДД активно распространял в СССР и РСФСР 50 тысяч экземпляров тиражируемого в Риге журнала солидаристов «Посев». Представлялось, что солидаристы «растворятся» в них [25, с. 2]. Организации РХДД за Уралом имелись в Новосибирске, Томске, Иркутске, Магадане. Организации ДС действовали в Барнауле, Омске, Кемерове, Новокузнецке, Новосибирске. Оценить численность организаций сложно, так как по уставу РХДД её первичное звено – группа могла быть образована при наличии не менее трех участников Движения. Территориальные (функциональные) объединения-отделения могли создавать не менее трех таких групп РХДД [4, с. 47, 49; 23].

Дальнейшая развитие РХДД было предопределено отказом руководства НТС от идеи дальнейшей работы с РХДД и её вступлением в созданное 20-21 октября 1990 г. движение «Демократическая Россия» (ДР) [4, с. 47, 52].

Ничего из ряда вон выходящего во вступлении РХДД в ДР не было. М.Е. Урбан в работе «Шаги политической идентификации в поздней советской и постсоветской России» констатировал, что ни одна из партий, возникших в 1990-е гг., не определилась с практическими целями и специфическими проблемами. Новые политические силы объединял антикоммунизм, негативизм [5, с. 140]. Этого на текущий момент было достаточно для блокироания.

В ходе Первого съезд народных депутатов РСФСР проходившего с 16 мая по 22 июня 1990 г. В.В. Аксючиц снял свою кандидатуру на пост Председателя ВС РСФСР в пльзу Б.Н. Ельцина, объясняя свою позицию тем, что «время христианской демократии в России еще не пришло». Заметим, что в предвыборной кампании 1990 г. ни один из будующих лидеров РХДД не баллотировался в качестве христианского демократа. А В.В. Аксючиц в ходе таковой пригласил агитировать за себя команду, которая только что успешно привела в депутатское кресло С.Б. Станкевича, в то время христианские политические концепции не разделяющего [2, с. 72-74; 21, с. 91].

На Первом съезде, депутаты создавшие РХДД проголосовали за решения ломающие юридическую основу союзной и партийной государственности:

- избрали Б.Н. Ельцина Председателем ВС РСФСР (перевес в 3 голоса);

- приняли Декларацию о суверенитете РСФСР, содержащиюположения о верховенстве законов России над законами СССР (перевес в 1 голос);

- приняли «Декрет о власти», содержащий пложения о закрытии партийных комитетов в силовых структурах, государственных учреждениях, хозяйствующих субъектах (перевес в 1 голос)[4, с. 60-61].

Так голоса РХДД, оказались фактором предопределившим исход.

К октябрю 1990 г. Комитетом ВС РСФСР по свободе совести, вероисповеданию, милосердию и благотворительности, который возглавлял член РХДД В.С. Полосин и куда входили В.В. Аксючиц, Г.П. Якунин, В.В. Крючков, был подготовлен проект Закона о свободе совести, принятый ВС РСФСР с поправками [23].

По инициативе В.В. Аксючица, 19 апреля 1991 г. РХДД, Демократическая партия России (ДПР) и Конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы) вошли в блок «Народное согласие» поддержавший Союзный договор в его «новоогаревском» виде [26, с. 143, 145, 150]. В мае-июне произошли важные для РХДД события: оно было зарегистрировано минюстом РСФСР (06.06.1991), В.В. Аксючиц баллотировался в президенты РСФСР, но не был зарегистрирован [2, с. 77; 21, с. 91].

III Конференция РХДД, прошедшая 18 августа 1991 г. декларировала себя всесоюзной организацией, что повлекло уход белорусской и украинской делегаций и выход из движения Г.П. Якунина. Во время августовских событий РХДД выступило против ГКЧП. Но, уже в ноябре РХДД вышло из ДР. Смена политической ориентации стала припятствием для вхождения движения в Центристский демократический интернационал [21, с. 91-92].

Исчезновение СССР в корне изменили политическую ситуацию.

Необходимо отметить, что в програмных положениях РХДД имело место противоречие – требование отменить коммунистическую идеологию и желание сохранить СССР. Именно эта идеология и партийно-государственные структуры объединяли страну. Падение «коммунизма» вызвало распад государства. Лидеры РХДД, как говорится во французской поговорке; «Сжигая свой дом одновременно рыдали над его пепелищем».

Однако обратимся к програмным положениям РХДД характеризующим ситуацию применительно к суверенной России 1992 г.:

- установившуюся власть движение считало властью переходного периода, при этом формой государственного устройства считалась не установившаяся «презедентско-советская», а «президентская» республика. Президент, по мнению В.В. Аксющица должен был способствовать становлению монархии. Констиуционная монархия в свою очередь опиралась бы на «народоправие»;

- постсоюзное пространство виделось РХДД в процессе воссоединения земель бывшего СССР вокруг России. Процесс шел бы – через референдумы;

- в вопросе о статусе народов в новой России подчеркивалось, что «русский народ является становым хребтом Российского государства»;

- в экономики, с точки зрения РХДД, «радикальная ломка народного хозяйства привела к его разграблению». Предполагалось восстановить вертикальные и горизонтальные связи на постсобюзной территории, вернуть контроль государства над государственным сектором экономики [123-127].

Движению предстояли боротся за политическую власть с целью реализации своей программы. Поиск политических союзников дал применительно к середине 1992 г. следующию картину:

- 2% членов РХДД поддерживали Советскую республику,

-24% выступали за парламентскую форму правления,

-32% были сторонниками президентской республики,

-25% видели будующее в конституционной монархии,

- 19 % заявляли себя сторонниками православного самодержавия.

На неприязнь по отношению к левым и коммунистическим партиям указали 43% сторонников РХДД, к ДР 31%. Главным союзником 42% сторонников движения видели в Конституционных демократах («Партия народной свободы»), остальные поддерживали ПЭС, ДПР, РНПР [27, с. 4].

На конец 1992 г. по различным данным движение объединяло 17 тыс. человек в 153 городах России и 30 городах бывших республик СССР [12, с. 155, 21, с. 92].

В середине января 1993 г. Политсовет РХДД принял обращение о Референдуме и досрочных выборах. Аксючиц был убежден необходимо принятие «Основного Закона Российской Федерации переходного периода», после принятия которого в течение полугода нужно провести досрочные всеобщие выборы и добиваться при этом, чтобы «в результате выборов была сформирована сильная национальная власть». Сам В.В. Аксющиц собирался баллотироватся в президенты суверенной России [28, с. 7].

Итоги апрельского референдума 1993 г. РХДД оценил как «сомнительные, поскольку референдум проходил в совершенно не демократических условиях». Деятельность команды Б.Н. Ельцина члены движения рассматривали как – идеологиче-

ское оформление попытки узурпации власти» [29, с. 2, 6].

Аксючиц резко выступил против указа Ельцина N 1400. Последующие плебисцит и выборы оказались для движения неожиданными. К выборам депутатов Государственной Думы «по партспискам» РХДД не допустили – не удалось набрать 100 тыс. подписей. Выборы на округах были проиграны [23].

Произошедшее имеет самые различные объяснения.

Анализируя отношения к религии в Восточной Европе и СССР применительно к 1970-1980 гг. исследовательский центр Пью (Pew Research Center) отмечал, по мнению россиян общество этого периода было религиозно, а рост религиозности наблюдается с началом перестройки (с 1988 г. когда было решено отметить тысячилетие крещения Руси – замечание моё, С.В. Новиков) [10,с. 10].

На фоне событий в Польше или исламской революции в Иране появилась иллюзия возможности через религиозно-политические доктрины преобразовать СССР. Казалось, что для граждан СССР приобщение к «религии» означало индивидуальную свободу и борьбу за неё в рамках государственного устройства. Но, после ликвидации СССР стало ясно, что: и в РСФСР и в суверенной России церковь действовала и действует совместно с властью, как её сила и символ, а население относится к церкви и точно так же оно понимает православную веру, как демонстрацию согласия – без интереса и понимания [8, с. 35, 37].

В этом формате участие рядовых верующих и «христианских» политиков в трансформации государства и общества было возможно, а в его изменении посредством смены элит – нет. В данных условиях христианские демократы в Сибири, независимо от причастности к партиям и движениям в августе 1990 – январе 1991 г.г. могли рассчитывать всего на 3% голосов избирателей [30, с. 4]. Ситуация не поменялась и в 1993 г., когда только 6% российских респондентов заявили, что им по душе партии и движения верующих – христиан, мусульман и др. [31, с. 11].

Неправдоподобной, в этом контексте кажется заявленная численность РХДД. По наблюдениям автора и данным представительства президента РФ по Новосибирской области в национал-патриотических движениях состояло не более 500 человек, к РХДД не долее 10 [32, с. 17]. О наличии организации РХДД в Томской области в начале 1994 г. речи не шло.

С конца 1994 г. начинается подготовка к будущим выборам Федерального Собрания и президента РФ. Анализ преведущих российских и региональных избирательных кампаний показавал, что избиратель поддерживает представителей так называемой «партии власти». Вывод этот принадлежал как российским, так и западным политологам и социологам [6, с. 5-6].

Взгляды христианских демократов Европы тоже изменялись под влиянием:

- процессов интеграции сокративших возможности принимать социально-экономические решения на уровне национальных правительств;
- необходимости отказа от поддержки социальных программ;
- отхода массового сознания от христианской этики, когда христианским демократам предстояло определить отношения к: абортам, эвтаназии, однополым бракам, клонированию и т.д.;
- необходимости конкурировать с правыми националистами [7].

В указанных ситуации происходит активизация политической эмиграции с попыткой обънединения вокруг национальной идеи. С этой целью было принято решение о развертовании и заполнении структур созданного при поддержке Конституционно-демократической партии (Партия народной свободы) Конгресса русских общин (КРО). В январе 1994 г. на II съезде КРО было заявлено о необходимости включения конгресса в борьбу за политическую власть [4, с. 131]. Вес КРО обрёл после вступления в его ряды генерала А.И. Лебедя с его сформировавшимся при помощи НТС движением «Честь и Родина». Работу с генералом вел солидарист, один из основателей РХДД В.А. Сендеров [33, с. 4-6]. Движение поддержал кинорежисер С.С. Говорухин, и В.В. Аксющиц с практически переставшим существовать, но переименованным в Российское христианско-державническое движение РХДД [2, с. 85].

Накануне выборов депутатов Государственной Думы С.С. Говорухин, совместно с В.В. Аксющицем вышли из КРО создав «Блок Станислава Говорухина». В результате голосования КРО получил 4,31% голосов избирателей, а «Блок Станислава Говорухина» – 0,99% [4, с. 150].

Биографии 5 известных основателей РХДД сложились следующим образом:

- В.В. Аксющиц, ушел в чиновники. В 1997–1998 гг. работал в аппарате Б.Ф. Немцова руководителем группы советников. Один из главных инициаторов похорон останков царской в Петропавловском соборе [2, с. 85];
- В.С. Полосин, после августа 1991 г. вышел за штат церковного служения, в 1993 г., после расстрела ВС РСФСР в штат Церкви не вернулся, хотя Патриархия предлагала ему быть настоятелем в Москве. В мае 1999 г. объявил о признании Единственного Бога и Мухаммада – Его пророком [16].

- Г.А. Анищенко, в 1991 и 1993 гг. среди защитников ВС РСФСР: сначала – от ГКЧП, потом – от танков Б.Н. Ельцина. С конца 1990-х гг. учитель в частной школе-пансионе «Дубравушка» в г. Обнинске Калужской области [17];

- Г.П. Якунин, с 1993 г. депутат ГД РФ от «Выбора России». В 1997 г. отлучен от церкви и предан анафеме. Входил в «Движение за возрождение российского православия» (Апостольская православная церковь). Член Московской Хельсинской группы, один из авторов открытого письма о преследовании граждан РФ по политическим мотивам. Скончался 25 декабря 2014 г. [18];

- А.Ю. Казаков, занимался деятельностью по защите прав русских жителей в Латвии, работал в партии «Родина», был одним из идеологов движения «Местные», руководил клубом при «Молодой гвардии Единой России» [19].

В заключении целесообразно отметить, что:

- будущие организаторы РХДД, чье становление в качестве христианских общественных деятелей произощло в первые годы развертования «третьей волны» демократии, участвовали в качестве политиков в её завершении;

- несмотря на декларирование христианских и державнических идей РХДД до падения коммунистического режима, объективно поддерживало прозападную оппозицию, а в суверенной России отмежевывалось от национальной оппозиции, что позволяет ставит вопрос о её «почвеннической направленности»;

- со времени создания в 1990 г и вплоть до 1995 г. РХДД, при определении своих подходов к политической действительности находилось под влиянием НТС, являясь одной из политических организаций созданных и действующих на базе её программы «Путь к будущей России».

Данные обстоятельства ни могли не отразиться на судьбе движения выступившего в годы перестройки против советского политического строя, союзного/федеративного государственного устройства и социалистической системы хозяйствования. Деятельность РХДД привела к ликвидации «исторической России» / СССР и становлению на территории РСФСР президентской республики. Надежды членов движения на переходный характер политического строя себя не оправдали, что стало причиной их адоптации к последующим политическим реалиям.

Литература

1. Амплеева А.А. Христианско-демократическое движение в Западной Европе и России: аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. проблем. Отд. Зап. Европы и Америки; Отв. ред. Новоженова И.С. М., 2002. 92 с.

2. Щипков А.В. Христианская демократия в России. М.: Издательский дом «Ключ-С», 2004. 120 с.

3. Фоменков А.А. Русский национальный проект: русские наионалисты в 1960-е – первой половине 1990-х годов: монография. Н. Новгород: Эксприн. 2010. 235 с.

4. Новиков М.С. Русские националисты и державники в Западной Сибири на рубеже эпох: лидеры, организации, пресса: монография / Под ред. С.В. Новикова. Омск: Изд-во ИП Макшеевой Е.А., 2020. 280 с.

5. Urban M. Stages of Political Identity Formation in Late Soviet and PostSoviet Russia // Identities in TransitionWilliam M. Reisinger, Bryon J. Moraski. Regional Voting in Russia's Federal Elections and Changing Regional Deference to the Kremlin // Department of Political Science Publication. Iowa Research Online. Prepared for delivery at the 67th Annual National Conference of the Midwest Political Science Association, Chicago, IL, April 2-5, 2009. P. 1-43. DOI:10.17077/g02k-n8zq: Eastern Europe and Russia after the collapse of communism. University of California at Berkeley, 1996. P. 140 – 144.

6. William M. Reisinger, Bryon J. Moraski. Regional Voting in Russia's Federal Elections and Changing Regional Deference to the Kremlin // Department of Political Science Publication. Iowa Research Online. Prepared for delivery at the 67th Annual National Conference of the Midwest Political Science Association, Chicago, IL, April 2-5, 2009. P. 1-43. DOI:10.17077/g02k-n8zq

7. Жерар Э., Ван Хеке С. Христианско-демократические партии Западной Европы после окончания холодной войны // Актуальные проблемы Европы. 2007. № 1. С. 20 – 40.

8. Дубин Б. РПЦ: церьковь как символ желаний целостности // Журнал «PRO et CONTRA» (ЗА и ПРОТИВ). 2013. № 5 (60). С. 31 – 39.

9. Лункин Р.Н. Религия и политический процесс: «четвертая волна» демократизации // Международная аналитика. 2021. № 12 (4). С. 11 – 27.

10. Сайгал Н., Куперман А. Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе. Pew Research Center. URL: https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf (дата обращения: 28.12.2021)

11. Данилов А.А., Дубровский М.Л. Политические партии и движения на современном этапе (Россия, Украина). Харьков: б/и, 1991. 136 с.

12. Партии, движения и объединения России. Первый выпуск. М.: НИИУ, 1993. 184 с.

13. Российское Христианско-демократическое движение: сборник материалов. М.: Дума ХДД. 1990. 63 с.

14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 662. Оп. 3. Д. 12.

15. Денис Коцевич. Виктор Аксючиц. URL: https://www.peoples.ru/art/literature/prose/publicist/victor_aksiutchits/ (дата обращения: 12.01.22).

16. Али Вячеслав Полосин. Почему я стал мусульманином? (Размышления бывшего священника о религии) // Журнал Индекс/Досье на цензуру. 2000. № 11. URL: http://index.org.ru/journal/11/polosin.html (дата обращения: 12.01.22)

17. Анищенко, Глеб Александрович. URL: https://www.peoplelife.ru/13202 (дата обращения: 12.01.22)

18. Якунин, Глеб Павлович. URL: https://tass.ru/encyclopedia/person/yakunin-gleb-pavlovich (дата обращения: 12.01.22)

19. Александр Казаков. Политолог, общественный деятель. URL: https://svpressa.ru/persons/aleksandr-kazakov/ (дата обращения: 12.01.22).

20. Евдокимова Л.С. Христианская демократия в России: проблемы и перспективы // Челябинского государственного университета. 2007. № 3 (81). С. 132 – 139.

21. Лифанов А.В., Малышев А.Ю. Путеводитель по партиям современной России. Новосибирск: Региональный центр поддержки российской государственности, 1995. 116 с.

22. Полчанинов Р. «Посев» и подпольные издания НТС в 1945-1951 гг. URL: https://www.russkije.lv/ru/journalism/read/r-polchaninov-underground-editions/ (дата обращения: 08.01.22)

23. Новые Общественно-политические организации периода перестройки. URL: http://lindex-ru.org/Lindex1/Shire01/Est01/Text01/2900.htm (дата обращения: 13.01.22)

24. Общественно-политические движения и партии в России. Справочник. М.: РИА «Новости», 1996, 29 с.

25. Свободная демократическая Сибирь. 1990. № 4.

26. РГАСПИ. Ф. 662. Оп. 3. Д. 4.

27. Путь. 1992. № 9/22.

28. Партинформ. 1993. № 29 (50).

29. Партинформ. 1993. № 44 (65).

30. Сибирская газета. 1991. № 10.

31. Социоэкспресс. 1993. № 4.

32. Государственный архив Новосибисркой области (ГАНО). Ф. 2140. Оп. 1. Д. 61.

33. Посев. 2002. № 6.

References

1. Ampleeva A.A. Hristiansko-demokraticheskoe dvizhenie v Zapadnoj Evrope i Rossii: analit. Obzor. RAN. INION. Centr nauch.-inform. issled. global. i region. problem. Otd. Zap. Evropy i Ameriki; Otv. red. Novozhenova I.S. M., 2002. 92 s.

2. SHCHipkov A.V. Hristianskaya demokratiya v Rossii. M.: Izdatel'skij dom «Klyuch-S», 2004. 120 s.

3. Fomenkov A.A. Russkij nacional'nyj proekt: russkie naionalisty v 1960-e – pervoj polovine 1990-h godov: monografiya. N. Novgorod: Eksprin. 2010. 235 s.

4. Novikov M.S. Russkie nacionalisty i derzhavniki v Zapadnoj Sibiri na rubezhe epoh: lidery, organizacii, pressa: monografiya. Pod red. S.V. Novikova. Omsk: Izd-vo IP Maksheevoj E.A., 2020. 280 s.

5. Urban M. Stages of Political Identity Formation in Late Soviet and PostSoviet Russia. Identities in TransitionWilliam M. Reisinger, Bryon J. Moraski. Regional Voting in Russia's Federal Elections and Changing Regional Deference to the Kremlin. Department of Political Science Publication. Iowa Research Online. Prepared for delivery at the 67th Annual National Conference of the Midwest Political Science Association, Chicago, IL, April 2-5, 2009. P. 1-43. DOI:10.17077/g02k-n8zq: Eastern Europe and Russia after the collapse of communism. University of California at Berkeley, 1996. P. 140 – 144.

6. William M. Reisinger, Bryon J. Moraski. Regional Voting in Russia's Federal Elections and Changing Regional Deference to the Kremlin. Department of Political Science Publication. Iowa Research Online. Prepared for delivery at the 67th Annual National Conference of the Midwest Political Science Association, Chicago, IL, April 2-5, 2009. P. 1-43. DOI:10.17077/g02k-n8zq

7. ZHerar E., Van Heke S. Hristiansko-demokraticheskie partii Zapadnoj Evropy posle okonchaniya holodnoj vojny. Aktual'nye problemy Evropy. 2007. № 1. S. 20 – 40.

8. Dubin B. RPC: cer'kov' kak simvol zhelanij celostnosti. ZHurnal «PRO et CONTRA» (ZA i PROTIV). 2013. № 5 (60). S. 31 – 39.

9. Lunkin R.N. Religiya i politicheskij process: «chetvertaya volna» demokratizacii. Mezhdunarodnaya analitika. 2021. № 12 (4). S. 11 – 27.

10. Sajgal N., Kuperman A. Religiya i nacional'naya prinadlezhnost' v Central'noj i Vostochnoj Evrope. Pew Research Senter. URL: https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf (data obrashcheniya: 28.12.2021)

11. Danilov A.A., Dubrovskij M.L. Politicheskie partii i dvizheniya na sovremennom etape (Ros-siya, Ukraina). Har'kov: b/i, 1991. 136 s.

12. Partii, dvizheniya i ob''edineniya Rossii. Pervyj vypusk. M.: NIIU, 1993. 184 s.

13. Rossijskoe Hristiansko-demokraticheskoe dvizhenie: sbornik materialov. M.: Duma HDD. 1990. 63 s.

14. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). F. 662. Op. 3. D. 12.

15. Denis Kocevich. Viktor Aksyuchic. URL: https://www.peoples.ru/art/literature/prose/publicist/victor_aksiutchits/ (data obrashcheniya: 12.01.22).

16. Ali Vyacheslav Polosin. Pochemu ya stal musul'maninom? (Razmyshleniya byvshego svyashchennika o religii). ZHurnal Indeks/Dos'e na cenzuru. 2000. № 11. URL: http://index.org.ru/journal/11/polosin.html (data obrashcheniya: 12.01.22)

17. Anishchenko, Gleb Aleksandrovich. URL: https://www.peoplelife.ru/13202 (data obrashcheniya: 12.01.22)

18. YAkunin, Gleb Pavlovich. URL: https://tass.ru/encyclopedia/person/yakunin-gleb-pavlovich (data obrashcheniya: 12.01.22)

19. Aleksandr Kazakov. Politolog, obshchestvennyj deyatel'. URL: https://svpressa.ru/persons/aleksandr-kazakov/ (data obrashcheniya: 12.01.22).

20. Evdokimova L.S. Hristianskaya demokratiya v Rossii: problemy i perspektivy. CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 3 (81). S. 132 – 139.

21. Lifanov A.V., Malyshev A.YU. Putevoditel' po partiyam sovremennoj Rossii. Novosibirsk: Re-gional'nyj centr podderzhki rossijskoj gosudarstvennosti, 1995. 116 s.

22. Polchaninov R. «Posev» i podpol'nye izdaniya NTS v 1945-1951 gg. URL: https://www.russkije.lv/ru/journalism/read/r-polchaninov-underground-editions/ (data obrashcheniya: 08.01.22)

23. Novye Obshchestvenno-politicheskie organizacii perioda perestrojki. URL: http://lindex-ru.org/Lindex1/Shire01/Est01/Text01/2900.htm (data obrashcheniya: 13.01.22)

24. Obshchestvenno-politicheskie dvizheniya i partii v Rossii. Spravochnik. M.: RIA «Novosti», 1996, 29 s.

25. Svobodnaya demokraticheskaya Sibir'. 1990. № 4.

26. RGASPI. F. 662. Op. 3. D. 4.

27. Put'. 1992. № 9/22.

28. Partinform. 1993. № 29 (50).

29. Partinform. 1993. № 44 (65).

30. Sibirskaya gazeta. 1991. № 10.

31. Socioekspress. 1993. № 4.

32. Gosudarstvennyj arhiv Novosibisrkoj oblasti (GANO). F. 2140. Op. 1. D. 61.

33. Posev. 2002. № 6.

Novikov S.V., Doctor of Historical Sciences
(Advanced Doctor), Professor,
State Agrarian University named after P.A. Stolypin

POLITICAL ORDER, GOVERNMENT AND ECONOMIC SYSTEM OF SOVEREIGN RUSSIA IN THE PROGRAM DOCUMENTS OF THE RUSSIAN CHRISTIAN-DEMOCRATIC MOVEMENT (1990-1995)

Abstract: in the second half of the 20th century, millions of citizens of various countries with totalitarian past or present gave their votes to political parties that declared themselves supporters of Christian democracy. Christian Democratic parties in Italy and in West Germany contributed to the stabilization of the political situation after the Second World War. In 1961, under the name of the World Christian Democratic Union, an organization was created that is now called the Centrist Democratic International. From the mid-1970s to the 1999s. Christian Democrats participated in anti-authoritarian and anti-totalitarian movements in various countries. The creation of Christian-democratic political organizations took place in the USSR during the years of perestroika. By the 2000s, it became clear that the idea of Christian democracy could not be realized in the Russian Federation.

The author analyzing the works of Russian and foreign researchers, involving archive materials, press and documents, gives an assessment of the activities of the Russian Christian Democratic Movement (RCDM) during the years of perestroika and the formation of sovereign Russia.

The purpose of the article is to reconstruct the history of the RCDM, analyze its relationship to the Soviet political system, the Union state, the change in the socio-economic system of the country, as well as the reflection in the program documents of the movement of the vision of the political system, the state structure and the economic system in post-communist Russia.

The movement's position on the above issues explains the political failures of the Russian Christian Democrats.

Keywords: People's Labor Union of Russian Solidarists, perestroika, «Church and Perestroika», Russian Christian Democratic Movement, Novoogarevsk's process, «The Basic Law of the Russian Federation of the transitional period»

Скопа В.А., доктор исторических наук, профессор,
Алтайский государственный педагогический университет

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИЕМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПЕРЕПИСЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 Г.)

Аннотация: в статье рассматриваются организационные приемы и механизмы проведения Всероссийской переписи населения 1897 г. Выявлены и проанализированы подготовительные работы, касающиеся организации и деятельности переписных комиссий, разработки переписных листов, формирования штата счетчиков. Организационно во главе переписи была поставлена главная переписная комиссия, составленная из представителей разных министерств и ведомств под непосредственным начальством председателя статистического комитета и директора центрального статистического комитета, который был подотчетен министру внутренних дел. Общие принципы руководства переписью были возложены на МВД. К числу местных органов, осуществляющих статистический учет были отнесены: губернские или областные переписные комиссии; уездный или окружные переписные комиссии; особые переписные комиссии в городах Санкт-Петербург, Москва, Варшава, Одесса, Николаев, Кронштадт, Севастополь и Керчь; прочие городские комиссии. Для организации и производства переписи уезды и города были разделены на переписные участки. Важной составляющей в организации переписи были методические инструкции, которые определяли последовательность механизма сбора сведений и принципы заполнения переписных листов. На расходы по производству данной кампании было положено отпустить около 4 млн. руб. В эту сумму закладывалась оплата труда и организационные мероприятия.

Ключевые слова: перепись населения, статистический комитет, история, народонаселение, Российская империя

Любое историческое исследование немыслимо без использования того или иного фактологического материала, к числу которого можно отнести и статистические данные. Анализ и интерпретация полученных артефактов позволяет целостно рассматривать завяленную проблему и комплексно подходить к ее детальной проработке. Ретроспективное обращение к организационным приемам и механизмам проведения переписи в Российской Империи позволяет всесторонне переосмыслить данный процесс с учетом имеющихся наработок и научного задела, что способствует детализированному выделению и рассмотрению отдельных структурных дефиниций – предметного поля исследования, как части всеобъемлющего процесса, в данном случае это касается организационных аспектов переписной кампании.

Обращение к анализу и переосмыслению организационных процессов переписных работ во многом объясняется и тем, что это позволяет оценить репрезентативность формируемых сведений, выявить особенности обработки полученного материала, более объективно и взвешенно подойти к оценке рассматриваемых явлений и процессов. К тому же, изученный опыт позволяет более целостно подходить к изучению и рассмотрению современных процессов в части оценки репрезентативности сформированных материалов и их адекватности.

Организация и проведение первой Всероссийской переписи населения воистину являлось общегосударственным детищем, подготовка к которому велась несколько лет. В отечественной историографии данная проблема изучена в различных ракурсах, плоскостях и территориальных границах: экономическая история, проблемы демографии, особенности развития промышленности и сельского хозяйства, конфессиональная Россия, отдельные регионы империи, источниковедческий анализ [1, 3, 13, 14]. Материалы первой Всероссийской переписи во многом являются уникальными и их потенциальный ресурс до конца еще не исчерпан как с теоретической точки – изучение методологических основ переписной кампании, так и с практической – анализ и интерпретация полученных показателей.

Целью заявленной статьи является анализ организационных приемов и механизмов проведения первой Всероссийской переписи населения 1897 г.

Организационная подготовка к данной переписи началась за долго до 1897 г. В первой половине 90-х годов XIX века были проведены работы организационно-методического и методологического характера, куда были вовлечены многие министерства и ведомства. Были обсуждены вопросы финансирования, организации работы в центре и на местах, механизмы формирования статистических данных, а также «оттачивались» переписные формы в соответствии теории и практики статистической науки [8, 9]. Достигнув консенсуса по ключевым вопросам, в 1895 году было издано положение об организации и проведении Всеобщей

переписи населения. Данный документ определял перепись как мероприятие, которое нацелено «привести в известность численность, состав и местное распределение всех жителей империи обоего пола, всякого возраста, состояния, вероисповедания и племени как русских подданных так иностранцев» [11].

На расходы по производству данной кампании было положено отпустить около 4 млн. руб. [7]. В эту сумму закладывалась и оплата труда, и организационные мероприятия. В документе пояснялось, что сумма могла быть скорректирована, поскольку могли быть изменены затраты, а предвидеть все возникающие нюансы практически было невозможно.

Что касается содержания положения, то по своей сути оно соответствовало положениям большинства западноевропейских государств. Стоит отметить, что в основу данного документа были заложены основные достижения, закрепленные на международных статистических конгрессах, целью которых являлось развитие статистических работ и приведение их к единообразию [5]. В нем заключался общий план переписи – как стратегическая основа, а разработка ее деталей была возложена на главную переписную комиссию. Важно заметить, что положение определяло возможность «привлекать к участию в руководстве народоисчислением всех, кто только мог бы оказать этому делу пользу» [2]. В то же время основной персонал переписных комиссий представлял собой по этому положению весьма бюрократическую структуру. Так органы, руководящие переписью, состояли из лиц местной администрации. О представителях науки, специалистах, «Положение…» почти умалчивало. Можно отметить, что упоминались лишь помощники председателя и секретари статистических комитетов где таковые были [4]. Даже статистический совет и тот оставлен был в стороне.

Организационно во главе переписи была поставлена главная переписная комиссия, составленная из представителей разных министерств и ведомств под непосредственным руководством председателя статистического комитета и директора центрального статистического комитета, который в свою очередь был подотчетен министру внутренних дел.

Общие принципы руководства переписью были возложены на МВД. К числу местных органов, осуществляющих статистический учет, были отнесены:

- учрежденные переписные комиссии в губерниях и областях;
- переписные комиссии в более мелких административно-территориальных единицах – уезды и округа;
- переписные комиссии в отдельных городах;
- прочие городские комиссии [10].

Губернская комиссия учреждалась под непосредственным руководством начальника губернии. Членский состав охватывал все региональные структуры [10]. Кроме того, в состав данных комиссий, как определяло положение «в случае надобности могли быть назначены члены и от других ведомств в зависимости от потребностей, количества проживающих лиц, рода и вида занятий» [15]. Немаловажное значение играла и конфессиональная основа. Поэтому в отдельных случаях привлекали лиц от духовенства как в части организационных основ, так и непосредственно для проведения переписного мероприятия.

Следующую ступень в административно-территориальном статистическом учете составляли уездные переписные комиссии. В них руководителем являлся уездный предводитель дворянства [10]. Также в заседаниях комиссии могли быть задействованы лица, которые командированы губернатором. Во многом это было определено тем, что территориальное размах переписной кампании был огромным и с целью усиления деятельности переписных комиссий весьма часто привлекались те или иные лица.

В особых переписных комиссиях, которые являлись следующим административно-территориальным звеном в организации и проведении кампании, председательствовали в Петербурге, Москве и Варшаве лица, которые были назначены высочайшей властью [6, 10]. В Одессе, Николаеве, Кронштадте, Севастополе и Керчи председательствовали губернаторы и градоначальники. Их функционал фактически был схожим.

Прочие городские комиссии, которые назначались министром, находились под председательством лиц, назначаемых губернаторами. Состав этой комиссии как же охватывал все административно-структурные элементы [2].

На особые переписные комиссии возлагались обязанности губернских и уездных переписных комиссий в подведомственных им местах, а на городскую комиссию только обязанности уездных переписных комиссий [10]. При этом по положению отмечалось, что там, «где в административном отношении не имеется указанных лиц для состава переписных комиссий они заменяются соответствующими лицами по назначению министра внутренних дел» [9]. Инструкционно и детализировано это прописывалось с целью избежать заминок в процессе переписных работ и указать на местах чиновникам их дополнительный функционал с точки зрения контроля.

Для производства переписного мероприятия административные центры делились на переписные участки [16]. Для помощи заведующим переписными участками были определены счётчики, в обязанности которых входила раздача и получение обратно переписных листов, их последующая верификация, пересчет; а в селеньях они сама фактически заполняли переписные листы в силу малой грамотности местного населения или «немощности сделать» [17]. Фактически, исходя из практики организации переписи, счётчики являлись самым низовым звеном переписной кампании. Во многом от их грамотности и заинтересованности заключался успех и репрезентативность формируемого статистического материала. В рекомендациях к организации переписи в качестве счетчиков рекомендовалось привлекать «церковнослужителей; учителей; грамотных из местных обывателей» [12].

Переписные листы как основной источник и фундамент всей переписи представляли собой хозяйственную ведомость с вертикальными графами с 14-ю заголовками и горизонтальными до 10 граф, в которых помещались сведения о каждом лице подлежащем переписи. Важной составляющей в организации переписи были методические инструкции, которые определяли последовательность механизма сбора сведений и принципы заполнения переписных листов. Так сведения в селеньях заполняли счётчики при содействии волостных старшин и старост. Во владельческих усадьбах и хуторах, на фабриках и заводах заполнялись владельцами или заведующими ими [3]. Инструкционно прописывалось, что все переписные листы должны были составлены в двух экземплярах.

Переписной листок представлял собой обыкновенный лист бумаги, который был сложен пополам и заключал в себе таким образом четыре страницы. Форма переписных листов не везде была одинакова и, в зависимости «от места и степени культурности того или иного сословия, или того и другого племени, или народа населяющих Россию» могла быть скорректирована (с сторону упрощения) [9]. Несмотря на это, фактически все листы сводились к одной общей форме. Переписные листы для учета крестьян, составлявших самую обширную группу население разнились от приведённой формы для городского населения, также, как и для населения во владельческих усадьбах.

Переписные листы печатались на русском языке. Там, где местное наречие являлось господствующим или русский язык вызывал затруднение, допускался перевод, но рядом сохранялся русский текст. В отдельных случаях допускались переводы всех листов, которые дублировали русскоязычные формы. Это делалось в основном в отношении национальных окраин, в качестве примера можно привести это Степной край, Кавказ. Возможность самостоятельно разрабатывать инструкционное обеспечение к переписному материалу, с учетом региональных особенностей в дополнение предложенному, решало многие проблемы, и в первую очередь, – своевременное предоставление статистических данных, их верификацию и возможность дополнения. Так в пояснениях к переписным формам в Степном крае прописывалось, что переписные участки кочующего населения соответствовали волостям, участки оседлого – станицам [16].

Таким образом, анализ организационных приемов и механизмов проведения Всероссийской переписи населения 1897 года позволяет отметить глубокую аналитическую проработку принципов статистического учета и методологическую основу мероприятия. Детализированный подход к работе позволил комплексно сформировать статистические данные с учетом достижения теории и практики статистической науки. Разработанные теоретико-методологические принципы статистического учета в период кампании 1897 года во многом предопределили последующие переписи как населения, так и переписи отраслевого характера.

Литература

1. Брюханова Е.А. Архивные документы переписи 1897 г. в работах исследователей: российская и зарубежная историография // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2018. № 2 (100). С. 92 – 97.

2. Воблый В.К. Переписи населения. М.-Л., 1940. 315 с.

3. Елисеева И.И. История государственной статистики России. 1811-2011. М., 2013. 187 с.

4. Каблуков Н.А. Статистика. 2-е изд., пересм. и доп. М., 1915. 384 с.

5. Котельников А.Н. История производства и разработки всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. Санкт-Петербург: кн. маг. «Наша жизнь», 1909. 124 с.

6. Котельников А.Н. Как и зачем производится первая перепись населения в России // Гласность. 1897. № 20; № 21.

7. Котельников А.Н. Первая всенародная перепись в России // Хозяин. 1895. № 27.

8. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи на основании высочайше утвержденного положения 5 июня 1895 года. Наставление сельским счетчикам. СПб., 1896. 154 с.

9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи на основании высочайше утвержденного 5 июня 1895 года положения 1897 года. Санкт-Петербург, 1896. Вып. 1: Часть общая. Инструкции, наставления, переписные листы, перечневые ведомости, обложки ведомости для подсчета и примеры заполнения листов, 20 ноября 1896 г. 89 с.

10. Пландовский В. Народная перепись. СПб., 1898. 297 с.

11. Российский государственный исторический архив Ф. 1290. Оп. 10. Д. 159.

12. Скопа В.А. Инструктивно-методическое обеспечение статистических кампаний по материалам Западной Сибири и Степного края второй половины XIX – начала XX вв. // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1488.

13. Скопа В.А. К проблеме инструкционного руководства по заполнению переписных форм (по материалам статистических обследований Томской губернии в конце XIX – начале XX вв.) // Документ как социокультурный феномен: Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Томский государственный университет, Архивное управление Томской области; Отв. ред. Н.С. Ларьков. 2010. Томск, 2010. С. 274 – 276.

14. Федорова И.С. Документы Государственного архива Кировской области по генеалогии крестьянства XVIII – начала XX вв.: архивоведческое исследование. М., 2013. 215 с.

15. Центральный государственный архив Республики Казахстан Ф. 393. Оп. 1. Д. 128.

16. Центральный государственный архив Республики Казахстан Ф. 460. Оп. 1. Д. 59.

17. Штейнфельд Н.П. Дневник заведующего переписным участком в глухой провинции // Русское богатство. 1897. Октябрь.

References

1. Bryuhanova E.A. Arhivnye dokumenty perepisi 1897 g. v rabotah issledovatelej: rossijskaya i zarubezhnaya istoriografiya. Izvestiya AltGU. Istoricheskie nauki i arheologiya. 2018. № 2 (100). S. 92 – 97.

2. Voblyj V.K. Perepisi naseleniya. M.-L., 1940. 315 s.

3. Eliseeva I.I. Istoriya gosudarstvennoj statistiki Rossii. 1811-2011. M., 2013. 187 s.

4. Kablukov N.A. Statistika. 2-e izd., peresm. i dop. M., 1915. 384 s.

5. Kotel'nikov A.N. Istoriya proizvodstva i razrabotki vseobshchej perepisi naseleniya 28 yanvarya 1897 g. Sankt-Peterburg: kn. mag. «Nasha zhizn'», 1909. 124 s.

6. Kotel'nikov A.N. Kak i zachem proizvoditsya pervaya perepis' naseleniya v Rossii. Glasnost'. 1897. № 20; № 21.

7. Kotel'nikov A.N. Pervaya vsenarodnaya perepis' v Rossii. Hozyain. 1895. № 27.

8. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj Imperii na osnovanii vysochajshe utverzhdennogo polozheniya 5 iyunya 1895 goda. Nastavlenie sel'skim schetchikam. SPb., 1896. 154 s.

9. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii na osnovanii vysochajshe utverzhdennogo 5 iyunya 1895 goda polozheniya 1897 goda. Sankt-Peterburg, 1896. Vyp. 1: CHast' obshchaya. Instrukcii, nastavleniya, perepisnye listy, perechnevye vedomosti, oblozhki vedomosti dlya podscheta i primery zapolneniya listov, 20 noyabrya 1896 g. 89 s.

10. Plandovskij V. Narodnaya perepis'. SPb., 1898. 297 s.

11. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv F. 1290. Op. 10. D. 159.

12. Skopa V.A. Instruktivno-metodicheskoe obespechenie statisticheskih kampanij po materialam Zapadnoj Sibiri i Stepnogo kraya vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. № 6. S. 1488.

13. Skopa V.A. K probleme instrukcionnogo rukovodstva po zapolneniyu perepisnyh form (po materialam statisticheskih obsledovanij Tomskoj gubernii v konce XIX – nachale XX vv.). Dokument kak sociokul'turnyj fenomen: Sbornik materialov IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii, Federal'noe agentstvo po obrazovaniyu, Tomskij gosudarstvennyj universitet, Arhivnoe upravlenie Tomskoj oblasti; Otv. red. N.S. Lar'kov. 2010. Tomsk, 2010. S. 274 – 276.

14. Fedorova I.S. Dokumenty Gosudarstvennogo arhiva Kirovskoj oblasti po genealogii krest'yanstva XVIII – nachala XX vv.: arhivovedcheskoe issledovanie. M., 2013. 215 s.

15. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan F. 393. Op. 1. D. 128.
16. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan F. 460. Op. 1. D. 59.
17. SHtejnfel'd N.P. Dnevnik zaveduyushchego perepisnym uchastkom v gluhoj provincii. Russkoe bogatstvo. 1897. Oktyabr'.

Skopa V.A., Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor, Altai State Pedagogical University

ORGANIZATIONAL METHODS AND MECHANISMS FOR CONDUCTING CENSUSES IN THE RUSSIAN EMPIRE (BASED ON THE MATERIALS OF THE ALL-RUSSIAN POPULATION CENSUS OF 1897)

Abstract: the article discusses the organizational methods and mechanisms for conducting the All-Russian Population Census of 1897. The preparatory work related to the organization and activities of census commissions, the development of census forms, and the formation of staff of enumerators are identified and analyzed. Organizationally, the census was headed by the main census commission, composed of representatives of various ministries and departments under the direct supervision of the chairman of the statistical committee and the director of the central statistical committee, under the direct chairmanship of the minister of internal affairs. The general principles of census management were entrusted to the Ministry of Internal Affairs. Among the local bodies carrying out statistical accounting were: provincial or regional census commissions; county or district census commissions; special census commissions in the cities of St. Petersburg, Moscow, Warsaw, Odessa, Nikolaev, Kronstadt, Sevastopol and Kerch; other city commissions. For the organization and production of the census, counties and cities were divided into census tracts. An important component in the organization of the census was the methodological instructions that determined the sequence of the mechanism for collecting information and the principles for filling out the census questionnaires. It was supposed to allocate about 4 million rubles for the costs of producing this campaign. This amount included both wages and organizational measures.

Keywords: population census, statistical committee, history, population, Russian Empire

Ушкалов С.В., председатель регионального отделения
Российского военно-исторического общества в Брянской области,
Захарова Л.И., кандидат исторических наук, доцент,
Абовян Е.Н., кандидат исторических наук, доцент,
Брянский государственный технический университет

РОЛЬ КОМАНДНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОСТАВА КРАСНОЙ АРМИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы организации и руководства партизанским движением со стороны Разведывательного управления Красной армии и армейских штабов разного уровня. Освещается малоизученная, в историографии партизанского движения, роль командно-политического состава Красной армии попавшего в окружение в организации партизанского движения. Основное внимание уделяется развертыванию партизанского движения на временно оккупированных территориях СССР в 1941-1942 гг., до создания Центрального Штаба Партизанского движения как единого органа по руководству партизанским движением. Освещается боевая деятельность разведывательных групп, партизанских отрядов и соединений во главе которых стояли офицеры-окруженцы. Рассказывается о боевом пути ряда офицеров-окруженцев, организовавших партизанские отряды и ставших во главе их. Анализируется опыт организации и руководства партизанским движением на Западном фронте и роль, в этом, его командующего генерала-армии Г.К. Жукова. В работе над статьей автор использовал архивные документы, опубликованные дневниковые записи и мемуары участников партизанского движения, а также монографии по истории партизанского движения. Данная работа способствует стиранию еще одного «белого пятна» в истории Великой Отечественной войны и партизанского движения, в частности.

Ключевые слова: партизанское движение, Красная армия, офицеры, организация, окружение, разведывательное управление, разведывательный отдел, НКВД, временно оккупированные территории

В историографии партизанского движения слабо отражена роль и значение различных структур и органов Красной армии в организации, развертывании и руководстве партизанским движением в годы Великой Отечественной войны. Поэтому данный вопрос является актуальным в исследовании не только партизанского движения, но и событий Великой Отечественной войны в целом. В 2019 вышла коллективная монография «Партизаны и армия: вместе к победе» [10], рассматривающая взаимодействие Красной армии с партизанскими соединениями на территории современных Орловской, Брянской и Смоленской областей. В данной работе освещается роль советских офицеров, попавших в окружение, как организаторов и руководителей партизанского движения в немецком тылу. В рамках данной работы опубликовано много архивных документов, цитируются дневниковые записи партизан, сделанные во время войны. Красной нитью, через всю монографию, проходит отчет командира разведывательной группы «Аркадий» Разведывательного отдела 10 армии Западного фронта А. Виницкого [10, с. 91, 156, 168, 169, 214-216, 326-328, 350]. А. Виницкий офицер Красной армии, попавший в окружение в октябре 1941 г. под Брянском. После трех недель скитания по Брянским лесам мл. л-т А. Виницкий примкнул к Бежицкому партизанскому отряду под командованием А.И. Виноградова [1, с. 92]. До войны А. Виницкий окончил радиофакультет Московского Электротехнического Института Связи, хорошо знал радиодело. В короткие сроки, из подручных материалов, А. Виницкий собирает радиоприемник, а в январе 1942 г. ему удается собрат радиостанцию и выйти на связь со штабом советской 10 армии [12]. В феврале А. Виницкий отзывается в распоряжение разведотдела 10 армии, проходит двухнедельное обучение «где в течение 2 недель обучали работе на ключе и шифровке» [2, оп. 2, д. 71, л. 41]. В начале марта А. Виницкий был направлен в немецкий тыл. Вот как он пишет о своем задании: «10 марта пришло задание: на западном берегу р. Десны армия не имела агентуры. На период разлива засылка туда пешей разведки была невозможна. Необходимо было до разлива перейти р. Десна с рацией и развернуть там разведсеть. В связи с этим мне отменили предполагавшийся отпуск и 16 марта 1942 года я с рацией перешел линию фронта в качестве командира группы и одновременно в роли ее радиста.

18 марта я прибыл в свой старый отряд, где отобрал себе 5 партизан (В. Филатова, Г. Сидорова, Л. Ларина, И. Белова, Г. Щербакова), которые составили ядро нашей группы. После нескольких неудачных попыток мы 1 апреля 1942 года на лыжах пересекли ж.д. Брянск – Рославль и р. Десна и вышли в Жирятинский район» [2, оп. 2, д. 71, л. 41]. К сентябрю 1942 г. разведывательной группе А. Виницкого удалось создать крупную разведывательную сеть, опутавшую своими «щупальца-

ми» район от Брянска до Рославля и Клинцов. Разведгруппа «Аркадий» (так она именовалась в документах) во главе А. Виницкого организовала агентурную сеть на аэродроме люфтваффе в п. Сеща. В эту агентурную сеть входила будущая Герой Советского Союза А.А. Морозова. Подвиг сещенских подпольщиков и разведчиков А. Виницкого описан в книге О. Горчакова «Вызываем огонь на себя» [9]. По мотивам книги, режиссером С. Колосовым, был снят одноименный фильм.

В создании агентурнойсети в поселке Сеща, А. Виницкому оказало командование партизанского отряда майора Рощина К.В. Отряд на 70% состоял из офицеров-окруженцев. Партизаны действовавшие в этом районе, называли этот отряд «Командирским». Сам майор Рощин К.В. являлся бывшим флагштурманом ВВС 28 армии [2, оп. 1, д. 468, л. 4-5], попал в окружение еще летом 1941 г. во время Смоленского сражения. В июле 1941 г. попал в окружение и будущий комиссар партизанского отряда Рощина, батальонный комиссар Лещинский Л.М. Из отчета «комиссара партизанского отряда Рощина – батальонного комиссара Лещинского Л.М.: «Попав в окружение 19 июля 1941 года, решил заняться партизанской деятельностью. Исходил из задач, поставленных товарищем Сталиным, из директивы ПУ Фронта и из факта отсутствия партизанского движения, при наличии большого количества советских людей, стремящихся воевать с фашистскими оккупантами не на жизнь, а на смерть. К 23.7. подобрал орггруппу в составе: майор Горбачев – командир 789 с.п., 158 с.д., капитан Пивоваров – инспектор оперотделатаба 19 Армии, капитан Грищенко и старший лейтенант Савичев (оба с 789 с.п. 158 с.д.)» [2, оп. 1, д. 468, л. 1] (орфография и пунктуация документа сохранены). С июля 1941 и по апрель 1942 г. бат. комиссар Лещинский Л.М. занимался организацией партизанского движения в западных районах Смоленской и Орловской областей и в восточных районах Белоруссии. За этот период было организовано несколько партизанских групп и отрядов, создавались подпольные группы в населенных пунктах, совершались диверсии на коммуникациях и нападения на немецкие гарнизоны [2, оп. 1, д. 468, л. 1-3]. В мае 1942 г. был создан объединенный партизанский отряд под командованием майора Рощина К.В.: «Партизанский отряд Рощина организовался из нескольких партизанских отрядов и групп в период между 25.5.42 и 8.6.42 г. в р-не ж.д. поселка Задня, что 21 км сев. Клетни. В объединенный отряд вошли: 1) Заднянский отряд (командир старший политрук Толочин) до 85 чел., отряд капитана Нахшина и батальонного комиссара Лещинского до 90 чел. Группа батальонного комиссара Илюхина до 40 чел., Деньгубовский отряд под командованием старшего политрука Евлампиева до 25 чел., группа полковника Комарова 7 чел., группа из отряда старшего лейтенанта Болдырева 8 чел., Всего на 8.6.42 г. отряд имел до 270 чел., из них 70% командно-политического состава из разных родов войск.

Командиром отряда избран бывший флагштурман ВВС 28 Армии майор Рощин, комиссаром батальонный комиссар Лещинский, Начальником штаба капитан Нахшин, от секр. партбюро политрук Вейберов. К этому моменту связи с Родиной (с действующей Красной армией) отряд не имел. Вооружение отряда состояло из 7 ручных пулеметов, автомата, до 220 винтовок. До 40 чел. было не вооруженных. Боеприпасов было не достаточно, в среднем по 80 патронов на винтовку и по 3 диска на ручной пулемет.

Основные задачи отряда были: 1. Уничтожение немецких оккупантов и их пособников (полиция, старшины, старосты и др. сволочи). 2) Срыв заготовок разного рода, предназначенных для немецкой армии. 3) Разложение полиции и немецких солдат. 4) Нарушение связи. 5) При добычи взрывчатых веществ подрыв ж.д. эшелонов и мостов разного вида» [2, оп. 1, д. 468, 4] (орфография и пунктуация документа сохранены). Как видно из процитированного отчета военные профессионалы, попавшие в окружение и не имеющие связи с «Родиной», самоорганизовались, объединились и знают, какие задачи надо выполнять в немецком тылу.

В помощь А. Виницкому, Рощин выделил двух опытных офицеров, имеющих опыт оперативной и агентурной работы – лейтенантов госбезопасности Тарасова и Казакова. Первый оказался попавшим в окружение начальником Особого отдела 10 казачьей дивизии, второй бывшим старшим оперуполномоченным Особого отдела Юго-Западного фронта. В дальнейшемТарасов и Казаков руководили Рославльской и Сещенской нелегальными группами разведсети, созданной А. Виницким [2, оп. 2, д. 71, л. 41 – 48].

В качестве командира 3-й роты начинал в партизанском отряде майора Рощина К.В. отряд капитана Данченкова Ф.С., выросший к концу 1942 г. в Первую Клетнянскую партизанскую бригаду. Капитан Данченков попал в окружение под Смоленском в октябре 1941 г., немецкими тылами пробрался на свою родину в Дубровский район Смоленской области. Находясь на нелегальном положении капитан Данченков Ф.С. организовал сбор оружия на местах боев, создал подполье в Дубровском районе, установил связи с действующими партизанскими группами и отрядами. В апреле 1942 г. Данченков Ф.С. вывел свой отряд в лес и объединился с отрядом политрука Гайдукова И.К.

Командиром отряда стал капитан Данченков Ф.С., комиссаром политрук Гайдуков И.К., начальником штаба капитан Антонов Г.А., все трое офицеры-окруженцы. Костяк отряда составили солдаты и сержанты, попавшие в окружение и бежавшие из плена бывшие военнопленные. С позиций Первой Клетнянской партизанской бригады были организованны диверсии на аэродроме люфтваффе в поселке Сеща, когда подпольщики устанавливали на немецкие самолеты магнитные мины. Таким образом, по данным партизан, было уничтожено около 22 самолетов противника. Среди подпольщиков, действовавших, на аэродроме были поляки и чехи – служившие в немецкой армии [2, оп. 1, д. 322, л. 27-64].

Интерес представляет трагическая судьба еще одного окруженца – начальника инженерных войск 12 армии Юго-Западного фронта полковника Комарова И.К. Попав в окружение в августе 1941 г. под Уманью на Украине, он чудом избежал плена, дошел по немецким тыламна свою малую родину – Рославсльский район Смоленщины, стал одним из первых организаторов подпольной деятельности в Рославльском районе. Им были организованы партизанская и подпольнаягруппы. Сам Комаров И.К. для прикрытия своей нелегальной деятельности устроился на работу в немецкую управу. Выехав в район Клетнянских лесов для установления связи с партизанами, Комаров был задержан бойцами отряда майора Рощина и по роковой ошибке расстрелян как изменник Родины [2, оп. 1, д. 468, л. 2об.-5].

В книге воспоминаний офицеров 35-го танкового полка вермахта «Танковые асы вермахта» [12] дается следующая оценка партизанского движения: «Эти бойцы Сопротивления, как они себя сами называли, были хорошо организованы, и руководили ими опытные офицеры Красной армии, находившиеся там с момента крупных боев в окружении» [12, с. 229]. Такая оценка лишний раз подтверждает широкое участие офицеров, попавших в окружение, в организации партизанского движения в немецком тылу.

Одним из самых известных партизанских командиров, действовавших в южном массиве Брянских лесов, был лейтенант Стрелец Ф.Е. Попав в окружение на Юго-Западном фронте, лейтенант Стрелец Ф.Е. организовал партизанскую группу из 8 бойцов, к февралю 1942 г. отряд вырос до 75 человек. Отряд постоянно рейдировал по немецким тылам, за что получил название «летучка». Партизаны отряда Стрельца Ф.Е. регулярно совершали диверсии на транспортных коммуникациях противника, взрывали мосты, железнодорожное полотно, пускали под откос вражеские эшелоны. Лейтенант Стрелец Ф.Е. погиб при партизанском налете на железнодорожную станцию Палужье железнодорожной линии Брянск – Гомель [4]. Указом Президиума Верховного Совета СССР Стрелец Филиппу Евдокимовичу было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно) [3, оп. 4, д. 102. л. 1].

В Дятьковском партизанском районе одним организатором партизанского движения стал старший лейтенант Орлов Г.И., которого называли «партизанским богом района» [5, с. 14]. Старший лейтенант Орлов Г.И. встретил войну на западной границе под Белостоком, уже 25 июня 1941 г. получил первое ранение. Попав в окружение, Орлов Г.И. во главе группы бойцов пытался пробиться на соединение с частями Красной армии. Выйдя в район города Дятьково, группа ст. лейтенанта Орлова Г.И. установила связь с действующими в этом районе партизанскими отрядами. Сам Орлов Г.И. возглавил партизанскую разведку в этом районе и активизировал деятельность партизанских отрядов. С января 1942 г. Орлов Г.И. действует под руководством Военного Совета 10 армии Западного фронта. В феврале 1942 г под руководством Орлова Г.И. партизаны захватывают город Дятьково и образовывают в ближнем немецком тылу партизанский край. По заданию Командующего Западным фронтом Генерала армии Жукова Г.К., капитан Орлов Г.И., в феврале 1942 г., возглавил крупный партизанский отряд, а уже к маю руководил всеми партизанскими отрядами, действовавшими в районе Дятьково [11, ф. 33, оп. 682524, д. 324, л. 120]. «Тов. Орлов замечательный разведчик, хороший организатор, волевой и смелый командир…» [11, ф. 33, оп. 682524, д. 324, л. 120] - так записано в представлении капитана Орлова Г.И. к награждению орденом «Ленина». Георгий Ильич Орлов прошел всю войну, закончил ее в звании полковника, в должности начальника 3-го отделения Разведывательного отдела штаба 3-го Белорусского фронта [11, ф. 33, оп. 686196, д. 4616, л. 272]. В 2016 г. стараниями дятьковских краеведов были изданы воспоминания полковника Орлова Г.В. «Дятьковская партизанская бригада» [8]. Со страниц этой книги мы также узнаем об участии офицеров и бойцов Красной армии, попавших в окружение, в формировании партизанских групп и отрядов: «В течение октября – ноября 1941 г. все партизанские отряды, входившие в объединенный Орджоникидзеградский партизанский отряд, значительно выросли численно за счет привлечения в отряды военнослужащих, оказавшихся в окружении, в их числе были и командиры. Многие из них стали в отрядах командирами подразделений, что в значительной степени оказало влияние на повышение боеспособности отрядов. Так, в ноябре 1941 г., начальником штаба

объединенного отряда стал капитан Марков Иосиф Дмитриевич, пришедший в отряд в октябре. В отряде он проявил себя как боевой, тактически грамотный, культурный командир, на протяжении всей своей деятельности в отряде пользовался уважением всего личного состава… С появлением на территории Жуковского района воинских групп Мураля, Куликова и Кабанова, Жуковский партизанский отряд установил с ними тесную связь. Все отряды стали расти численно за счет местного населения и военнослужащих-окруженцев» [8, с. 20, 21, 22].

Выдвижению в командиры партизанских отрядов и бригад армейских кадров, способствовала и позиция Командующего Западным фронтом Генерала армии Жукова Г.К., сторонника единоначалия в армии. Достаточно красноречиво позицию Георгия Константиновича подчеркивает телеграмма в адрес того же капитана Орлова от 17 апреля 1942 г.:

«1) Дятьково и Дятьковский район входят в полосу действий Западного фронта и никакого отношения к Брянскому фронту не имеет.

2) Обком не командует, командует военное командование.

3) За невыполнение приказа, за нежелание подчиниться командование отряда арестовать и под конвоем препроводить в штаб 16 армии для придания суду В/Тр.

4) На место этого командования – не желавшего выполнять приказы командования, поставить более достойных из своих людей.

Глаком – Жуков» [2, оп. 3, д. 8, л. 4].

В шифровке Начальника Разведывательного отдела штаба Западного фронта полковника Ильницкого Я.Т., адресованной Заместителю Начальника Генерального штаба РККА генерал-лейтенанту Ватутину Н.Ф., приводятся принципы руководства партизанским движением в полосе действий Западного фронта. Полковник Ильницкий Я.Т. докладывает, что партизанским движением руководит Военный Совет Западного фронта. При разведотделе создано отделение по оперативному руководству партизанскими отрядами, которое доводит до отрядов решения Военного Совета фронта, контролируется их выполнение, ставит задачи по ведению разведки, занимается материальным обеспечением партизанских отрядов. Свои действия, отделение по руководству партизанским движением, координирует с Обкомом ВКП(б), 4-м отделом НКВД, штабом истребительных батальонов НКВД и 8-м отделом Политического управления фронта [2, оп. 3, д. 8, л. 53-53 об.].

Надо отметить, органы военной разведки являлись основной структурой в РККА отвечавшей за руководство партизанским движением. Более того у Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии был накоплен огромный опыт по подготовке партизанских кадров и имелся опыт партизанской войны. Еще в первой половине 1920-х годов на армейскую разведку, помимо чисто разведывательных задач, возложили ведение так называемой «активной разведки» в тылу враждебных государств. Активная разведка предполагала под собой ведение разведывательно-диверсионных действий. Так на приграничной к СССР территории Польши в 1921-1924 г. действовали советские партизанские отряды. В первой половине 1930-х гг. органы советской военной разведки отвечали за подготовку кадров для ведения партизанской войны [6, с. 89].

Перед самым началом Великой Отечественной войны Оперативнуюгруппу Разведывательного Управления Генерального штаба возглавил полковник Мамсуров Х.Д. Это был опытный организатор партизанской борьбы и диверсий. Мамсуров Х.Д. партизанил в тылу у белогвардейцев еще в Гражданскую войну, с октября 1936 г. по октябрь 1937 г. находился в командировке Испании где «организовал и руководил всем партизанским движением в Испании» [7, с. 37, 39]. Во время Советско-Финской войны 1939-1940 гг. полковник Мамсуров Х.Д. был заместителем начальника оперативной группы Разведывательного управления Красной армии, «руководил особыми отрядами и командовал Особой лыжной бригадой из ленинградских лыжников-добровольцев, с которыми действовал по тылам финских войск на Ухтинском направлении до конца войны» [7, с. 39, 40].

24 июня 1941 г. полковника Мамсурова Х.Д. откомандировали в распоряжение марала Советского Союза К.Е. Ворошилова для особых поручений. Находясь в полосе Западного фронта по поручению К.Е. Ворошилова Мамсуров Х.Д. руководил строительством оборонительных сооружений в районе Могилев-Орша-Смоленск, восстанавливал связь со штабом Западного фронта, готовил и перебрасывал в немецкий тыл партизанские отряды и диверсионные группы. В июле-августе 1941 г. полковник Мамсуров Х.Д. «руководил подготовкой кадров т переброской руководителей партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу немцев на Северо-Западном и Ленинградском фронтах. Вел работу по организации обороны войсками и по налаживанию разведывательной службы на обоих фронтах по указаниям маршала Ворошилова» [8, с. 40].

На примере полковника Мамсурова Х.Д. видно, что армейские разведывательные органы с первых дней войны включились в процесс организации партизанского движения в немецком тылу.

Немецкое командование с первых дней войны почувствовало силу сопротивлениябойцов и командиров Красной армии. Уже 29 июня 1941 г. командование группы армий «Центр» направляет Главному командованию Сухопутных сил телеграмму следующего содержания: «Завершение уничтожающих боев на Востоке будет характерно отличатся от боев на Западе. Если на Западе и в польской компании окруженные силы противника с окончанием боев в основном сдавались и почти добровольно сдавались в плен на 100%, здесь это будет происходить совершенно иначе. Очень большой процент русских укрылся в больших, частично не проходимых районах, в лесах, на полях, в болотах и т.д. При этом целые батальоны с оружием еще некоторое время являются небезопасными в таких районах партизанскими отрядами. Кроме того большая масса людей в гражданском и полугражданском платье ходит по стране и еще в течение нескольких недель будет заниматься подрывами дорог и саботажем…» [11, ф. 500, оп. 12480, д. 258, л. 6].

Такая оценка со стороны противника позволяет сделать вывод, что партизанская борьба в немецком тылу с первых дней войны носила массовый и ожесточенный характер, и вели эту борьбу бойцы и командиры, попавшие в окружение.

Тема участия офицеров-окруженцев в организации партизанского движения и участия в этом различных органов и структур Красной армии еще требует специального исследования. Но приведенные в статье факты и документы позволяют сделать вывод, что армейские кадры внесли значимый вклад в развертывание партизанской войны в немецком тылу.

Литература

1. Альтман И., Терушкин Л. Сохрани мои письма. Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Москва: Центр «Холокост», Издателско-полиграфическая фирма «Полимед», 2016. Вып. 4.

2. ГАНИСО Ф. 8.

3. ГАРФ Ф. Р7523.

4. Герои страны // Стрелец Филип Евдокимович. URL: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=3855 (дата обращения: 17.11.2021)

5. Гурвич Э.М. Партизанские дни 1942. Дятьково: МБУК «Историко-краеведческий музей» Дятьковского района Брянской области, 2018.

6. Дюков А. Народная война. Партизаны против карателей. Москва: Алгоритм, 2017.

7. Марковчин В.В. Между миром и войной. Курск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Юго-Западный государственный университет», 2019.

8. Попов А. Диверсанты Сталина. Деятельность органов Госбезопасности на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М.: «Яуза», «Эксмо», 2004.

9. Пшимановский Я., Горчаков О. Вызываем огонь на себя. М.: Вече, 2007.

10. Ушкалов С.В., Геец Н.Я., Захарова Л.И., Трифанков Ю.Т., Трифанков Я.Ю. Партизаны и армия: вместе к победе. М.: Вече, 2019.

11. ЦАМО.

12. Шойфлер Г. Танковые асы вермахта. Воспоминания офицеров 35-го танкового полка. 199-1945. М.: Центрополиграф, 2015.

References

1. Al'tman I., Terushkin L. Sohrani moi pis'ma. Sbornik pisem i dnevnikov evreev perioda Velikoj Otechestvennoj vojny. Moskva: Centr «Holokost», Izdatelsko-poligraficheskaya firma «Po-limed», 2016. Vyp. 4.

2. GANISO F. 8.

3. GARF F. R7523.

4. Geroi strany. Strelec Filip Evdokimovich. URL: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=3855 (data obrashcheniya: 17.11.2021)

5. Gurvich E.M. Partizanskie dni 1942. Dyat'kovo: MBUK «Istoriko-kraevedcheskij muzej» Dyat'kovskogo rajona Bryanskoj oblasti, 2018.

6. Dyukov A. Narodnaya vojna. Partizany protiv karatelej. Moskva: Algoritm, 2017.

7. Markovchin V.V. Mezhdu mirom i vojnoj. Kursk: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «YUgo-Zapadnyj gosudarstvennyj universitet», 2019.

8. Popov A. Diversanty Stalina. Deyatel'nost' organov Gosbezopasnosti na okkupirovannoj sovetskoj territorii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. M.: «YAuza», «Eksmo», 2004.

9. Pshimanovskij YA., Gorchakov O. Vyzyvaem ogon' na sebya. M.: Veche, 2007.

10. Ushkalov S.V., Geec N.YA., Zaharova L.I., Trifankov YU.T., Trifankov YA.YU. Partizany i armiya: vmeste k pobede. M.: Veche, 2019.
11. CAMO.
12. SHojfler G. Tankovye asy vermahta. Vospominaniya oficerov 35-go tankovogo polka. 199-1945. M.: Centropoligraf, 2015.

Ushkalov S.V., Chairman of the Regional Branch
The Russian Military Historical Society in the Bryansk region,
Zakharova L.I.., Candidate of Historical Sciences
(Ph.D.), Associate Professor,
Abovyan E.N., Candidate of Historical Sciences
(Ph.D.), Associate Professor,
Bryansk State Technical University

THE ROLE OF THE COMMAND AND POLITICAL COMPOSITION OF THE RED ARMY IN THE ORGANIZATION OF THE PARTISAN MOVEMENT

Abstract: the article discusses the organization and leadership of the partisan movement by the Intelligence Directorate of the Red Army and army headquarters at various levels. The role of the command and political structure of the Red Army, which found itself surrounded, in the organization of the partisan movement, little studied in the historiography of the partisan movement, is highlighted. The main attention is paid to the deployment of the partisan movement in the temporarily occupied territories of the USSR in 1941-1942, before the creation of the Central Headquarters of the partisan movement as a single body for the leadership of the partisan movement. The combat activity of reconnaissance groups, partisan detachments and formations led by surrounded officers is highlighted. It tells about the combat path of a number of surrounded officers who organized partisan detachments and became their leaders. The article analyzes the experience of organizing and leading the partisan movement on the Western Front and the role of its commander, Army General G.K. Zhukov, in this. In the work on the article, the author used archival documents, published diary entries and memoirs of participants of the partisan movement, as well as monographs on the history of the partisan movement. This work contributes to erasing another "white spot" in the history of the Great Patriotic War and the partisan movement, in particular.

Keywords: partisan movement, Red Army, officers, organization, environment, intelligence directorate, intelligence department, NKVD, temporarily occupied territories

Егоров А.М., кандидат исторических наук, доцент,
Псковский филиал Академии Федеральной
службы исполнения наказаний России,
Никитина Н.П., кандидат исторических наук, доцент,
Егоров И.А.,
Псковский государственный университет

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ КАДРОВОГО СОСТАВА ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация: статья посвящена предпосылкам возникновения и особенностям организации местного самоуправления в пореформенной России второй половины XIX века, а также анализу вклада земских служащих в улучшении жизнедеятельности широких слоев населения в период после отмены крепостного права. Особое внимание обращено на уникальный опыт успешной работы земских служащих в условиях жесткой подконтрольности государственной бюрократии при практически полном отсутствии в их арсенале административно-принудительных мер воздействия на процессы местной жизнедеятельности. В статье также кратко затрагиваются особенности правового положения земств, их статус и функции в системе органов власти относительно аналогичных учреждений дореформенной России, анализируются основные направления и противоречия в их деятельности. Авторы исследуют место земских служащих в общественной структуре пореформенной России и особенности, позволяющие рассматривать их в качестве отдельной социальной группы в силу особой общественной значимости их профессиональной деятельности. Сформировавшись в результате реформы 1864 года указанная группа специалистов не состояла на государственной службе. Однако их положение между народом, в среде которого работали земские служащие, земством, которое их нанимало, и государственной администрацией, контролировавшей все наиболее важные аспекты местной жизни, обусловили особую роль данной категории служащих для развития российского общества.

Ключевые слова: буржуазные реформы, местное самоуправление, губерния, уезд, земство, земские гласные, земские служащие, специалисты, медицина, образование, жизнедеятельность

В период Российской империи второй половины XIX – начала XX века заметное и по своему даже уникальное место в общественно-политической жизни страны занимали несколько десятилетий после 1864 года так называемые земства, представлявшие собой новые и во многом передовые для своего времени органы местного самоуправления. Их возникновение было связано с официальной отменой крепостного права в России в 1861 году, которое повлияло практически на все сферы ее дальнейшего социально-политического и экономического развития, включая изменения в организации государственного управления и общественного самоуправления на местах. Дело в том, что система местного управления в дореформенной России была организована исходя из военизированной системы крепостнического хозяйства страны [6, с. 42]. Ключевым звеном этой организации являлись крепостники-помещики, осуществлявшие на местном уровне не только экономическую власть, но также административно-полицейские и даже судебные полномочия в отношении зависимых от них крестьян [2, с. 23]. Еще в период правления Павла I последний следующим образом сформулировал принцип дореформенной системы местного управления императорской власти: «У меня столько полицмейстеров, сколько помещиков в государстве» [10, с. 79].

Вплоть до начала эпохи буржуазных реформ в России исключительными функциями в сфере местного управления по должности обладали губернаторы, назначаемые сверху центральной императорской властью [4, с. 130]. Еще при императоре Николае I постановлением от 1837 года они продолжали обладать на своем уровне власти практически всеобъемлющими полномочиями полицейско-надзорного, административно-хозяйственного и социального плана [9, с. 40]. Другими словам, законодательство позиционировало губернатора в буквальном смысле в качестве своеобразного «хозяина» доверенной ему губернии [8, с. 161].

При этом существовавшая до реформ 1860-х гг. система губернского и уездного управления объективно отображала и защищала в первую очередь потребности дворянско-помещичьего слоя местного общества [7, с. 10]. Превалировавшие в основе ее функционирования бюрократизм и административный централизм не были настроены на чуткое реагирование в отношении запросов недворянского большинства местного населения, промышленных и торговых кругов из среды последнего. Обстановка осложнялась отсутствием разде-

ления полномочий местных административных органов в области управления, правосудия и хозяйственной деятельности [3, с. 41].

Сословный характер дореформенного местного управления отчетливо проявлялся во второй по значению после губернатора должности предводителя уездного дворянства, который, как правило, занимал место руководителя чиновничьего аппарата и контролировал различные полицейские, следственные, попечительские и другие тому подобные вопросы в конкретном уезде [11, с. 114].

Представляется достаточно объяснимым, что дореформенная бюрократия отрицательно относилась к идеям о возможности ограничения ее влияния, в том числе на местные дела. Однако и процесс зарождения земского самоуправления нового типа был продиктован требованиями времени и объективными социально-экономическими причинами. Собственно уже во второй половине 50-х годов XIX века в обстановке всеобщего брожения и растерянности властей после неудачной Крымской войны (1853-1856) общественная мысль в России все больше склонялась в пользу введения местного самоуправления и его сочетания с местным государственным управлением в лице губернатора и его аппарата.

Провозглашение личной свободы бывшего крепостного крестьянства неизбежно требовало серьезной перестройки системы публичной власти на местах. Пока большинство населения состояло из персонально зависимых от своих помещиков крестьян, то с постепенной сменой социально-экономического уклада эту подавляющую массу рядового населения России необходимо было каким-то образом включить в систему управления через новые институты если не государственного, то хотя бы земского уровня.

Центральное место в штатной структуре местного самоуправления занимали выборные земские гласные, которые составляли организационное ядро в указанной реорганизации власти на местах и по идее являлись демонстрацией перехода от подконтрольных государству структур к самостоятельному принятию решений по местным вопросам. Согласно реформе 1864 года вместо сословных местных органов власти было предусмотрено создание всесословных учреждений.

Другими словами, устаревшая и сословно ограниченная по своему характеру система органов местной власти не отвечала нуждам управления, складывавшимся на местах в условиях ускоренного развития буржуазных отношений. Созданные в результате земской и городской реформ 1864-1870 гг. новые органы самоуправления в значительной степени способствовали организационному оформлению как сельской, так и городской буржуазии. В процессе реализации возложенных на них задач земства постепенно накапливали опыт организации и развития отдельных отраслей местной жизнедеятельности: торговли, кооперации, дорожного строительства, благотворительности, образования и здравоохранения, статистики и т.д.

Для эффективной практической работы земств требовались соответствующие их характеру, задачам и функциям кадры исполнителей, которые не только обеспечивали бы решение разнообразных вопросов жизнедеятельности местного населения (включая массу бывших крепостных крестьян), но и соответствовали бы новой экономической ситуации в России, складывавшейся по мере перехода к буржуазному укладу [1, с. 20].

К земским служащим относились представители различных профессий, из среды которых и набирались специалисты для непосредственной практической реализации функций местного самоуправления.

По своему правовому статусу эти служащие находились вне представительных органов земства и не могли прямо участвовать в выработке его повестки. По сравнению с земскими гласными мнение земских служащих не являлось решающим даже при обсуждении тех проблем, которые непосредственно были связаны с их профессиональной деятельностью. В частности, неоднократные обращения о предоставлении земским служащим права участвовать в земских выборах в качестве представителей крестьян с тем, чтобы квалифицированно и грамотно представлять их интересы, всегда вызывало возражения министерства внутренних дел [14, с. 27].

Однако, несмотря на все отмеченные ограничения положения земских служащих и недостатки в нормативном регулировании их статуса, их практическая деятельность чрезвычайно важна для развития общества. С усложнением структуры и функций местного самоуправления возрастало количество, и, следовательно, росло фактическое влияние земских служащих на процессы развития российского общества [5, с. 103]. К 1900 году один из вице-губернаторов констатировал, что авторитет земских служащих стал серьезным фактором такого развития благодаря запасу научных и теоретических знаний последних.

В состав земских служащих рекрутировались специалисты с достаточно высокой квалификацией: медицинские работники, учителя, инженеры, землемеры, юристы. Кроме исключительно хозяйственных функций – вроде строительства дорог, организации почтовой и агрономической служб и т.п. – земское самоуправление проводило среди населения достаточно заметную культурно-просветительскую деятельность [12, с. 89].

Особенно заметной для населения являлась деятельность земств в направлении развития местного народного образования и медицинской помощи. Именно этим объясняется, что одними из наиболее многочисленных корпораций земских служащих всегда являлись учителя и врачи. Рост численности первых был обусловлен реализацией планов по внедрению всеобщего начального образования на территории земств. Помимо него особо важным направлением деятельность земств в пореформенной России стала организация системы местной медицины, обеспечившая доступ для рядового населения к неотложной врачебной помощи. Земские врачи и другие медицинские работники представляли собой еще одну заметную группу земских служащих, которые в наибольшей степени соприкасались с широкими слоями населения.

15 июня 1865 года когда, например, в Пскове начало свою работу первое губернское земское собрание, на нем в качестве первоочередных были озвучены следующие задачи: «В ведении земства находится задача народного образования; устройство необходимых сельских школ; устройство почти не существующей у нас в селениях медицинской части и многие другие обязанности… » [13, с. 17].

При этом заслуга земских служащих заключалась не только в их практической полезной деятельности по обслуживанию первоочередных нужд населения. Деятельность не только земской администрации и выборных гласных, но и наемных земских служащих оказалась хорошей школой гражданского воспитания. Наряду с выборными представителями самоуправления нанимаемые земствами служащие вносили в повседневную жизнь отдельных уездов и губерний совершенно новые начала, на практике придав импульс развитию общественной самодеятельности в вопросах непосредственной жизнедеятельности. При посредничестве земских служащих представители местного населения в этот период приобщились к участию в решении местных проблем. Земские служащие в этом плане оказались связующим звеном между широкими массами населения и органами публичной власти. Поэтому от социального состава, квалификации, личных и деловых качеств земских служащих во многом зависела эффективность решения тех многочисленных проблем, которые обязаны были решать органы земского самоуправления.

Литература

1. Арнольдов Н.А. Из истории изучения земств России (60-80-е гг. XIX в.) // Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX – начале XX века. Куйбышев, 1986. С. 18 – 27.

2. Верещагин А.Н. Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты). М.: Международные отношения, 2002. 192 с.

3. Жукова Л.А. Земское самоуправление и бюрократия в России: конфликты и сотрудничество, 1864-1917. М.: Хронограф, 1998. 179 с.

4. Егоров А.М. Административно-полицейские функции рижского генерал-губернатора и псковского гражданского губернатора в первой половине XIX века: к проблеме субординации, соотношения полномочий и взаимодействия // Правоохранительные органы России: проблемы формирования и взаимодействия: сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, Псков, 05-06 ноября 2020 года. Псков: Псковский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. С. 127 – 133.

5. Егоров А.М., Никитина Н.П., Егоров И.А. «…Поведения и нравственных качеств хороших»: правовое регулирование выдачи свидетельств о благонадежности в Российской империи (конец XIX – начало XX века) // Евразийский юридический журнал. 2020. № 3 (142). С. 102 – 105.

6. Егоров А.М. Положение Псковской губернии под властью остзейского генерал-губернатора Ф.О. Паулуччи в 1823-1829 гг. // Псковский военно-исторический вестник. 2017. № 3 (3). С. 41 – 44.

7. Егоров А.М. Псковская губерния под управлением Остзейского (Прибалтийского) генерал-губернатора в 1823-1829 гг. // История государства и права. 2017. № 8. С. 8 – 11.

8. Егоров А.М. Рекрутские наборы арестантов в период правления императора Николая I (по архивным материалам Псковской губернии конца 1820-х годов) // III международный пенитенциарный форум "преступление, наказание, исправление": (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции, Рязань, 21-23 ноября 2017 года / Академия ФСИН России. Рязань: Академия ФСИН России, 2017. С. 159 – 162.

9. Егоров А.М. Рекрутская повинность как альтернатива уголовному наказанию в период правления императора Николая I // История государства и права. 2017. № 2. С. 40 – 43.

10. Иванова Н.А. Сословно общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый Хронограф, 2009. 752 с.

11. Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. М.: Институт государства и права РАН, 1993. 134 с.

12. Прудникова Е.А. Великая аграрная реформа: от рабства до НЭПа. СПб.: Изд-во Питер, 2020. 352 с.

13. Развитие народовластия на Псковской земле: [Сборник]. Псков: Изд-во Орг.-метод. центра по подгот. и изд. обл. Кн. Памяти, 1995. 271 с.

14. Ярцев А.А. Земские служащие Северо-Запада России // Северо-Запад в аграрной истории России: Межвуз. сб. науч. тр. / Калинингр. ун-т. Калининград, 2000. 98 с.

References

1. Arnol'dov N.A. Iz istorii izucheniya zemstv Rossii (60-80-e gg. XIX v.). Social'no-ekonomicheskoe razvitie Povolzh'ya v XIX – nachale XX veka. Kujbyshev, 1986. S. 18 – 27.

2. Vereshchagin A.N. Zemskij vopros v Rossii (politiko-pravovye aspekty). M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002. 192 s.

3. ZHukova L.A. Zemskoe samoupravlenie i byurokratiya v Rossii: konflikty i sotrudnichestvo, 1864-1917. M.: Hronograf, 1998. 179 s.

4. Egorov A.M. Administrativno-policejskie funkcii rizhskogo general-gubernatora i pskovskogo grazhdanskogo gubernatora v pervoj polovine XIX veka: k probleme subordinacii, sootnosheniya polnomochij i vzaimodejstviya. Pravoohranitel'nye organy Rossii: problemy formirovaniya i vzaimodejstviya: sbornik materialov Mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhduna-rodnym uchastiem, Pskov, 05-06 noyabrya 2020 goda. Pskov: Pskovskij yuridicheskij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij, 2020. S. 127 – 133.

5. Egorov A.M., Nikitina N.P., Egorov I.A. «…Povedeniya i nravstvennyh kachestv horoshih»: pravovoe regulirovanie vydachi svidetel'stv o blagonadezhnosti v Rossijskoj imperii (konec XIX – nachalo XX veka). Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2020. № 3 (142). S. 102 – 105.

6. Egorov A.M. Polozhenie Pskovskoj gubernii pod vlast'yu ostzejskogo general-gubernatora F.O. Pauluchchi v 1823-1829 gg. Pskovskij voenno-istoricheskij vestnik. 2017. № 3 (3). S. 41 – 44.

7. Egorov A.M. Pskovskaya guberniya pod upravleniem Ostzejskogo (Pribaltijskogo) general-gubernatora v 1823-1829 gg. Istoriya gosudarstva i prava. 2017. № 8. S. 8 – 11.

8. Egorov A.M. Rekrutskie nabory arestantov v period pravleniya imperatora Nikolaya I (po arhivnym materialam Pskovskoj gubernii konca 1820-h godov). III mezhdunarodnyj penitenciarnyj forum "prestuplenie, nakazanie, ispravlenie": (k 20-letiyu vstupleniya v silu Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii): Sbornik tezisov vystuplenij i dokladov uchast-nikov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Ryazan', 21-23 noyabrya 2017 goda. Akademiya FSIN Rossii. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2017. S. 159 – 162.

9. Egorov A.M. Rekrutskaya povinnost' kak al'ternativa ugolovnomu nakazaniyu v period pravleniya imperatora Nikolaya I. Istoriya gosudarstva i prava. 2017. № 2. S. 40 – 43.

10. Ivanova N.A. Soslovno obshchestvo Rossijskoj imperii (XVIII – nachalo XX veka). M.: Novyj Hronograf, 2009. 752 s.

11. Lapteva L.E. Zemskie uchrezhdeniya v Rossii. M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 1993. 134 s.

12. Prudnikova E.A. Velikaya agrarnaya reforma: ot rabstva do NEPa. SPb.: Izd-vo Piter, 2020. 352 s.

13. Razvitie narodovlastiya na Pskovskoj zemle: [Sbornik]. Pskov: Izd-vo Org.-metod. centra po podgot. i izd. obl. Kn. Pamyati, 1995. 271 s.

14. Yarcev A.A. Zemskie sluzhashchie Severo-Zapada Rossii. Severo-Zapad v agrarnoj istorii Rossii: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Kaliningr. un-t. Kaliningrad, 2000. 98 s.

Egorov A.M., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Academy of the FPS of Russia (Pskov branch),
Nikitina N.P., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Egorov I.A.,
Pskov State University

PREREQUISITES OF FORMATION AND PECULIARITIES OF PERSONNEL OF ZEMSKY SELF-GOVERNMENT IN THE RUSSIAN EMPIRE

Abstract: the article is devoted to the prerequisites of the emergence and peculiarities of the organization of local self-government in reform Russia of the second half of the XIX century, as well as an analysis of the contribution of zemstvo employees to improving the life of wide segments of the population in the period after the abolition of serfdom. Particular attention is paid to the unique experience of the successful work of zemstvo employees in the conditions of strict control of the state bureaucracy, with the almost complete absence of administrative and coercive measures in their arsenal of influence on the processes of local life. The article also briefly addresses the peculiarities of the legal situation of zemstvos, their status and functions in the system of authorities regarding similar institutions of pre-reform Russia, and analyzes the main directions and contradictions in their activities. The authors investigate the place of Zemstvo employees in the public structure of reform Russia and the features that allow them to be considered as a separate social group due to the special social significance of their professional activities. Formed as a result of the reform of 1864, this group of specialists was not in the public service. However, their position between the people, among whom zemstvo employees worked, the zemstvo that hired them, and the state administration, which controlled all the most important aspects of local life, determined the special role of this category of employees for the development of Russian society.

Keywords: bourgeois reforms, local government, province, county, zemstvo, territorial vowels, territorial employees, experts, medicine, education, activity

Новиков М.С., кандидат исторических наук, доцент,
Омский государственный аграрный
университет им. П.А. Столыпина

ТЯЖЕЛЫЙ БРОНЕАВТОМОБИЛЬ ДЛЯ РАЗВЕДКИ, ДОЗОРА И СВЯЗИ – НЕ РЕАЛИЗОВАННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ БРОНЕТЕХНИКИ

Аннотация: представленная статья является попыткой рассмотреть деятельность советских конструкторов 1920-1930-хх гг., по разработке и производству тяжелого разведывательного автомобиля, способного перевозить разведывательную группу и осуществлять её прикрытие и эвакуацию, транспортировать важные грузы или использоваться в качестве штабных бронемашин. Однако ориентация военного руководства СССР, в котором огромное внимание уделялось обеспечение превосходства над вражескими бронеавтомобилями и танками в непосредственном бою, тяжелые бронеавтомобили фактически превратились в «колесные танки». С целью достижения объективности исследования автор так же анализирует развитие тяжелых разведывательных бронеавтомобилей за рубежом. Наиболее близко к реализации данного подхода подошли Япония и Италия. Японские конструкторы и военные планирую масштабные территориальные захваты в Восточной и Юго-Восточной Азии создали машины способные осуществлять глубокую разведку и патрулирование, даже в условиях активных партизанских действиях, однако сворачивание японской концепции применения бронетехники в отрыве от основных сил и рост вероятности начала войны с Англией и/или США привела к сворачиваю их производства. Италия, планируя контроль над приобретенными африканскими колониями и потенциальный конфликт с Англией предприняла попытку создания машины способной не только вести разведку, но и противостоять легкой бронетехники, однако ошибки в реализации и успех программы разработки танкеток CV/33 на долгое время прекратила разработку бронеавтомобилей в Италии.

Можно констатировать что СССР стал разрабатывать тяжелые разведывательные бронеавтомобили раньше или хотя бы параллельно иностранным конкурентам. При написании статьи автор обращается к широкому кругу источников, среди которых документы 1920-1930-хх гг., современная отечественная и зарубежная литература, публикации Высшей аттестационной комиссии и Российского индекса научного цитирования. В статье автор анализирует основные технические характеристики тяжелых разведывательных бронеавтомобилей, взгляды на их оперативное применение и влияние производственных факторов на их облик.

Ключевые слова: бронеавтомобиль, грузовой автомобиль, иностранный опыт, межвоенный период, оборонная промышленность

Несмотря на длительное развитие тяжелых разведывательных бронеавтомобилей (ТРБ) в межвоенный период необходимо отметить дефицит специальных исследований по данному вопросу, а в тех случаях, когда исследования имеют место, из рассмотрения выводятся производственные факторы и концепции применения ТРБ.

Однако обращение к литературе, посвящённой развитию, производству и применению бронетехники; документам эпохи позволяет реконструировать и оценить не только развитие ТРБ в СССР в 1920-1930-е гг., но и отследить аналогичный процесс в других государствах.

Из отечественной литературы необходимо отметить:

- труды Коломийца М.В. [1];
- публикации ВАК Новикова М.С. [2], Панькина В.П., Ходосовского Ю.В., Челянова Э.Р. [3];
- публикация РИНЦ Герасимова Г. И. [4], Миронова А.В. и Коровина Ю.Н. [5], Осьмаско С.Г. и Артамоновой О.А. [6];

Из иностранной литературы необходимо отметить труды, Каппелано Ф. и Баттистелли [7], Леланда Н. [8], Ротана Л. и Такизавы А. [9], Залога С. [10].

В рамках написания статьи были использованы:

Архивные материалы, размещённые на интернет-ресурсах «Исторические материалы» [11, 12, 13].

Источником эпохи стала научно-популярная книга «Бронесилы» [14].

Уже в докладе начальника командования автоотдела Наркомата путей сообщения Литвина в СНК об организации военного и гражданского автотранспортного производства в РСФСР от 15 марта 1921 г. отмечалось что автомобилестроение РСФСР фактически отсутствует, а автопарк относительно 1917 г. сократился в 10 раз. Эта ситуация не могла обнадеживать, так как отчет Управления броневых сил РККА к 5-летию Октябрьской революции о развитии броневого дела за 1917-1922 гг.,

выпушенный не ранее 1 августа 1922 г. указывал бронеавтомобили (БА), наряду с танками и бронепоездами среди «оружий победы» в Первой Мировой войне. При этом многие из бронеавтомобилей использовались не менее 5-7 лет, а хоть какой-то унификацией отличались 7 типов массовых шасси [11].

Уже протокол совещания представителей Комитета по де- и мобилизации промышленности и Главное управление военной промышленности (ГУВП) о значении для оборонных задач страны Бачмановского завода и невозможности передачи его Броневому управлению от 16 января 1923 г. указывал на существование Программы Броневуправления на 1923 г. программа предусматривала строительство 200 новых автомобилей и 50 новых БА в год и ремонт БА в объёме 10-12 единиц в месяц, проектирование и постройку новых автомобилей и их испытание на Русско-Балтийском заводе. При этом отмечалось что Броневуправление должно было выработать тип и конструкцию машин, а их производство передать на завод «АМО» [11].

Разнообразие производимого автопарка было избыточным, письмо Автотреста в Комитет по де- и мобилизации промышленности о перестройке автостроения в соответствии с нуждами армии от 16 июня 1925 г., повелевало ограничиться 1,5 т и 3 т грузовиками АМО и Ярославского завода [11].

Письмо Управления снабжений РККА в Сектор обороны Госплана СССР об обеспеченности РККА тракторами, бронемашинами и танками от 29 сентября 1927 г. предусматривало выпустить за 4 года 100 новых БА [11].

Уже к 1928 г. стала понятна зыбкость высказанных планов. Заключение комиссии Сектора обороны Госплана СССР по промфинплану 1927/28 г. в соответствии с требованиями обороны от 8 марта 1928 г. гласило что в 1927-1928 гг. строительство крупного и современного автозавода не состоится, а имеющиеся выпускают несовершенную технику с завышенной стоимостью [12].

Извлечение их доклада Президиума ВСНХ СССР в РЗ СТО СССР о мобилизационной готовности промышленности на 1 октября 1928 г., выпушенный 12 января 1929 г. отразил тяжёлую ситуацию, сложившуюся в отечественном автомобилестроении. По трехлетней заявке НКВМ удовлетворенность заявки составляла по 1,5 т. грузовикам – 7,4%, по 3-3,5 т. грузовикам – 6,8%. Отмечалась зависимость выпуска автомобилей от импортных приборов и материалов, дефицит квалифицированной рабочей силы [12].

В целом можно говорить о том, что потребность в обычных и БА сильно недооценивалась. О чем свидетельствовало Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о состоянии обороны СССР от 15 июля 1929 г. Из девяти позиции существующих средств вооружения, требующих внедрения в вооружённых силах БА находились на последнем 9 месте. Планы моторизации и механизации армии предусматривали наличие 1,5 автомашин на 1 танк [12]. Хотя это не отменяло того обстоятельства что в СССР были люди, например начальник штаба Особой Краснознамённой Дальневосточной армия (ОДВА) А.Я. Лапин указывал на то что БА нужны едва ли не больше чем танки, причем не только для ведения боевых действий, но и для связи [11, 15]

Переломным моментом в разработке и производстве советских бронеавтомобилей стало 17-18 июля 1929 г., когда в Выписке из протокола № 29 заседания Реввоенсовета СССР о системе броневооружения РККА были сформированы требования к БА лёгкого, среднего и тяжёлого класса и указана вероятные шасси для их изготовления.

На основе трехсосного грузового автомобиля планировалась разработка ТРБ для нужд разведки и борьбы с танками. Вооружение должно было состоять из 37-мм пушки с 75 снарядами и двух пулемётов с 3000 патронов, при этом пушка и один из пулемётов должны были иметь круговой обстрел. Бронирование должно было соответствовать 3 мм. Боевой вес должен был составлять не более 6 т., запас хода 400 км., максимальная скорость на дороге составлять 50 км/ч. Экипаж должен был состоять из 3 человек [12].

Однако вопрос о шасси для ТРБ не был решен Доклад нач. Управления по механизации и моторизации РККА И.А. Халепского заместителю наркома по военным и морским делам и председателя РВС СССР И. П. Уборевичу о состоянии работ по осуществлению системы автобронетанкового вооружения от 11 ноября 1930 г. указывал как минимум два возможных претендента. К 1 мая 1931 г. планировалось подготовить трёхосный АМО-2, грузоподъемностью в 2,5 т., на основе которого к 1 октября 1931 г. нужно было разработать ТРБ. Однако в качестве временной меры предусматривалось и использование закупленного в САСШ шасси Moreland [3, с. 129, 12].

Служебная записка наркома по военным и морским делам СССР и председателя Реввоенсовета СССР К. Е. Ворошилова заместителю председателя ВСНХ СССР М.Л. Рухимовичу о необходимости форсирования работ по автостроению от 13 марта 1930 г. констатировала своеобразие сложившейся ситуации. Выяснились факты того что завод АМО вносит в основной тип автомобиля изменения, ухудшающие его проходимость по

грунтовым дорогам не рассмотрено производство 3-осных машин [12].

Однако проблемы не ограничивались одними только шасси, нерешенной оставалась ситуация с броней. Письмо наркома по военным и морским делам СССР и председателя Реввоенсовета СССР К. Е. Ворошилова председателю ВСНХ СССР С. Орджоникидзе о выполнении танкостроительной программы на заводах «Большевик» и Ижорском от 3 декабря 1930 г. констатировало что при плане по изготовлении 65 корпусов для БА было сдано 7. На 1931 г. программа Ижорского завода предусматривала бронирование шестиколесных автомобилей АА – 150 шт. [12] Исследование современной литературы и журналов того времени не позволяет найти отдельного бронеавтомобиля АА, выпускаемого в СССР, скорее всего речь идёт о строительстве части БА-27 на шасси Ford АА или смены шасси БА с АМО-15-Ф на Ford АА. Вероятно, данная работа осуществлялась на территории завода имени Коммунистического интернационала молодёжи (КИМ), который с 1929 г. по 1932 г. осуществлял сборку Ford A и Ford АА из американских, а позже производимых на Нижегородском автомобильном заводе [5, с. 76-78, 81-82; 12].

Справка ЭКУ ОГПУ СССР генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину о работах осужденных специалистов при техническом отделе ЭКУ ОГПУ в 1931 г от 22 февраля 1932 г. отмечала подвижки в развитии бронеавтомобилей, на основе полуторатонного шасси Ford АА разрабатывалось трехсосоное шасси, которое в мирное время должна была выполнять функционал обычного грузового автомобиля, а в военное время должно было оснащаться бронированием толщиной от 5 мм. до 8 мм. и четырьмя пулемётами, предположительно ДП-27. Отрабатывалась оснащение таких машин дизельными двигателями мощностью в 80 л.с., стандартный Ford АА имел карбюраторный двигатель мощностью в 40 л.с. [3, с. 131-133; 12].

Среди положительных сторон данного проекта могла стать, перевозка важных грузов и доставка к месту действия пехотинцев, сопровождение колонн автотранспорта, использование в качестве штабного автомобиля высокой защищенности. В зависимости от конфигурации бронекорпуса и используемого двигателя машина могла получиться как достаточно маневренным и проходимым колесным бронетранспортёров на 8-10 человек, так и почти непригодным для движения вне шоссе «бронеавтобусом» на 20, всё это наряду с отсутствием данных о запасе хода и массе не позволяют нам подобрать прямые аналоги заказанного к разработке бронеавтомобиля за рубежом.

Из выпушенных в 1920-1930 гг. БА наиболее концептуально близкими является японский Type 92 больше известный как Chiyoda armoured car разработанный на основе грузовика Type QSW в 1930 г. ТРБ при толщине бронирования в 4-6 мм., и вооружение из 3 пулемётов Type 11, два из которых могли устанавливаться в башне сложной формы, двигателе мощностью в 75 он имел массу в 5,6 т., запас хода составлял 240 км., максимальная скорость 60 км/ч. Машина помимо экипажа в 5 человек, была способна перевозить десант из 4. Позже был создан бронеавтомобиль Type 2593 «Hokoku», больше известный как Type 93 «Kokusan», с более мощным вооружением из 4 пулемётов Type 11 и одного Теру 97, бронированием в 8-11 мм., увеличившейся до 7,38 т. массой, экипажем в 6 человек, двигателем в 85 л.с., но без десанта и с сократившимся до 220 км. запасом хода. ТРБ обоего типа было выпущено около 250 штук, однако вскоре они проиграли конкуренцию танкеткам Type 94 в виду их большей проходимости и пригодности для буксирования артиллерии. Сказался и доктринарный фактор – японское руководство не рассматривало длительный отрыв бронетехники от пехоты. [9, с. 27-32,35-37,41; 10, с. 11-15, 29-32].

Эта же справка рассматривала не много ни мало разработка на основе конструкции полуторатонного грузовика «Ford АА» трехосной машины с двумя ведущими осями, с целью достижения высокой проходимости по пересеченной местности. В мирное время автомобиль планировали использовать для тяжелых условий работы, а в военное покрывать броней толщиной в 4-7 мм и вооружать 37-мм орудием, предположительно ПС-2, и двумя пулеметами, предположительно ДП-27, при этом ни размещение вооружения, ни наличный боекомплект не оговаривался [2, с. 27; 12].

К несчастью, отсутствие данных о запасе хода и массе не позволяют нам подобрать прямые аналоги заказанного к разработке БА за рубежом, но из выпушенных в 1930-х гг. бронеавтомобилей наиболее концептуально близкими являются итальянский Fiat M1934 разработанный на основе грузовика Fiat 611 C в 1934 г. ТРБ при толщине бронирования в 8,35-16 мм., и вооружение из 37-мм пушки Vickers-Terni 37/40 и двух пулеметов Breda Mod. 5C, при двигателе мощностью в 46 л.с. имел массу в 7 т., запас хода составлял 280 км., максимальная скорость 30 км/ч. Пушка и один из пулеметов находился в башне, в переднем и заднем бронелисте соответственно, второй пулемет находился в кормовом бронелисте корпуса, боекомплект состоял из 50 снарядов и 1500 патронов, производился и трехпулеметный вариант лишенный пушки, с боекомплектом в 10000 патронов.

Большой внутренний объем, фактически соответствующий грузовику, позволял ограниченно использовать его в качестве бронетранспортера и штабного БА [7, с. 10-12]. Постоянно курсируют данные о якобы существовавшем экземпляре с орудием калибром 47-мм, однако скорее всего мы имеем дело с опечаткой. Единственное итальянское орудие данного калибра – Cannone da 47/32 Mod. 35 получило танковую версию только в 1938 г., в ходе работы над танком Carro armato M13/40 [2, с. 29, 31]. Ни одной фотографии Fiat M1934 с пушкой отличной от Vickers-Terni 37/40 нам так же неизвестно. Серьезными недостатками БА стало то что, попытка сохранить полезный объем грузовика и обеспечить пулестойкость лобовых деталей корпуса и башни на уровне легкого танка L5/30 привело к перетяжелению Fiat M1934 и снижению устойчивости. Да и итальянские военные считали, что для разведки в зоне шоссе и грунтовых дорог более чем достаточно мотоциклов, а на пересеченной и гористой местности больше прока будет от танкеток семейства CV. В итоге были выпушены только 5 пушечных и 5 пулеметных БА данной модели.[8, с. 128, 133].

Стоит отметить, что в 1932 г. была выпушена научно-популярная книга «Бронесилы», давшая характеристику БА как военной техникой. Отмечалось что лёгкие БА вооружены пулемётами и имеют массу до 4 т. Тяжелые БА же должны иметь вооружение из пулеметов и пушек и иметь массу до 7 т. Описывая динамические характеристику указывалась скорость в 45-50 км/ч передним ходом и 12-18 км/ч задним ходом [14, с. 6-7]. В издание отмечалось что с целью роста подвижности происходит переход с 4 колёсных на 6 колёсные БА или установка на них различных вариантов движителя Кенгреса, при этом отмечалось что использование движителя Кенгреса ограничивает скорость хода 18 км/ч, а использование 6 колесного хода лишь увеличивает круг доступных шоссе и твердых грунтовых дорог [14, с. 7-8]. Рассматривался и функционал БА, заключающийся в решение разведки, поддержки пехоты и конницы в блокировании и захвате отдельных укреплённых мест, а также осуществляют преследование противника, подчеркивалось что БА не могут бороться с артиллерией противника и должны используя подвижность покидать поле боя, наличие пушек на БА рассматривалось как средство противостоять другим бронеавтомобилям [14, с. 9-10]. Команда легкого БА должна состоять из 3-4 человек, а тяжелого БА из 10 [14, с. 6-7]. Особое внимание необходимо уделить тому, что в данной книге не фигурировала перевозка десанта или наличие сколько-нибудь многочисленного экипажа для ведения разведки или пространства, предназначенного для перевозки грузов в легких БА, но отмечается наличие такового у тяжелых.

Определенные вопросы вызывало и вооружение тяжелого БА, изначально вооружение БА должно было состоять из автоматических пушек или хотя бы крупнокалиберных пулеметов, однако сбои с принятием данных типов артиллерийских и стрелковых систем на вооружение приводил к оснащению их большим количеством пулемётов винтовочного калибра или 37-мм. пушек низкой баллистики.

Вероятно, это было связано сразу с тремя факторами:

-недостатками базового шасси «Мореленд» и АМО-6, хуже отработанных в производстве и эксплуатации;

-прирост объема которых приводил к росту массы и снижению маневренности относительно уже имеющихся в количестве БА-27 – без явного прироста непосредственной боевой эффективности;

- не отрабатывалась разведка с использованием пеших разведчиков из состава экипажа или десанта;

- неподготовленности части систем вооружений, которые должны были придать жизнеспособность концепции, таких как крупнокалиберные пулемёты калибром в 12,7 мм. и автоматические пушка калибром в 20 мм.

Радикально проблему взялось решить конструкторское бюро Ижорского завода. Итогом работы стал бронеавтомобиль БАИ с существенного уменьшившимся объемом бронекорпуса, за счёт сокращения длины первоначального шасси ГАЗ-ААА на 40 см. В итоге при движении с закрытыми люками водитель мог везти машину не более 5 км., а температура внутри машины достигала 50-57 градусов, при закрытии жалюзи радиатора радиатор мгновенно закипал. Экипаж, составлявший 3 человека в принципе, не мог заниматься разведкой без потери машиной боеспособности [1, с. 15, 138].

Бронеавтомобиль при толщине бронирования в 4-8 мм., при двигателе мощностью в 40 л.с. имел массу в 3,86 т., запас хода составлял 140 км., максимальная скорость достигала 60-75 км/ч. Вооружением стала 37-мм пушка ПС-1 и два пулемёта ДТ-27, орудие и один из пулемётов располагался в башне, второй пулемет располагался в лобовом листе корпуса, боекомплект составлял 34 снаряда к пушки и 3024 патрона к пулеметам [1, с. 16, 138].

Если говорить о производстве БА то Постановление СТО СССР № 85сс/о «Об обеспечении РККА вооружением на год ведения войны и капитальному строительству НКТП» от 9 сентября

1933 г. обязывался дать мощности и обеспечить подачу в первый год войны, если она начнется в 1934 г., следующее количество танков и БА: Т-37 – 13000; Т-26 – 11 500; БТ – 4000; Т-28 - 200; Т-35 - 100; ФАИ – 1070; БАИ – 870 [4, с. 95-96; 13]. Сложившееся положение создавала ситуации конкуренции БА с танкетками и малыми танками за производственные мощности, ставшую обратной стороной унификации.

Доклад члена Комиссии советского контроля при СНК СССР Г. Д. Хаханьяна секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину об итогах проверки мобилизационной работы Наркомата тяжелой промышленности СССР от 7 октября 1934 г. содержал информацию о том что мобзадание Выксунскому заводу дробо-размолочных машин было выдано только в июле, не были созданы запасы инструмента, готовых деталей и агрегатов для намеченного развертывания производства, для этого было необходимо вложить не менее 4 млн. руб. Фактически заводом было выпушено 109 БАИ [13].

Необходимо отметить, что частично ограничение производства БАИ было связано с разработкой БА-3 вооружением которого должно было стать 45-мм орудие высокой баллистики, установленное в башне, для соблюдения баланса корпус был удлинен на 50 мм.[1, с. 15-16, 138; 2, с. 28].

БА при толщине бронирования в 4-8 мм., и вооружение из и двух пулеметов ДТ-27, при двигателе мощностью в 40 л.с. имел массу в 5,82 т., запас хода составлял 140 км., максимальная скорость достигала 60-70 км/ч. Вооружением стала 45-мм танковая пушка образца 1932 (20-К) и два пулемёта ДТ-27, орудие и один из пулемётов располагался в башне, второй пулемет располагался в лобовом листе корпуса, боекомплект составлял 60 снарядов к пушки и 3402 патрона к пулеметам [1, с. 15-16].

Фактически можно говорить о том, что начав с концепции ТРБ, не оказались от неё подобно итальянцам и не довели до логического завершение обесценив, подобно японцам. Советские конструкторы вернулись к реализованной ещё на уровне БА-27 концепции «колесного танка», крайне ограниченно пригодного для разведки, дозора и связи. В целом концепция ТРБ, как перевозящего разведывательную группу и оснащенного орудием для её прикрытия и ситуативного противостояния бронеавтомобилям противника, так и не была реализована в 1930-1940 гг. ни в одной из стран мира.

Литература

1. Коломиец М.В. Бронеавтомобили Сталина. «Золотой век» бронеавтомобилей. М.: Стратегия КМ: Яуза: Эксмо, 2012. 144 с.

2. Новиков М.С. «Ударной силой орудийных башен» – к вопросу о создании артиллерийского вооружения советской бронетехники 1930-х гг. // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2020. Т. 5. № 1. С. 25 – 34.

3. Панькин В.П., Ходосовский Ю.В., Челянов Э.Р. Военно-технические аспекты развития военной автомобильной техники // Военная мысль. 2020. № 11. С. 127 – 135.

4. Герасимов Г.И. Бронетанковая техника РККА: количество и качество (1924 – июнь 1941 г.) // VII Международная научно-практическая конференция мир оружия: история, герои, коллекции. Тульский государственный музей оружия.2019. С. 94 – 98.

5. Миронов А.В., Коровин Ю.Н. История развития автомобильной техники в довоенный период // Войска Национальной гвардии Российской Федерации: прошлое и настоящее: Сборник трудов межвузовской научно-практической конференции (к 210-летию образования войск правопорядка и 5-летниму юбилею создания Росгвардии). Саратов, 2021. С. 74 – 82.

6. Осьмаско С.Г., Артамонова О.А. Вооруженный конфликт на КВЖД (1929 г.): боевой опыт и советское военное строительство // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Общественные и экономические науки в современных исследованиях». 2018. С. 6 – 20.

7. Cappellano F., Battistelli P.P. Italian armored & reconnaissance cars 1911-45. Oxford:Osprey Publishing, 2018. 48 p.

8. Leland N. Jane’s World War II tanks and fighting vehicles. NY: Collins, 2002. 240 p.

9. Rottman L.G., Takizawa A. World War II Japanese Tank Tactics. (Elite). Osprey Publishing, 2008. 48 p.

10. Zaloga S.J. Japanese Tanks 1939-45. (New Vanguard). Oxford: Osprey Publishing, 2007. 48 p.

11. Советское военно-промышленное производство (1918-1926) [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/node/29264 (дата обращения: 11.02.2022)

12. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927-1932) [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/node/29264 (дата обращения: 11.02.2022)

13. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1933-1937) [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/node/48263 (дата обращения: 11.02.2022)

14. Жуков Б. Бронесилы 1932 г. М.: Молодая гвардия. ОГИЗ,1932. 24 с.

References

1. Kolomiec M.V. Broneavtomobili Stalina. «Zolotoj vek» broneavtomobilej. M.: Strategiya KM: YAuza: Eksmo, 2012. 144 s.

2. Novikov M.S. «Udarnoj siloj orudijnyh bashen» – k voprosu o sozdanii artillerijskogo vooruzheniya sovetskoj bronetekhniki 1930-h gg. Omskij nauchnyj vestnik. Ser.: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. 2020. T. 5. № 1. S. 25 – 34.

3. Pan'kin V.P., Hodosovskij YU.V., CHelyanov E.R. Voenno-tekhnicheskie aspekty razvitiya voennoj avtomobil'noj tekhniki. Voennaya mysl'. 2020. № 11. S. 127 – 135.

4. Gerasimov G.I. Bronetankovaya tekhnika RKKA: kolichestvo i kachestvo (1924 – iyun' 1941 g.). VII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya mir oruzhiya: istoriya, geroi, kollekcii. Tul'skij gosudarstvennyj muzej oruzhiya.2019. S. 94 – 98.

5. Mironov A.V., Korovin YU.N. Istoriya razvitiya avtomobil'noj tekhniki v dovoennyj period. Vojska Nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: proshloe i nastoyashchee: Sbornik trudov mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (k 210-letiyu obrazovaniya vojsk pravoporyadka i 5-letnimu yubileyu sozdaniya Rosgvardii). Saratov, 2021. S. 74 – 82.

6. Os'masko S.G., Artamonova O.A. Vooruzhennyj konflikt na KVZHD (1929 g.): boevoj opyt i sovetskoe voennoe stroitel'stvo. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Obshchestvennye i ekonomicheskie nauki v sovremennyh issledovaniyah». 2018. S. 6 – 20.

7. Cappellano F., Battistelli P.P. Italian armored & reconnaissance cars 1911-45. Oxford:Osprey Publishing, 2018. 48 r.

8. Leland N. Jane’s World War II tanks and fighting vehicles. NY: Collins, 2002. 240 p.

9. Rottman L.G., Takizawa A. World War II Japanese Tank Tactics. (Elite). Osprey Publishing, 2008. 48 r.

10. Zaloga S.J. Japanese Tanks 1939-45. (New Vanguard). Oxford: Osprey Publishing, 2007. 48 r.

11. Sovetskoe voenno-promyshlennoe proizvodstvo (1918-1926) [Elektronnyj resurs]. URL: http://istmat.info/node/29264 (data obrashcheniya: 11.02.2022)

12. Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1927-1932) [Elektronnyj resurs]. URL: http://istmat.info/node/29264 (data obrashcheniya: 11.02.2022)

13. Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1933-1937) [Elektronnyj resurs]. URL: http://istmat.info/node/48263 (data obrashcheniya: 11.02.2022)

14. ZHukov B. Bronesily 1932 g. M.: Molodaya gvardiya. OGIZ,1932. 24 s.

Novikov M.S., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
State Agrarian University named after P.A. Stolypin

HEAVY ARMORED CAR FOR INTELLIGENCE, PATROL AND COMMUNICATIONS - NOT IMPLEMENTED WAY OF DEVELOPMENT OF SOVIET ARMORED VEHICLES

Abstract: the article analyzes the activities of Soviet designers of the 1920s-1930s, on the development and production of a heavy reconnaissance vehicle capable of transporting a reconnaissance group and carrying out its cover and evacuation, transporting important cargo or being used as staff armored vehicles. To achieve objectivity, the author analyzes the development of heavy reconnaissance armored vehicles abroad. Japanese designers and the military plan large-scale territorial seizures have created vehicles capable of carrying out deep reconnaissance and patrolling, however, the curtailment of the Japanese concept of using armored vehicles in isolation from the main forces led to the curtailment of their production. Italy, planning control over the acquired African colonies and a potential conflict with England, attempted to create a vehicle capable not only of conducting reconnaissance, but also of resisting light armored vehicles, but errors in the implementation and success of the CV/33 tankette development program stopped the development of armored vehicles in Italy for a long time.

It can be stated that the USSR began to develop heavy reconnaissance armored vehicles earlier or at least in parallel with foreign competitors. When writing the article, the author refers to a wide range of sources, including documents from the 1920s-1930s, modern domestic and foreign literature, publications of the Higher Attestation Commission and the Russian Scientific Citation Index. In the article, the author analyzes the main technical characteristics of heavy reconnaissance armored vehicles, views on their operational use and the influence of production factors on their appearance.

Keywords: armored car, truck, foreign experience, interwar period, defense industry

Юрченко Е.С., кандидат исторических наук, доцент,
Тихоокеанский государственный университет

БОРЬБА АМЕРИКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ЗА РЕАЛИЗАЦИЮ СОГЛАШЕНИЙ ПО ЗАПАДНЫМ ГРАНИЦАМ ПОЛЬШИ В 1920 Г.

Аннотация: в статье рассматривается позиция США по вопросу о реализации парижских соглашений по западным границам Польши в 1920 г. Попытки американской дипломатии добиться участия в работе комиссии по делимитации границ с Чехословакией и Германией и решении проблемы отправки военных грузов в Польшу в период польско-советской войны. Отношение правительства США к стремлению западных стран добиться пересмотра решений Парижской конференции 1919 г. по границам Германии, Чехословакии и Польши. Также анализируются факторы, которые привели к отказу американского руководства от роли гаранта соглашений по разделу Тешинской области и Верхней Силезии.

Ключевые слова: западные границы Польши, Версальский договор, плебисцит, территориально-пограничный спор

Несмотря на большое внимание историков и правоведов к вопросу о роли США в формировании системы политико-правового урегулирования вопросов, связанных со статусом и границами новых государств в Европе, проблема участия руководства США в реализации соглашений по западным границам Польши до сих пор не стала предметом специального исследования.

Польский вопрос, был одним из краеугольных камней послевоенной архитектуры международных отношений в 1920-1930-е гг. Одновременно он оказался и камнем преткновения в борьбе между традиционной европейской дипломатией альянсов и зарождающимся американоценричным неолиберальным экспансионизмом. Право наций на самоопределение, выдвигавшийся дипломатией США как ключевой элемент нового мирового порядка предусматривал активное внедрение таких элементов как плебисциты, международный арбитраж, договоры о защите прав национальных меньшинств. Их реализация на практике должна была осуществляться при непосредственном участии Лиги Наций – главного детища президента В. Вильсона. Лига должна была стать универсальным инструментом урегулирования международных конфликтов. При этом США как государство, декларировавшее отсутствие империалистических целей, брали на себя роль гаранта непредвзятого и справедливого осуществления прав народов, выступая с позиций демократического патернализма. Именно поэтому подписание Версальского мирного договора в 1919 г. стало возможным лишь после согласия союзников с проектом Лиги Наций. Версальский договор с Германией и Малый версальский трактат с Польшей были подписаны одновременно 28 июня 1919 г. Первый предусматривал решение вопроса о спорных территориях посредством плебисцитов под патронажем Лиги Наций, второй возможность национальных меньшинств в Польше обращаться в Лигу за защитой в случае нарушения их прав польским государством. Для польского руководства, стремившегося вернуть утраченные исторические территории Речи Посполитой, подобный сценарий означал полную зависимость от великих держав в решении проблемы границ и постоянную угрозу вмешательства во внутренние дела.

На востоке польские лидеры, пользуясь противоречиями в стане союзников, активной поддержкой Франции и слабостью новых национальных государств, осуществляли политику свершившихся фактов, стараясь отодвинуть линию границ как можно дальше путем военных захватов. На западе эта политика не имела шансов на успех. Решение всех спорных вопросов на западе было сопряжено с противодействием со стороны союзников, Чехословакии и Германии.

Для США, достигнутые в Париже решения по польским границам, являлись основным элементом создания новой системы международных отношений в Европе. Однако отказ Палаты представителей Конгресса США от ратификации Версальского мирного договора осенью 1919 г. фактически лишил американское государство возможности принимать активное участие в реализации достигнутых соглашений. После окончательного отказа Сената США утвердить Версальский мирный договор 19 марта 1920 г. Белый дом лишился средств силового давления на участников соглашений и оказался ограничен лишь дипломатическими инструментами. В стране наблюдался рост изоляционистских настроений, что в условиях подготовки к президентской предвыборной кампании 1920 г. лишало демократическую партию возможности для маневра. Это во многом предопределило стремление руководства США избегать радикальных шагов на международной арене, поскольку именно внешняя политика Вильсона стала основным объектом критики изоляционистов. Вместе с тем американское правительство

старалось сохранить общий внешнеполитический курс, выработанный в 1919 г. и использовать оставшиеся возможности для того чтобы минимизировать ущерб от действий Конгресса и добиться реализации решений по польскому вопросу.

Помимо внутриполитического фактора в лице республиканской оппозиции, другим не менее значимым фактором, определявшим позицию американской дипломатии, стала политика польских властей. Руководство Польши во главе с Ю. Пилсудским не желало мириться с вмешательством союзников в решение вопроса о границах. В начале 1920 г. польские власти решили игнорировать установленную Декларацией союзников в декабре 1919 г. линию Керзона и продолжили военную кампанию против Советской России. Это решение обернулось угрозой полного разгрома Польши летом 1920 г. и дало возможность ее соперникам использовать ситуацию в своих целях.

Пользуясь временным ослаблением Польши, Германия предприняла попытки педалировать вопрос о плебисците в Верхней Силезии и статусе Данцига. Это стало одной из основных задач немецкой делегации на международной конференции в Спа в июле 1920 г. Туда же отправилась и польская делегация в надежде заручиться помощью союзников в войне с РСФСР. В своем рапорте Главному командованию польской армии член делегации генерал Розвадовский отмечал, что тяжелое военное положение Польши может подтолкнуть союзников к пересмотру позиции по Верхней Селезии и Гданьску: «Господа a la Бертело, как и еврейские советчики господина Ллойд Джорджа, хотели бы воспользоваться этим нашим трудным сейчас положением и сразу сократить Польшу до ее этнографических границ» [1, с. 133].

В январе-феврале 1920 г. государства Антанты оккупировали Верхнюю Силезию для подготовки к проведению плебисцита в соответствии с условиями Версальского мира. Данциг (Гданьск), получивший статус «вольного города» был включен в польскую таможенную систему. Польские власти контролировали порт и железную дорогу Польского коридора, однако фактически город оставался в сфере влияния Германии. Руководство Польши не без оснований полагало, что немецкое правительство воспользуется ситуацией и попытается пересмотреть положение этих территорий. На конференции в Спа немецкая делегация выступила за сохранение Верхней Силезии в сфере экономического влияния Германии, настаивая, что это основное условие выплаты репараций. Немцы требовали проведения плебисцита в Верхней Силезии, рассчитывая, что с учетом военного положения Польши жители региона не захотят входить в состав польского государства. Рост антипольских настроений, подогреваемых левыми в Данциге и Верхней Силезии, осуждавшими войну против России, позволял и союзникам манипулировать вопросом о статусе этих территорий и требовать от поляков признать окончательно линию Керзона.

В разгар польско-советской войны 11 июля 1920 г. прошел плебисцит о государственной принадлежности южных районов Восточной Пруссии, по результатам которого за Германию проголосовало 96,6% населения. Польская сторона впоследствии заявила о фальсификациях и преследовании польских активистов со стороны немецких властей. Однако выбор населения был обусловлен в большей степени ходом польско-советской войны. Вдохновившись итогами плебисцита, германское руководство настаивало на проведении плебисцита в Верхней Силезии. При этом германские власти активно использовали в качестве рычага давления возможность отправки военных грузов для Польши через Германию.

Поляки были крайне обеспокоены распространившейся в начале августа информацией о том, что союзники допускают возможность привлечь Германию не только для транзита военных грузов, что поставит под угрозу контроль Польши над портом Гданьска и железными дорогами Верхней Силезии, но и использовать немецкие войска. В начале августа советник польского дипломатического представительства в Лондоне Я. Цехановский направил в Министерство иностранных дел Польши рапорт о планах союзников по привлечению Германии. По словам советника, он отовсюду получил заверения, что такого соглашения нет и быть не может. С другой стороны, посол Великобритании в Берлине лорд д Абернон при встрече франко-английской комиссии с И. Падеревским перед поездкой в Польшу довольно многозначительно спросил, как, по его мнению, Польша восприняла бы предложение о немецком вмешательстве. «Падеревский резко отреагировал на это, заявив, что это было бы недостойное союзников предложение, если бы оно исходило от Антанты, и одинаково опасное для Польши и для Антанты» [1, с. 247].

22 июля президент Германской республики передал Народному комиссару иностранных дел РСФСР заявление, в котором подчеркивалось, что Германия будет придерживаться нейтралитета. Вместе с тем вопрос о роли Германии вызвал серьезную озабоченность, как в Варшаве, так и в Вашингтоне. США не могли официально участвовать в конференции в Спа, посвященной вопросу о германских репарациях. Тем не менее, американские дипломаты пристально следили за происхо-

дящим на встрече послов и изменениями в политике союзников.

9 августа американский посланник в Берлине Дрезель предупредил, что немецкое рабочее движение солидарно выступает против попыток Антанты вмешаться в польско-советскую войну, в особенности, нарушить нейтралитет Германии: «Я считаю, что мы должны отказаться от политики, допускающей транспортировку через Германию материальных средств и войск Антанты, даже если кажется, что судьба Польши целиком зависит от такой транспортировки. Общественные настроения среди рабочих теперь настолько сплочены, что попытка использования транспорта вызовет забастовки и, возможно, вооруженное сопротивление и разрушение железных дорог до такой степени, что Германия открыто встанет на сторону Советов, и тогда вся Европа снова будет охвачена пламенем. Эта оппозиция будет вызвана независимо от уступок Антанты или взглядов германского правительства» [3]. Информация была переправлена американскому послу во Франции, с рекомендацией донести ее до французского МИД. «Вы должны внимательно информировать Департамент о тенденциях французской политики в отношении отправки поставок или военной помощи Польше, а также о любых попытках Германии аннулировать положения мирного договора относительно ее восточных границ», – настаивал государственный секретарь Б. Колби.

В конце августа американский посол во Франции Уоллес встретился с французским представителем министерства иностранных дел Дж. Палеологом и тот уверил дипломата, что Франция не имела ни малейшего намерения посылать припасы или войска в Польшу через германскую территорию, и «если Германия попытается аннулировать положения мирного договора на востоке, Франция предпримет действия на Рейне» [3]. Тем не менее, Франция настаивала, что кроме отправки оружия и материалов необходима военная оккупация Данцига и отправка в Польшу «вооруженного подкрепления» [1, с. 270]. Однако власти Данцига не желали допускать, чтобы порт стал перевалочной базой для военной помощи польской армии и не давали разрешение на разгрузку кораблей союзников. 21 августа 1920 г. Дрезель сообщил: «Конституционное собрание Данцига вчера проголосовало за резолюцию, одобренную всеми партиями, кроме поляков и независимых социалистов, с просьбой к муниципальным властям провозгласить строгий нейтралитет в отношении войны Польши и России и немедленно уведомить заинтересованные державы. Польские депутаты назвали такие действия враждебным отношением к Польше. Независимые социалисты отвергли провозглашение нейтралитета как бумажную декларацию и осудили отправку американских продовольственных товаров, локомотивов и других поставок через Данциг» [3].

В инструкциях государственного департамента Уоллесу подчеркивалось, что при обсуждении проблемы поставок на конференции послов американский дипломат «может выразить надежду, что их транспортировка может быть облегчена, при условии ясного понимания того, что такие припасы должны использоваться только для защиты польской территории и не давать возможности Польше снова предпринять вторжение в Россию». Также департамент настоятельно рекомендовал подчеркнуть, что принимая во внимание сложившуюся в Европе социальную ситуацию, союзники должны воздержаться от принуждения и давления на местные власти при решении вопроса о поставках. В инструкциях подчеркивалась невозможность для американского посла давать какие бы то ни было рекомендации представителю Лиги Наций в Данциге, поскольку США отказались от участия в этой организации [3].

В Данциг были направлены британские и французские военно-морские силы «в целях обеспечения сообщения Польши с морем в соответствии со статьей 104 Версальского договора, которая обеспечивает Польше свободное и неограниченное пользование портом Данциг» [3]. Премьер Великобритании Д. Ллойд Джордж и премьер Италии Дж. Джолитти обратились к руководству США с предложением об участии в совместных действиях военно-морского флота по обеспечению безопасности Данцига. Однако государственный департамент заявил, что поскольку США не ратифицировали Версальский договор, американское правительство не может участвовать в подобных акциях [3]. Тем не менее, в связи со скоплением в Данциге большого количества эвакуированных из Польши американских граждан, было решено направить один американский корабль для обеспечения их безопасности. 31 августа консул в Данциге Доусон сообщил, что обстановка нормализовалась, и портовые рабочие решили выгрузить военные материалы для Польши. Однако вопрос с транспортировкой военных грузов для Польши оставался крайне сложным. Основной поток грузов направлялся через Чехию и власти Чехословацкой республики также стремились использовать ситуацию в своих целях.

Бедственное положение поляков дало возможность руководству Чехословакии поднять вопрос о делимитации польско-чешской границы. С момента восстановления государственности Польша не скрывала претензий на ряд чехословацких территорий, в особенности на Тешинскую Силезию. С

XIII в. на этой территории существовало Тешинское герцогство, которым до середины XVII столетия управляла ветвь польской династии Пястов. С XIV в. герцогство являлось автономным в составе Богемии, позднее включенной в состав империи Габсбургов. С развалом Австро-Венгрии в эту юго-восточную часть Силезии со смешанным чешско-польско-силезским населением хлынул поток польских мигрантов, значительно увеличивших процент польского населения области. После развала империи и Польша, и Чехия стали предпринимать меры, чтобы закрепить за собой спорные территории. Пользуясь тем, что польские войска заняты войной с ЗУНР, в январе 1919 г. Чехия заняла Тешин.

Союзники, не желавшие, чтобы стороны самостоятельно решали вопрос о территориях, принудили Прагу и Варшаву подписать зимой 1919 г. соглашение о временной демаркации границы и вынудили чехов отвести войска. По решению Верховного совета мирной конференции от 27 сентября 1919 г., судьбу Тешинской Силезии должен был определить плебисцит.

После того как Конгресс США не ратифицировал Версальский договор, американские представители потеряли право участвовать в работе межсоюзных комиссий по делимитации границ. Однако оставалась надежда на то, что правительства стран-участниц конфликта, сами будут заинтересованы в присутствии в комиссиях американцев. В начале 1920 г. государственный секретарь Р. Лансинг направил послу в Чехословакии Ч. Крэйну и послу в Польше Х. Гибсону рекомендации обсудить конфиденциально с правительствами этих стран возможность включить в состав комиссий американских представителей. Оба правительства поддержали это предложение [2]. В конце января министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш официально обратился к американскому послу с просьбой о включении представителей США в работу плебисцитных комиссий в Тешине и Силезии [2]. В феврале подобное обращение поступило от польских властей. Однако президент и государственный департамент медлили с решением. В результате межсоюзная комиссия по подготовке плебисцита была сформирована из представителей Великобритании, Франции, Италии и Японии. В Тешин были введены союзные войска, и комиссия взяла на себя управление областью. Вскоре стало понятно, что она не справится со взятыми на себя обязательствами. Забастовки, беспорядки и протестные выступления чехов и поляков фактически парализовали управление. В этих условиях, эксперты государственного департамента и дипломаты в Польше и Чехословакии призвали Вашингтон воздержаться от включения американского представителя в состав комиссии. По мнению посла в Польше, присоединение американца на данном кризисном этапе, не подкрепленное присутствием американских войск, позволило бы другим членам комиссии свалить на него все промахи, сделав «козлом отпущения».

В июне посол в Чехии Крэйн предупредил департамент о том, что в Чехословакии растут антипольские и антисоюзнические настроения. По его словам, чешские партии открыто заявляют, что позиция Франции, которая намерена компенсировать полякам потери на востоке за счет Тешина и поощряет польско-венгерское сближение против Чехии, может привести к образованию чешско-немецко-российской коалиции против Польши и Венгрии. По мнению чехов, поляки специально саботируют плебисцит, поскольку не уверены в его результатах [2]. Чешский президент Т. Масарик выступил с заявлением, в котором пригрозил в случае, если Тешин не отойдет чехам, то его страна присоединиться к польско-советской войне на стороне Москвы.

Пользуясь тем, что эшелоны с вооружением для Польши шли через территорию Чехии, чехословацкое руководство стало тормозить их отправку. Ч. Крэйн напрямую обратился к Э. Бенешу с просьбой повлиять на ситуацию, но тот отказался. «Во-первых, потому, что Комитет по иностранным делам польского Парламента принял резолюцию в пользу разрыва отношений с Чехословакией и, во-вторых, потому, что польская пресса постоянно заявляла, что тешинский вопрос будет решен силой оружия» [2]. В ответ из Вашингтона пришла инструкция намекнуть Бенешу, что вопрос о помощи Польше является жизненно-важным для самой Чехословакии, и что его решение повлияет на симпатию к его стране со стороны США [2]. После разъяснительной работы Бенеш обещал приложить усилия для разрешения ситуации, но при этом заявил, что задержка эшелонов является инициативой чешских рабочих, а правительство слишком слабо, чтобы оказать на них влияние.

Поскольку ни одна из сторон чешско-польского конфликта так и не пришла к согласию по вопросу о плебисците или международном арбитраже, было принято решение, что спор будет урегулирован в соответствии со схемой, которую окончательно разработают союзники на совещании в Спа. 14 июля британский посол ознакомил государственный департамент с решениями совета послов: «Представители Четырех Союзных держав соответственно уполномочили своих Представителей на Конференции послов, собравшихся в Париже, выработать решение по основаниям, по которым они уже пришли к единодушному согласию и ко-

торые были сообщены их Делегатам на Конференции послов. Эти основания заключаются в следующем:

1. Герцогство Тешинское будет разделено между Чехословакией и Польшей линией, идущей с северо-запада на юго-восток, начинающейся к востоку от деревни Прстна и проведенной так, чтобы оставить Чехословакии город Фристат; затем идущей на юг в направлении Тешена вдоль реки Ольсы, а оттуда на юго-восток таким образом, чтобы оставить Чехословакии город Фристат.

2. Разделить области Шпица и Оравы так, чтобы оставить Польше северо-восточную часть Оравы и северо-западную часть Шпица.

3. Послы примут в консультации с представителями Чехословацкой и Польской Республик такие меры, которые обеспечат удовлетворительное урегулирование всех экономических вопросов, включая вопросы распределения угля и транспорта между двумя странами».

Британский посол выразил уверенность в том, что это решение одобрят США. Он настаивал, что окончательное решение должно быть принято не позднее 25 июля, и что обе стороны должны быть поставлены перед уже принятым и согласованным союзниками решением [2].

Американское руководство было раздражено тем, что союзники произвольно делят территорию, не опираясь Лигу Наций, просто поставив перед фактом, не только чехов и поляков, но и США. В ответе на британское послание государственный секретарь подчеркнул: «Это правительство последовательно придерживалось позиции, что вопросы, касающиеся спорной территории, должны решаться либо арбитражем, беспристрастными судьями, либо плебисцитами, проводимыми справедливо, а не путем установления границ более слабых держав основными державами. Из декларации чехословацких и польских делегатов на конференции в Спа следует, что они согласились лишь с нежеланием принять решение, принятое или навязанное Верховным Советом при определении линии государственной границы в спорных районах. Помимо того, что правительство Соединенных Штатов не могло, не имея фактов, оправдывающих его действия, отойти от политики, изложенной выше, оно не могло определить без более детального изучения, являются ли определенные произвольные границы, предложенные Совету послов Верховным Советом, справедливыми и целесообразными. Понимая, однако, что положение в герцогстве Тешин тяжелое, и что со всех точек зрения желательно быстрее разрешить эту запутанную проблему, это правительство готово временно принять в качестве основы для рассмотрения и исправления в дальнейшем предложенные демаркационные линии».

Б. Колби настаивал, что предложенная союзниками демаркационная линия может рассматриваться только как временная. Окончательное же решение может быть найдено только беспристрастной комиссией из представителей Англии, Франции и Соединенных Штатов, назначенных по согласованию с Чехословакией и Польшей или Лигой Наций [2]. Послу во Франции было поручено донести позицию департамента до французского правительства. В своих разъяснениях Б. Колби подчеркивал, что, во-первых, ни Чехословакия, ни Польша не выражали официально желания отказаться от плебисцита, во-вторых, США не могут одобрить решения, которое было принято без предварительных консультаций, в-третьих, необходимо, чтобы представитель США в Комиссии «имел равный голос в окончательном определении границы, в установлении которой до сих пор участвовали только союзные державы» [2].

Соглашение в Спа было подписано 28 июля 1920 г. Чехословакия получила 58,1% территории, на которой проживало 67,9% населения. Город Тешин был разделен между Польшей и Чехословакией.

Руководство США воздержалось от подписания данного соглашения. В инструкциях послу во Франции Б. Колби пояснил: «Хотя это правительство готово заявить о своем одобрении соглашения от 28 июля, оно предпочитает избегать его подписания, поскольку тем самым возьмет на себя, возможно, моральное обязательство контролировать выполнение условий соглашения». Также глава департамента запросил информацию о комиссии по делимитации границы и возможности включения в нее американского представителя [2]. Посол во Франции Уоллес рекомендовал подписать соглашение, поскольку Польша рассматривает участие США как гаранта беспристрастного выполнения всех условий и предложил назначить от США армейского офицера. Однако в самой Польше соглашение вызвало шквал негодования. И. Падеревский выразил свой протест французскому правительству.

Комиссия в Ораве начала свою работу 22 августа, однако союзники не сочли необходимым уведомить об этом американскую сторону. Когда это стало известно в государственном департаменте, послу во Франции было дано указание немедленно добиться отправки в комиссию американского представителя К. Фостера. В свою очередь, Фостеру были даны четкие указания, что правительство США желает пересмотра границ, установленных в Спа. «Ваша подпись под Тешинским соглашением в настоящее время не имеет суще-

ственного значения, поскольку Департамент считает, что это решение не идет дальше воплощения выводов Конференции послов, в которой вы приняли участие», – подчеркнул Колби [2]. Позднее, исполняющий обязанности государственного секретаря Дэвис посоветовал Уоллесу намекнуть союзникам, что если они не допустят американских представителей к работе комиссии в Тешине, то США, которые еще не подписали Сен-Жерменский договор с Австрией, могут этого и не сделать. Государственный департамент настаивал, что окончательное определение границ должна дать именно комиссия по делимитации, а не конференция послов. В связи с этим присутствие в комиссии американского представителя имело принципиальное значение [2].

Союзники были вынуждены согласиться на включение в состав комиссии по делимитации в Тешине представителя США. Однако позднее ограничили функции этой комиссии решением чисто технических вопросов, лишив ее возможности принимать самостоятельные решения по установлению границы. В марте 1921 г. государственный секретарь Колби поручил американскому представителю отказаться от участия в работе комиссии, поскольку теперь это было лишено смысла [2].

К этому моменту демократы, проигравшие президентские выборы, готовились покинуть Белый дом. В марте 1921 г. в период смены администраций в США в Верхней Силезии был проведен плебисцит, организацию которого осуществляла межсоюзная комиссия под руководством Ле Рона. Борьба за влияние в этом регионе сопровождалась военными столкновениями между польскими и немецкими вооруженными формированиями. По итогам плебисцита большая часть населения 59,5% высказалась за то, чтобы оставить регион в составе Германии, однако союзники проигнорировали это решение. После очередного витка вооруженного противостояния в октябре 1921 г. на конференции в Париже было решено разделить регион между двумя государствами. Новое американское правительство во главе с У. Гардингом отказалось от прежнего внешнеполитического курса и утратило интерес к польскому вопросу.

Отказавшись от ратификации Версальских соглашений и участия в работе Лиги Наций, США сняли с себя все обязательства по гарантии их реализации. Став инициатором внедрения принципа о праве наций на самоопределение в систему послевоенных договоров, американское руководство фактически в 1920 г. было лишено возможности влиять на процесс делимитации границ. Использование механизма плебисцитов при определении статуса спорных территорий оказалось в зависимости от планов Великобритании и Франции, реализовывавших собственный геополитический сценарий. Это в свою очередь повлекло за собой формирование комплекса межгосударственных противоречий в Центральной и Восточной Европе, ставших прологом Второй мировой войны.

Литература

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. III. Апрель 1920 г. – март 1921 г. / Ин-т славяноведения АН СССР, Ин-т истории польско-сов. отношений Польской АН; Отв. ред. И.А. Хренов, Н. Гонсеровская-Грабовская. М., 1965.

2. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1920, Vol. I. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1920v01/d41 (дата обращения: 12.06.2021)

3. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1920, Vol. III. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1920v03/d7501 (дата обращения: 15.06.2021)

References

1. Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skih otnoshenij. T. III. Aprel' 1920 g. – mart 1921 g. In-t slavyanovedeniya AN SSSR, In-t istorii pol'skosov. otnoshenij Pol'skoj AN; Otv. red. I.A. Hrenov, N. Gonserovskaya-Grabovskaya. M., 1965.

2. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1920, Vol. I. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1920v01/d41 (data obrashcheniya: 12.06.2021)

3. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1920, Vol. III. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1920v03/d7501 (data obrashcheniya: 15.06.2021)

Yurchenko E.S., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Pacific National University

THE STRUGGLE OF AMERICAN DIPLOMACY FOR THE IMPLEMENTATION OF AGREEMENTS ON THE WESTERN BORDERS OF POLAND IN 1920

Abstract: the article examines the position of the United States on the implementation of the Paris agreements on the western borders of Poland in 1920. Attempts by American diplomacy to achieve participation in the work of the commission on the delimitation of borders with Czechoslovakia and Germany and solving the problem of sending military cargo to Poland during the Polish-Soviet war. The attitude of the US government to the desire of Western countries to achieve a revision of the decisions of the Paris Conference of 1919 on the borders of Germany, Czechoslovakia and Poland. The factors that led to the refusal of the American leadership from the role of guarantor of the agreements on the division of the Tesha region and Upper Silesia are also analyzed.

Keywords*:* the western borders of Poland, the Treaty of Versailles, the plebiscite, the territorial-border dispute